П. Коганъ.

Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы.

Томъ первый

Выпускъ III

П. Коганъ.

ОЧЕРКИ ИСТОРІИ НОВѢЙШЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Выпускъ III.

ВТОРАЯ ТЫСЯЧА.

Каждый экземпляръ долженъ быть снабженъ штемпелемъ автора. За содержаніе книгъ безъ штемпеля авторъ не отвѣчаетъ и просятъ доставлять ихъ ему.

Книгоиздательство „ЗАРЯ“.
Москва.—1912.

МОСКВА.
Типографія п./ф. „Ломоносовъ". 1-я Тверск.-Ямск. ул., д. № 20.
1912.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій выпускъ завершаетъ обзоръ тѣхъ общественно-литературныхъ теченій, которыя явились отраженіемъ или развивались подъ впечатлѣніемъ великой соціальной ломки, именно подъ впечатлѣніемъ начавшейся ликвидаціи крѣпостническаго строя и связаннаго съ нимъ міра представленій. Быть-можетъ, эту эпоху слѣдовало закончить Островскимъ, чтобы выяснить новые вопросы и задачи, ставшіе передъ русскимъ обществомъ вмѣстѣ съ начинающимся торжествомъ новаго міра предпринимателей и капиталистовъ. Такъ и предполагалось по первоначальному плану. Но (отчасти по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ) пришлось отложить главу объ Островскомъ до слѣдующаго выпуска.

С.П.Б. Февраль 1912. *П. К.*

Отдѣлъ V.

ЧИСТАЯ ПОЭЗІЯ.-ТЮТЧЕВЪ.-ФЕТЪ.-МАЙКОВЪ.

I.

Связь между общимъ настроеніемъ сороковыхъ годовъ и символической поэзіей.—Романтическій характеръ этой эпохи и Тютчевъ.—Біографія и личность Тютчева.—Политическія статьи и политическая поэзія.—Философская лирика Тютчева.

Характеризуя сороковые годы, стараясь поставить великія художественныя дарованія, обвѣянныя ихъ основнымъ настроеніемъ, въ рамки общаго историческаго развитія, мы наталкиваемся на одно крупное литературное явленіе, которое на первый взглядъ представляется необъяснимымъ, какъ бы стоящимъ внѣ колеи. Въ эпоху, когда формировались наши общественно-литературныя направленія, когда жилъ и писалъ Бѣлинскій, родоначальникъ нашей новѣйшей общественно-литературной мысли,—въ эту эпоху расцвѣла „чистая поэзія", явились великіе поэтическіе таланты, муза которыхъ пренебрежительно отвернулась отъ земли, витала въ довременномъ хаосѣ, звала къ сліянію съ безпредѣльнымъ, пѣла „міръ безтѣлесный, слышный, но незримый" и была музой интимнѣйшихъ настроеній души. Какимъ образомъ въ медовый мѣсяцъ союза русской литературы и русской общественной мысли могла явиться поэзія, которую даже

наиболѣе вдумчивые критики-общественники склонны изучать внѣ исторической преемственности? Въ эту эпоху пѣли свои пѣсни Фетъ и Майковъ, въ эту же эпоху создавалъ свою философскую лирику поэтъ, котораго можно назвать величайшимъ изъ русскихъ символистовъ. Имя Тютчева стало знаменемъ для всѣхъ сторонниковъ идеи чистой поэзіи. Нашъ модернизмъ имѣетъ въ его лицѣ великаго предшественника и учителя. Болѣе чѣмъ за полвѣка до появленія первыхъ оффиціальныхъ русскихъ символистовъ прозвучалъ тотъ призывъ, къ которому въ итогѣ сводятся всѣ разнообразные мотивы романтизма и модернизма. Это—призывъ, говорившій о существованіи высшаго, болѣе значительнаго міра, того міра, блѣднымъ отраженіемъ котораго служитъ міръ явленій, міръ нашей дѣйствительности. Это—призывъ, говорившій о томъ, что не разумомъ, не опытомъ и наблюденіемъ, не научнымъ объективнымъ изслѣдованіемъ постигается тотъ самодовлѣющій абсолютный міръ, а созерцаніемъ въ интимные моменты жизни души. Это—призывъ, говорившій о томъ, что поэзія является посредницей между міромъ явленій и міромъ абсолютнымъ, что только она открываетъ въ явленіяхъ присутствіе этого высшаго, вѣчнаго начала, пріобщаетъ ему человѣка и становится религіознымъ культомъ, разрывая преграды между земнымъ и потустороннимъ, постигая во временномъ вѣчное, въ преходящемъ безсмертное. Словомъ, это былъ призывъ къ небу, уводившій отъ земли. И этотъ призывъ звучалъ именно въ 40-е и 60-е годы такъ торжественно и благоговѣйно, какъ никогда послѣ. И звалъ къ этому служенію вѣчности такой глубокій философъ-поэтъ, равнаго которому не выставляла впослѣдствіи символическая поэзія. Именно въ самыя „земныя“, въ самыя общественныя десятилѣтія XIX в.

поэтическій геній нашелъ наиболѣе сжатыя и сильныя слова для выраженія настроеній, чуждыхъ землѣ и враждебныхъ общественному началу, создалъ образы, едва вмѣщающіе богатство заключенныхъ въ нихъ „вѣчныхъ“ идей.

Но это недоразумѣніе только кажущееся. Въ дѣйствительности, быть можетъ, ни одинъ изъ современниковъ Тютчева не имѣетъ такого неотъемлемаго права на имя писателя сороковыхъ годовъ, какъ именно онъ. Никто глубже его не проникъ въ душу современнаго ему поколѣнія и не выразилъ такъ сильно его сокровенную жизнь. Когда сопоставляешь лирику Тютчева съ порывами Бѣлинскаго и Герцена, когда вспоминаешь грустныя мысли Рудина и Нехлюдова и мистическіе порывы славянофиловъ, тогда все яснѣе становится, что изъ одного источника вытекали всѣ эти несходныя на первый взглядъ и мечты, и идеи и что въ поэзіи Тютчева онѣ нашли свое высшее объединеніе. Если не считать Бѣлинскаго, порою вносившаго первые бодрые, жизненные звуки въ меланхолическія мечты догорающаго барства, то мы увидимъ, что 40-е годы, ихъ идеологія имѣетъ и общее происхожденіе, и общій яркій признакъ. По происхожденію всѣ эти яркіе писатели этой эпохи—представители усадебнаго дворянства. Общій признакъ, связующій ихъ несходныя настроенія и идеи, это—тотъ признакъ, благодаря которому эта эпоха названа эпохой „лишнихъ людей“. И Тютчевъ не только не исключается изъ этого общаго настроенія. Напротивъ, было бы непонятно, если бы среди путей, по которымъ устремлялась мысль просвѣщеннаго барства въ эпоху потрясенія усадебнаго уклада жизни, не было бы пути, нашедшаго свое яркое выраженіе въ лирикѣ Тютчева. Теперь на историческомъ отдаленіи намъ ясно, какъ много общаго было

между Аксаковымъ и Герценомъ, Тургеневымъ и Станкевичемъ, даже между западниками и славянофилами въ тѣ времена, когда они еще считали себя непримиримыми врагами. Мы знаемъ, какъ тѣсно были связаны тѣ и другіе съ духовной культурой русскаго дворянства. Въ то время противники не сознавали, что ихъ роднитъ общій признакъ, который въ глазахъ слѣдующаго поколѣнія будетъ казаться болѣе значительнымъ, чѣмъ всѣ ихъ разногласія. Этотъ признакъ—идеализмъ, теоретическій характеръ ихъ вѣрованій, то, что дѣлало ихъ одинаково „лишними людьми". Слѣдующее поколѣніе жестоко посмѣялось надъ этой мечтательностью. Оно поставило эту мечтательность во главу угла при своей оцѣнкѣ „отцовъ". Это поколѣніе мало интересовалось тѣмъ обстоятельствомъ, что однихъ мечты приводили къ восхваленію допетровской Руси, другихъ—къ восхваленію Петра. И тѣ, и другіе были одинаково лишними людьми для новаго бодраго и сильнаго поколѣнія шестидесятниковъ-разночинцевъ. Писаревъ и Добролюбовъ разрушали идеализмъ и теорію, водворяли реализмъ и научное направленіе въ литературѣ; имъ не было дѣла до споровъ между западниками и славянофилами. Правда, было различіе между тѣми и другими и съ точки зрѣнія послѣдующихъ поколѣній. Въ то время какъ славянофильство умерло естественной смертью, западничество послужило переходомъ къ послѣдующимъ теченіямъ русской мысли. Расширяя область своихъ идей, овладѣвъ даже наиболѣе жизнеспособными идеями славянофиловъ, вобравъ въ себя новые разночинскіе элементы, западничество стало тѣмъ источникомъ, изъ котораго широкими потоками разлились всѣ прогрессивныя теченія русской общественной литературной мысли. Но это случилось тогда, когда

западничество, и въ первый періодъ своей жизни не укладывавшееся въ рамки своего узкаго названія, перестало быть дворянскимъ направленіемъ, а стало выраженіемъ разнообразныхъ стремленій и идей, выдвигавшихся новыми общественными силами.

Если таковы были сороковые годы, если для слѣдующихъ поколѣній, по мѣрѣ того какъ эта эпоха отодвигалась въ глубь исторіи, все болѣе и болѣе отчетливо выдѣлялся основной признакъ эпохи, покрывавшій всѣ оттѣнки и различія, то не значитъ ли это, что отмѣченный признакъ былъ именно проявленіемъ ея сокровеннѣйшаго смысла. Этотъ признакъ—мечтательный идеализмъ, оторванность отъ реальной почвы, сознаніе своего одиночества. И было бы странно, если бы именно въ эту эпоху не расцвѣла символическая поэзія, ищущая вѣчнаго въ явленіяхъ, зовущая къ сліянію съ абсолютнымъ. Въ эту эпоху молодежь зачитывалась Шеллингомъ и Гегелемъ, которые вызывали въ душѣ сладкое видѣніе вѣчности. Въ это время Бѣлинскій писалъ: „Весь безпредѣльный, прекрасный Божій міръ есть не что иное, какъ дыханіе единой, вѣчной идеи (мысли единаго, вѣчнаго Бога), проявляющейся въ безчисленныхъ формахъ, какъ великое зрѣлище абсолютнаго единства въ безконечномъ разнообразіи... Онъ воплощается въ блестящее солнце, въ великолѣпную планету, въ блудящую комету; она живетъ и дышитъ и въ бурныхъ приливахъ и отливахъ морей, и въ свирѣпомъ ураганѣ пустынь, и въ шелестѣ листьевъ, и въ журчаніи ручья, и въ рыканіи льва, и въ слезѣ младенца, и въ улыбкѣ красоты, и въ волѣ человѣка, и въ стройныхъ созданіяхъ генія“. И критики-общественники, прекрасно выяснившіе происхожденіе этихъ мыслей Бѣлинскаго изъ тогдашнихъ общественныхъ настроеній, склонны изучать внѣ об-

щественной перспективы поэзію Тютчева, которая была въ сущности поэтической иллюстраціей къ приведенной тирадѣ. Гуманное и мыслящее барство эпохи металось въ поискахъ идеала и дѣла. Вѣковая гармонія рушилась. Тѣ, кто стояли такъ долго во главѣ экономической и умственной жизни страны, оказывались не у дѣлъ съ начавшейся ликвидаціей крѣпостническаго строя. Его разрушеніе началось до его оффиціальной отмѣны, и мысль просвѣщеннаго дворянства направлялась по тѣмъ путямъ, по которымъ неизбѣжно устремляется мысль господствующаго умственно превосходнаго класса, когда перемѣны, совершившіяся въ структурѣ общества, ведутъ къ упраздненію старой организаціи и старыхъ представленій. Сходныя условія порождаютъ сходныя литературныя идеи и формы. „Стихотворенія въ прозѣ“ Тургенева представляютъ мѣстами буквальное сходство съ діалогами Леопарди, „лишняго человѣка“ другой страны,—лишняго почти въ томъ же смыслѣ, въ какомъ были лишними Рудины и Нехлюдовы. Порывъ къ вѣчному, жажда слiянія съ абсолютнымъ, ощущеніе небесной гармоніи въ видимыхъ явленіяхъ дѣйствительности, эти мистическія настроенія перестаютъ казаться загадочными по мѣрѣ того, какъ тщательнѣе изучаются реальныя условія, порождающія ихъ. Эти настроенія, одушевлявшія романтиковъ и подхваченныя нашими поэтами 40-хъ годовъ, неизбѣжно развиваются въ тѣ времена, когда общество лишено возможности активно воздѣйствовать на жизнь, и притомъ особенно развиваются въ опредѣленной средѣ: среди людей съ независимымъ матеріальнымъ положеніемъ, съ благодушнымъ отношеніемъ къ жизни и развитыми умственными интересами,—словомъ, среди людей, которымъ долгіе годы командованія и привилегированнаго матеріальнаго положенія обезпечили воз-

можность развивать въ себѣ эстетическіе вкусы и привычку къ работѣ ума. Если разночинецъ Бѣлинскій скоро отрѣшился и отъ своего мечтательнаго идеализма, то этотъ послѣдній до конца не покинулъ Тургенева и Тютчева, Аксаковыхъ и Герцена. Бѣлинскій въ тотъ періодъ своей жизни, когда онъ начиналъ сознавать опасный характеръ своихъ мистическихъ увлеченій, прекрасно охарактеризовалъ путь, по которому направилась отрѣшившаяся отъ жизни поэзія. Въ своей статьѣ „Русская литература въ 1841 году“ онъ писалъ: „Романтизмъ, это—міръ внутренняго человѣка, міръ души и сердца, міръ ощущеній и вѣрованій, міръ порываній къ безконечному, міръ таинственныхъ видѣній и созерцаній, міръ небесныхъ идеаловъ... Почва романтизма не исторія, не жизнь дѣйствительная, не природа и не внѣшній міръ, а таинственная лабораторія груди человѣческой, гдѣ незримо начинаются и зрѣютъ всѣ ощущенія и чувства, гдѣ неумолкаемо раздаются вопросы о мірѣ и вѣчности, о смерти и безсмертіи, о судьбѣ личнаго человѣка, о таинствахъ любви, блаженства и страданія... Обаятеленъ этотъ фантастическій, запертый въ самомъ себѣ, міръ; Средніе вѣка жили въ немъ безвыходно; наше время, выступившее изъ него же, не отрѣшилось отъ него, но расширило его новыми элементами и уравновѣсило ихъ, помирило его съ исторіей и съ практической дѣятельностью. Горе тому, кто, соблазненный обаяніемъ этого внутренняго міра души, закроетъ глаза на внѣшній міръ и уйдетъ оттуда въ глубь себя, чтобы питаться блаженствомъ страданія, лелѣять и поддерживать пламя, которое должно пожрать его!.. Люди съ сильными натурами, погружаясь въ эту пучину внутренняго созерцанія, могутъ сдѣлаться мистическими сомнамбулами, вдохновенными безумцами,

живыми тѣнями въ чуждомъ и страшномъ для нихъ мірѣ дѣйствительности". Бѣлинскій въ этихъ вдохновенныхъ строкахъ геніально отмѣтилъ, что романтизмъ—не выдумка поэта. Это—душевное состояніе, періодически повторяющееся, и притомъ состояніе людей, ушедшихъ отъ „исторіи, жизни дѣйствительной, отъ природы и внѣшняго міра". Онъ предостерегалъ тѣхъ, кто позволялъ этому душевному состоянію покорить себя. Въ прекрасномъ опредѣленіи Бѣлинскаго романтизмъ расширяется до значенія великаго общественнаго факта. Это—опредѣленный моментъ общественной психики. Не въ поэзіи только отыскалъ великій критикъ слова, опредѣляющія романтизмъ. Жизнь бросила большую группу людей, притомъ людей по своему соціальному положенію наиболѣе образованныхъ и мыслящихъ, въ объятія „внутренняго міра души", сдѣлала ихъ „живыми тѣнями въ чуждомъ и страшномъ для нихъ мірѣ дѣйствительности". Поэзія Тютчева была глубочайшимъ выраженіемъ этой сокровенной сущности души его поколѣнія. И она должна изумлять насъ не тѣмъ, что стоитъ обособлено отъ настроеній эпохи. Напротивъ, поражаетъ, какъ въ сжатыхъ образахъ такъ глубоко воплотилась жизнь коллективной души тогдашняго общества, какъ ясно слышалъ поэтъ то, что объединяло людей родственнаго ему склада души. А въ то время все, что мыслило, выросло въ той же атмосферѣ барства, которой дышалъ Тютчевъ. Никогда общественная жизнь не складывалась такъ благопріятно, чтобы „этотъ фантастическій, запертый въ самомъ себѣ міръ" могъ развиться до своего логическаго конца, чтобы были исчерпаны всѣ философскія и эстетическія возможности, возникающія въ этомъ мірѣ. Эпоха ликвидаціи усадебнаго быта должна была произвести величай-

шаго изъ символическихъ поэтовъ, такъ какъ она загнала въ ихъ внутренній міръ самыхъ мыслящихъ людей времени.

Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ родился 23-го ноября 1803 года въ семьѣ, принадлежавшей къ старинному дворянскому роду, въ Овстугѣ, родовомъ имѣніи Тютчевыхъ въ Орловской губерніи. Авторъ біографіи Тютчева (которая до сихъ поръ, несмотря на свою тридцатипятилѣтнюю давность, остается почти единственнымъ источникомъ свѣдѣній о поэтѣ) И. С. Аксаковъ сообщаетъ, что на зиму Тютчевы переселялись въ Москву, гдѣ имѣли собственные дома и подмосковную,— „однимъ словомъ, жили тѣмъ извѣстнымъ образомъ жизни, которымъ жилось тогда такъ привольно и мирно почти всему русскому зажиточному, досужему дворянству, не принадлежавшему къ чиновной аристократіи и не озабоченному государственной службой". Домъ Тютчевыхъ въ Москвѣ былъ обычный барскій свѣтскій домъ, гостепріимный и радушный, въ которомъ господство французскаго языка уживалось рядомъ съ церковно-славянскимъ чтеніемъ псалтирей и часослововъ. Въ этой обстановкѣ,—гдѣ было такъ много сходнаго съ обстановкой, окружавшей дѣтство Герцена, Толстого и сотенъ другихъ просвѣщенныхъ дворянъ,—протекало дѣтство будущаго поэта. Аксаковъ отмѣчаетъ, въ качествѣ рано проявившихся характерныхъ чертъ мальчика, враждебное отношеніе ко всякому принужденію, ко всякому напряженію воли и къ тяжелой работѣ, особую тонкую изящную духовность и талантливость, которая упраздняетъ необходимость усилій и не даетъ укорениться привычкѣ къ упорному, послѣдовательному труду. Первыя духовныя вліянія, воздѣйствію которыхъ подвергался Тютчевъ,—тоже типичныя вліянія во всѣхъ біографіяхъ писателей сороковыхъ го-

довъ. Съ одной стороны „французы", съ другой— „дядька" Николай Аѳанасьевичъ Хлоповъ, достойно пополняющій галлерею безсознательныхъ воспитателей изъ народа, начиная съ прославленной пушкинской няни. Хлоповъ не покидалъ своего питомца до самой женитьбы, уѣхалъ съ нимъ за границу, куда перевезъ свои иконы и лампады, и, умирая, оставилъ ему икону съ трогательными и наивными надписями. Но болѣе всего своимъ умственнымъ развитіемъ Тютчевъ обязанъ своему воспитателю Раичу, человѣку съ литературнымъ вкусомъ и знаніями. Раичъ переводилъ въ стихахъ Виргилія, Тассо и Аріосто, издавалъ впослѣдствіи журналъ „Галатея". Раичъ познакомилъ своего ученика съ классиками, и вскорѣ 14-тилѣтній Тютчевъ уже перевелъ въ стихахъ посланіе Горація къ Меценату, за что, по представленію Раича, Общество любителей россійской словесности избрало юнаго переводчика сотрудникомъ. Въ 1818 году Тютчевъ поступилъ въ московскій университетъ, гдѣ черезъ три года получилъ кандидатскую степень. Въ 1822 году Тютчевъ уѣхалъ за границу, гдѣ поступилъ на службу въ русскую миссію. Мюнхенъ, столица Баваріи, въ то время одного изъ главныхъ германскихъ государствъ, отличался блестящей придворной, умственной и свѣтской жизнью, назывался „нѣмецкими Аѳинами", куда благодаря щедрости и стараніямъ короля свозились не только рѣдкіе памятники искусства, но и собирались такіе ученые и философы, какъ Шеллингъ. Тютчевъ, высокообразованный, остроумный собесѣдникъ и свѣтскій человѣкъ, сдѣлался любимцемъ салоновъ. Въ 1826 году онъ женился на вдовѣ русскаго дипломата, принадлежавшей къ старинной нѣмецкой аристократіи. Въ 1837 году онъ имѣлъ уже званіе камергера и былъ назначенъ старшимъ секретаремъ посольства въ Ту-

ринъ. Вскорѣ умерла его жена, и въ 1839 году Тютчевъ снова женился на баронессѣ Дернгеймъ. Въ Туринѣ Тютчевъ пробылъ не долго. За самовольную отлучку въ Швейцарію онъ былъ уволенъ, и съ 1840 года онъ переселился въ Мюнхенъ, гдѣ въ качествѣ частнаго человѣка зажилъ прежней свѣтской жизнью. Свидѣтельства иностранцевъ говорятъ о томъ, что Тютчевъ пользовался репутаціей глубокаго и умнаго человѣка и считался авторитетомъ въ свѣтскихъ и дипломатическихъ кругахъ. Его политическая статья „Россія и Германія", опубликованная въ Германіи, обратила на себя вниманіе и была прочтена императоромъ Николаемъ, который одобрилъ мысли, высказанныя въ этой статьѣ. Во время своего пребыванія за границей Тютчевъ нѣсколько разъ на короткое время пріѣзжалъ въ Россію. Въ 1844 году Тютчевъ переселяется въ Петербургъ, гдѣ быстро занялъ видное мѣсто въ великосвѣтскомъ обществѣ. Черезъ четыре года онъ былъ назначенъ старшимъ цензоромъ при особой канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ. Тютчевъ продолжалъ думать надъ политическими вопросами, и появившіяся вскорѣ за границей его двѣ статьи („La Russie et la Révolution" и „Question Romaine et la Papauté"), переведенныя впослѣдствіи на русскій языкъ („Россія и революція", „Римскій вопросъ и папство"), произвели сильное впечатлѣніе за границей и вызвали много толковъ. Какъ поэтъ, Тютчевъ отличался необыкновенной скромностью или, вѣрнѣе, извѣстной барской небрежностью по отношенію къ своимъ успѣхамъ и къ своему литературному имени. Онъ долго оставался неизвѣстнымъ читающей публикѣ, стихотворенія его появлялись сначала въ мало популярныхъ изданіяхъ,—напримѣръ, въ альманахахъ и въ „Галатеѣ" Ранча, затѣмъ въ „Молвѣ", гдѣ тоже не обратили на себя вниманія,

хотя здѣсь и было напечатано одно изъ прекраснѣйшихъ стихотвореній Тютчева „Silentium“. Далѣе, Пушкинъ, сразу оцѣнившій лирическій талантъ поэта, началъ печатать его стихотворенія въ „Современникѣ“ подъ буквами Ѳ. Т., подъ которыми они продолжали появляться въ этомъ журналѣ и послѣ смерти Пушкина. Только въ 1854 году появилось отдѣльнымъ изданіемъ собраніе стихотвореній Тютчева, изданное редакціей „Современника“, и пятидесятилѣтній поэтъ сталъ извѣстенъ публикѣ. Изданіе это было выпущено благодаря стараніямъ Тургенева и, повидимому, безъ всякаго интереса къ нему со стороны самого Тютчева. Административная дѣятельность Тютчева, назначеннаго въ 1857 году предсѣдателемъ петербургскаго комитета иностранной цензуры и остававшагося въ этой должности до конца своей жизни, ознаменована интересной запиской о цензурѣ, которую Тютчевъ подалъ князю Горчакову. Въ этой запискѣ Тютчевъ въ чрезвычайно умѣренной формѣ высказывалъ взглядъ о необходимости расширенія свободы слова. 15-го іюля 1873 года Тютчевъ скончался въ Царскомъ Селѣ.

Изъ этого краткаго очерка жизни Тютчева не трудно видѣть, что онъ прошелъ въ значительной степени тотъ же путь, который проходили люди 40-хъ годовъ, хотя въ чисто-хронологическомъ смыслѣ слова онъ не былъ ихъ сверстникомъ (онъ былъ на 10—20 лѣтъ старше Герцена, Тургенева, Григоровича и т. д.). Онъ пережилъ всѣ вліянія, подъ которыми складывалось ихъ развитіе: и французское воспитаніе, и усадебную обстановку, и преданнаго двороваго человѣка, и заграницу, и даже нѣмецкую идеалистическую философію, съ которой былъ основательно знакомъ. Онъ былъ старше ихъ, и это сказалось въ его отношеніи къ вопросамъ времени. Онъ провелъ огромный періодъ

своей жизни внѣ родины,—и это также отразилось на его отношеніи къ ней. Его юные годы протекли тогда, когда еще не чувствовалось идейнаго броженія въ московскомъ университетѣ, не было кружковъ, не вырисовывались очертанія того особаго общественнаго пути, на который предстояло вступить русской литературѣ и который доставилъ ей столь исключительное мѣсто среди европейскаго художественнаго творчества. Если люди сороковыхъ годовъ были теоретиками и мечтателями по преимуществу, то Тютчевъ былъ таковымъ вполнѣ. Если они стремились къ реальному дѣлу и активному воздѣйствію на жизнь, если это стремленіе разрѣшалось практическими неудачами и вскрывало ихъ теоретическое, порою наивное отношеніе къ жизни, если только въ лицѣ западниковъ этотъ порывъ былъ переходомъ къ реальнымъ пріемамъ борьбы со старымъ укладомъ жизни,—то Тютчевъ былъ почти совершенно равнодушенъ къ дѣйствительности, былъ эпикурейцемъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, не любилъ дѣла и предпочиталъ внутреннюю жизнь ума и сердца. Намъ на историческомъ отдаленіи ясно теперь, какъ мало проницательности было въ его политическихъ статьяхъ. Мы знаемъ теперь, что по иному пути направились судьбы Россіи, и вопросы, поднятые Тютчевымъ въ его политическихъ статьяхъ, совершенно забыты. Чѣмъ-то архаическимъ вѣетъ отъ этихъ сопоставленій Россіи и европейской революціи, отъ этихъ мечтаній о соединеніи папской и православной церкви. И политическія стихотворенія Тютчева немногочисленны. Онъ высказывался рѣдко, больше по поводу внѣшнихъ событій и почти никогда не отзывался на вопросы внутренней жизни, на тѣ вопросы, которые вскорѣ должны были раздѣлить мыслящую Россію на воюющіе идейные лагери. Онъ пѣлъ о довременномъ хаосѣ и о

душѣ природы и въ 40-е, и въ кипучіе 60-е годы. И тѣмъ не менѣе въ его рѣдкихъ откликахъ на современность можно увидать, какъ тѣсно связанъ онъ съ настроеніями людей своего круга. Мы прежде всего остановимся на этихъ откликахъ, на пьесахъ, дышащихъ современностью, а потомъ перейдемъ къ его пѣснямъ на „вѣчныя“ темы. Первыя помогаютъ понять вторыя. Тютчевъ-сынъ своей среды объясняетъ Тютчева-символиста.

Ни одинъ поэтъ не можетъ не выдать тѣхъ соціальныхъ условій, въ которыхъ возникло основное настроеніе его поэзіи. Какъ ни кажется эта поэзія поднявшейся надъ предѣлами времени и пространства, она отражаетъ міръ въ этихъ предѣлахъ. И Тютчевъ не избѣгъ общей участи. Въ одномъ изъ первыхъ стихотвореній („Какъ птичка раннею зарею“) онъ опредѣлилъ свое мѣсто среди сталкивающихся стремленій своего вѣка. Это—то мѣсто, которое заняли люди его круга, почувствовавшіе себя чуждыми среди первыхъ вѣяній новаго времени. „Наше состояніе безвыходно,—писалъ Герценъ,—потому что ложно, потому что историческая логика указываетъ, что мы внѣ народныхъ потребностей и наше дѣло отчаянное страданіе“. И Тютчевъ былъ жертвой этой „исторической логики“. Онъ чуетъ, что на немъ „тяготѣетъ вчерашній зной, вчерашній прахъ“. Онъ—отпрыскъ тѣхъ, кому нѣтъ мѣста въ новомъ „пробудившемся“ мірѣ.

Обломки старыхъ поколѣній
Вы, пережившіе свой вѣкъ,
Какъ вашихъ жалобъ, вашихъ пеней
Неправый праведенъ упрекъ!
Какъ грустно полусонной тѣнью,
Съ изнеможеніемъ въ кости,
Навстрѣчу солнцу и движенью
За новымъ племенемъ брести!

Чувство одиночества—одно изъ преобладающихъ настроеній въ поэзіи Тютчева. И характеръ этого настроенія, тѣ формы, въ которыя облекается выраженіе его тоски, гармонируютъ съ жалобами Рудина, Лаврецкаго, Бельтова и другихъ странниковъ, не находившихъ себѣ мѣста и дѣла въ рождающемся мірѣ новыхъ отношеній. „Что сказать о людяхъ, еще живыхъ, но ушедшихъ съ земного поприща“. Эта грустная мысль, которой Тургеневъ закончилъ свою повѣсть о дворянскомъ гнѣздѣ, не разъ повторена Тютчевымъ въ его лирикѣ. Еще юношей повторялъ онъ слова Лаврецкаго: „Здравствуй, одинокая старость! Догорай, безполезная жизнь“:

И новое младое племя
Межъ тѣмъ на солнцѣ расцвѣло,
А насъ, друзья, и наше время
Давно забвеньемъ занесло.
Лишь изрѣдка, обрядъ печальный
Свершая въ полуночный часъ,
Металла голосъ погребальный
Порой оплакиваетъ насъ!

Самое характерное въ этихъ жалобахъ, это — именно отсутствіе индивидуализма, нежеланіе противопоставлять себя міру въ качествѣ одинокой не пріемлющей его личности, стремленіе подчеркнуть классовый характеръ своей тоски. Тютчевъ говоритъ не о себѣ одномъ, а объ „обломкахъ старыхъ поколѣній“, онъ говоритъ о „пережившихъ свой вѣкъ“, противопоставляетъ не себя одного, а своихъ друзей и свое время „младому племени“, за которымъ трудно брести полусонной тѣнью „навстрѣчу солнцу и движенью“. Не свою, а коллективную тоску властителей стараго міра пѣлъ онъ въ своихъ вдохновенныхъ стихахъ, и тысячи другихъ голосовъ,—голоса Тургенева и Герцена и ихъ сверстниковъ,—вторили этимъ тоску-

ющимъ стихамъ. Въ безсмысленной ли гибели за чужое дѣло, какъ Рене и Рудинъ, въ безполезной ли старости, какъ Лаврецкій, въ культѣ ли крестьянства и его уклада, какъ Толстой и Герценъ, или въ грезахъ о вѣчной гармоніи, о надземной высшей и благой силѣ, присутствующихъ въ явленіяхъ земли, какъ Тютчевъ,— но всѣ эти люди искали выхода внѣ пути, который указывала исторія, всѣ они были родными по духу и настроенію. И Тютчевъ не только не былъ чѣмъ-то исключительнымъ среди нихъ. Онъ всѣхъ красивѣе всплотилъ ихъ идеалистическій порывъ и практическое безсиліе. Онъ зналъ, что душа его—„Элизіумъ тѣней, тѣней безмолвныхъ, свѣтлыхъ и прекрасныхъ, ни замысламъ годины буйной сей, ни радостямъ, ни горю непричастныхъ“.

Такова первая и основанная черта его поэзіи,—та черта, которая позволяетъ установить происхожденіе этой поэзіи, которая роднитъ Тютчева съ его поколѣніемъ, дѣлаетъ его прежде всего сыномъ своего вѣка, связуетъ его кровными узами съ душой просвѣщеннаго, мечтательнаго догорающаго барства. Тютчевъ— „лишній человѣкъ“ прежде всего. Если мы попытаемся, прежде чѣмъ перейти къ мотивамъ его философской лирики, доставившей ему право на безсмертіе, выяснить характеръ мотивовъ, опредѣляющихъ тѣсную связь его съ современностью, то намъ пришлось бы еще разъ подчеркнуть отсутствіе послѣдовательности, нѣкоторую наивность и небрежность такаго эстета и умнаго благодушнаго барина въ истолкованіи текущихъ вопросовъ. Тютчевъ какъ бы нехотя откликается на эти вопросы, не гармонировавшіе съ его натурой умственнаго эпикурейца-аристократа. Еще рѣже говоритъ онъ о нихъ боевымъ и задорнымъ тономъ, вноситъ то раздраженіе, которое заставляло близкихъ

друзей того времени расходиться врагами. Тютчевъ— не политикъ въ реальномъ значеніи этого слова. Онъ склоненъ разсматривать текущія событія сквозь романтическую призму, для рѣшенія запутанныхъ конфликтовъ вызывать призраки изъ могилъ, обращаться къ преданіямъ сѣдой старины. Байронъ, пославъ своего Чайльдъ-Гарольда въ Испанію, вмѣстѣ со своимъ героемъ оплакивалъ страну нѣжнаго шопота и серенадъ, попранную ногой чужеземца. И англійскій романтикъ, выросшій среди портретовъ предковъ, украшавшихъ стѣны стариннаго замка, призывалъ уснувшихъ рыцарей къ освобожденію Испаніи, забывъ, что въ новое время исходы войнъ опредѣляются качествомъ пушекъ и искусствомъ дипломатовъ, а не личной храбростью и феодальными понятіями о чести. Тютчевъ также смотрѣлъ на современность изъ какого-то отдаленнаго міра. Его политическія выступленія случайны. Въ нихъ не чувствуется стройнаго политическаго міросозерцанія. Въ нихъ можно встрѣтить отголоски всѣхъ тогдашнихъ направленій, начиная съ оффиціальнаго народничества и кончая гуманными порывами западничества. Декабристовъ онъ встрѣтилъ враждебнымъ стихотвореніемъ („Къ декабристамъ"). Они, въ его глазахъ,— „жертвы мысли безразсудной", вообразившіе, что ихъ „скудной крови" хватитъ для того, „чтобъ вѣчный полюсъ растопить": „Народъ, чуждаясь вѣроломства, поноситъ ваши имена, и ваша память для потомства, какъ трупъ въ землѣ схоронена". Въ достопамятные севастопольскіе дни, когда системѣ оффиціальной народности былъ нанесенъ смертельный ударъ, Тютчевъ отозвался на историческое событіе огромной важности двумя— тремя стихотвореніями, которыя ясно свидѣтельствовали о томъ, какъ далекъ былъ этотъ мистическій и романтическій умъ отъ трезвой оцѣнки разыгрыва-

юнцейся трагедіи. Не понялъ онъ, что старая дворянская бюрократическая Россія не выдержала экзамена, и императоръ Николай палъ первой жертвой разразившейся катастрофы. Онъ говоритъ о „богохульныхъ умахъ и богомерзкихъ народахъ“, возставшихъ противъ Россіи изъ царства тьмы „во имя свѣта и свободы“. Въ реальной борьбѣ между отсталой Россіей и ушедшемъ впередъ Западомъ онъ старается усмотрѣть борьбу нравственныхъ принциповъ, таинственныхъ началъ. „Ложь воплотилася въ булатъ какимъ-то Божьимъ попущеньемъ“. Наступающій кровавый (1855-й) годъ будетъ „не просто воитель, а исполнитель Божьихъ каръ“. Онъ несетъ съ собой не одинъ, а два меча: „одинъ —сраженій мечъ кровавый, другой—сѣкира палача“. Итакъ, поединокъ между николаевской Россіей и Западомъ, въ глазахъ Тютчева, пріобрѣтаетъ мистическій характеръ. Это бѣдствіе ниспослано небомъ для того, чтобы оно могло наказать какіе-то грѣхи, покарать кого-то виновнаго. И воля неба неясна ему; „слова неясны, роковыя и смутенъ замогильный сонъ“. Это мистическое ожиданіе—все, чѣмъ отозвался на Севастополь Тютчевъ. Подъемъ общественнаго настроенія, послѣдовавшій за севастопольскимъ разгромомъ, не нашелъ въ его музѣ никакого отклика, если не считать четверостишія, обращеннаго къ императору Александру II по случаю освобожденія крестьянъ:

Ты взялъ свой день... замѣченный отъ вѣка
Великою Господней благодатью,
Онъ рабскій образъ сдвинулъ съ человѣка
И возвратилъ семьѣ меньшую братью.

Въ политической поэзіи Тютчева,а особенно въ его политическихъ статьяхъ не трудно уловить голосъ тогдашней оффиціальной философіи. Россія не знаетъ религіознаго вольнодумства и протестантскаго раціонализма, которыя

дѣлаютъ Западную Европу ареной постоянныхъ революцій и потрясеній. Шефъ жандармовъ увѣрялъ, что „прошлое Россіи изумительно, настоящее болѣе чѣмъ великолѣпно, а будущее превосходитъ все, что можетъ нарисовать себѣ самое смѣлое воображеніе“. Статья Тютчева „Россія и революція“ есть не что иное, какъ обоснованіе и развитіе этихъ мыслей. Въ этой статьѣ Россія не только противопоставляется Европѣ, какъ оплотъ христіанства антихристіанскимъ тенденціямъ революціи. Роль Россіи расширяется: ея задача—не только сберечь у себя основы порядка и христіанскія начала жизни, но и сокрушить гидру революціи во всемъ мірѣ. „Давно уже,—говоритъ Тютчевъ въ этой статьѣ,—въ Европѣ существуютъ только двѣ дѣйствительныя силы—революція и Россія. Эти двѣ силы теперь противопоставлены одна другой, и, быть можетъ, завтра онѣ вступятъ въ борьбу. Между ними никакіе переговоры, никакіе трактаты невозможны; существованіе одной изъ нихъ равносильно смерти другой! Отъ исхода борьбы, возникшей между ними,—величайшей борьбы, какой когда-либо міръ былъ свидѣтелемъ,—зависитъ на многіе вѣка вся политическая и религіозная будущность человѣчества“. Итакъ, Тютчевъ шелъ дальше Уварова и Бенкендорфа. Тѣ довольствовались тѣмъ, что оберегали Россію отъ проникновенія вредныхъ идей, умножали число „умственныхъ плотинъ“. Тютчевъ хотѣлъ превратить Россію въ европейскаго жандарма, сдѣлать ее стражемъ легитимизма и клерикализма во всей Европѣ и даже во всемъ мірѣ. Не трудно видѣть, что въ этой статьѣ болѣе глубоко, чѣмъ въ проповѣди оффиціальнаго народничества, воплощена идея международной политики императора Николая I, войска котораго съ такой готовностью посылались для подавленія революціонныхъ и либеральныхъ стремленій въ Европѣ. Тютчевъ

рѣзче поставилъ вопросъ, чѣмъ тогдашняя бюрократія. Онъ видѣлъ неизбѣжность столкновенія между старой Россіей и передовыми силами Европы, и севастопольская катастрофа показала, что если Тютчевъ въ чемъ-нибудь ошибся, то только въ исходѣ этого неизбѣжнаго конфликта. Въ полномъ подавленіи европейскихъ либеральныхъ стремленій онъ видѣлъ миссію императора Николая и вѣнецъ его царствованія. Онъ вѣрно угадывалъ, что „всѣ эти удары землетрясенія, раздающіеся на Западѣ", не остановятся „у порога странъ восточныхъ" и что революція, „охватившая уже три четверти Западной Европы", можетъ увлечь за собою и славяно-православный Востокъ. Онъ указывалъ, что всѣ эти раздирающія Западъ „пропаганды", противоположныя другъ другу, „сольются въ одномъ общемъ чувствѣ ненависти къ Россіи". И Николай I являлся въ его глазахъ „православнымъ императоромъ Востока", котораго Провидѣніе избрало для того, чтобы предотвратить это „громадное крушеніе", спасти человѣчество отъ гибели. Исторія не оправдала пророчествъ Тютчева: послѣ севастопольскаго поединка уваровскія „плотины" разрушались одна за другой подъ напоромъ новыхъ волнъ, старая Россія не только не уничтожила прогрессивныхъ западныхъ стремленій, но сама, хотя и медленно, стала преобразовываться въ духѣ этихъ стремленій, и человѣчество не только не погибло, но даже выиграло отъ такого оборота дѣлъ.

Этими же славянофильскими и панславистскими мечтами окрашена и политическая поэзія Тютчева. Ему чудится Россія, объединившая всѣ славянскіе народы, противопоставляющая началу, спаявшему западные народы, принципу „крови и желѣза" новое начало, принципъ любви. Это объединеніе совершится „не въ Петербургѣ, не въ Москвѣ, а въ Кіевѣ и въ

Цареградѣ". Наивная мечта о завоеваніи Россіей Константинополя,—мечта, увлекавшая славянофиловъ, является центромъ панславистскихъ мистическихъ вѣрованій Тютчева. И эта политическая „программа", какъ и всѣ его политическія убѣжденія, основываются не на анализѣ существующихъ реальныхъ условій, а на преданіяхъ старины, на древнихъ пророчествахъ, на смутныхъ порывахъ души. Въ стихотвореніи „Пророчество" онъ говоритъ:

Не гулъ молвы прошелъ въ народѣ,
Вѣсть родилась не въ нашемъ родѣ—
То древній гласъ, то свыше гласъ:
„Четвертый вѣкъ ужъ на исходѣ,—
Свершится онъ, и грянетъ часъ!
И своды древніе Софіи
Въ возобновленной Византіи
Вновь осѣнитъ Христовъ алтарь!"...
Пади предъ нимъ, о, царь Россіи,
И встань, какъ всеславянскій царь!

Тютчевъ виталъ въ прошломъ или въ туманныхъ расплывающихся представленіяхъ о всемірной миссіи Россіи. Ему и въ голову не приходило, что эта Россія, подтачиваемая крѣпостнымъ правомъ, безправіемъ, произволомъ безчестной бюрократіи и невѣжествомъ, не только не могла мечтать о какой-нибудь миссіи на сторонѣ, но шла быстрыми шагами къ пораженію и позору. Только изрѣдка обращалъ поэтъ свой взоръ въ глубь родины, и тогда предъ нимъ вставали безотрадныя картины: „эти бѣдныя селенья, эта скудная природа,—край родной долготерпѣнья, край ты русскаго народа!" Нѣсколько такихъ стихотвореній, свидѣтельствующихъ о томъ, что Тютчевъ былъ склоненъ на мгновенье обратить свой взоръ къ источнику несчастій Россіи, появились именно въ годы, непосредственно

слѣдовавшіе за севастопольскимъ разгромомъ. Къ 15-му августа 1857 года относится слѣдующее стихотвореніе:

Надъ этой темною толпой
Непробужденнаго народа
Взойдешь ли ты когда, свобода,
Блеснетъ ли лучъ твой золотой?
Блеснетъ твой лучъ и оживитъ
И сонъ разгонитъ и туманы...
Но старыя, гнилыя раны,
Рубцы насилій и обидъ,
Растлѣнье душъ и пустота,
Что гложетъ умъ и въ сердцѣ ноетъ...
Кто ихъ излѣчитъ, кто прикроетъ?
Ты, риза чистая Христа...

Мы отмѣтили почти все существенное въ откликахъ Тютчева на современную дѣйствительность и ея запросы. Причислить его къ опредѣленному лагерю невозможно. По настроенію онъ славянофилъ. Но главный путь его умственнаго развитія совершился до того, какъ славянофильство выросло въ болѣе или менѣе опредѣленное философское и соціально-политическое ученіе, до того, какъ ясно обозначились границы, отдѣлявшія его съ одной стороны отъ западничества, съ другой—отъ оффиціальнаго народничества. Вотъ почему политическая поэзія Тютчева воплощаетъ даже не первую стадію славянофильства, а скорѣе только предчувствіе его. Вотъ почему въ поэзіи Тютчева мы иногда встрѣтимъ диссонансы, нарушающіе общій мечтательно-гармоническій тонъ его политическихъ стихотвореній, встрѣтимъ патріотическіе выкрики, полные задорнаго шовинизма въ духѣ оффиціальной народности, а иногда, наоборотъ, тихую гражданскую скорбь гуманнаго человѣка о печальной судьбѣ массъ и голосъ образованнаго европейца, проводя-

щаго параллели между Россіей и Западной Европой не въ пользу своей родины, очарованнаго богатствомъ европейской природы и европейскихъ воспоминаній. На родинѣ онъ не можетъ забыть, какъ „на солнцѣ пламенѣетъ роскошной Генуи заливъ“. Онъ вспоминаетъ, какъ „заслушивался пѣнья великихъ средиземныхъ волнъ“:

И пѣснь ихъ, какъ во время оно,
Полна гармоніи была,
Когда изъ ихъ родного лона
Киприда свѣтлая всплыла.
Онѣ все тѣ же и понынѣ,
Все такъ же блещутъ и звучатъ;
По ихъ лазоревой равнинѣ
Родные призраки скользятъ.
Но я... я съ вами распростился,
Я вновь на сѣверъ увлеченъ;
Вновь надо мною опустился
Его свинцовый небосклонъ.
Здѣсь воздухъ колетъ: снѣгъ обильный
На высотахъ и въ глубинѣ,
И холодъ, чародѣй всесильный,
Одинъ господствуетъ вполнѣ.

И часто на родинѣ предъ нимъ воскресаетъ чужой край, „волшебный“ край, тогда „сновидѣньемъ безобразнымъ“ скрывается „сѣверъ роковой“, и далекій чужой край въ эти минуты онъ называетъ родимымъ краемъ.

Таковъ Тютчевъ, когда онъ вводитъ насъ въ міръ своихъ реальныхъ чувствъ, когда онъ позволяетъ заглянуть въ сферу своихъ отношеній къ будничной дѣйствительности. Онъ былъ провозвѣстникомъ идеализма 40-хъ годовъ, онъ былъ шеллингіанцемъ, прежде чѣмъ русское шеллингіанство успѣло сознать себя. Если его нельзя причислить ни къ славянофильству, ни къ западничеству, то онъ былъ провозвѣстникомъ и того, и другого.

Онъ былъ первымъ, кто стремился относить частное к вѣчному, искать слѣдовъ „вѣчной идеи“ въ отдѣльных явленіяхъ. Какъ ни скудна политическая поэзія Тютчева, она позволяетъ уловить эту особенность въ направленіи его ума,—особенность, которой суждено было въ 40-е годы окрасить всѣ теченія русской литератур по-общественной мысли. Если онъ заговоритъ о „бѣдныхъ селеніяхъ“, о „краѣ долготерпѣнья“, онъ не станетъ искать путей къ устраненію зла, онъ ищетъ отраженій таинственнаго въ этой нищетѣ. Онъ точно переживаетъ даже чувство нѣкотораго удовлетворенія при мысли о томъ, что иноплеменный взоръ не пойметъ, „что сквозитъ и тайно свѣтитъ“ въ наготѣ родного края. Его манера относить все къ вѣчности, это—общая манера идеалистовъ 40-хъ годовъ. „Чѣмъ свѣтлѣе,—говоритъ о человѣкѣ той эпохи біографъ Станкевича,—отражался въ немъ самомъ вѣчный духъ, всеобщая идея, тѣмъ полнѣе понималъ онъ ея присутствіе во всѣхъ другихъ сферахъ жизни“. Или припомнимъ еще разъ слова автора „Былого и Думъ“ объ этихъ людяхъ: „Все *въ самомъ дѣлѣ* непосредственное, всякое простое чувство было возводимо въ отвлеченныя категоріи и возвращалось оттуда безъ капли живой крови, блѣдной алгебраической тѣнью... Человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобы отдаваться пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ; и если ему попадался по дорогѣ какой-нибудь солдатъ подъ хмѣлькомъ или баба, вступавшая въ разговоръ, философъ не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію народную въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи. Самая слеза, навертывавшаяся на вѣкахъ, была строго отнесена къ своему порядку, къ „гемюту“ или къ „трагическому въ сердцѣ“. Поэзія Тютчева была величайшимъ выраженіемъ этихъ на-

строеній эпохи. Если всѣ люди того времени поднимались надъ „непосредственными и случайными явленіями“ и искали въ нихъ очертаній космоса, то Тютчевъ жилъ въ этомъ космосѣ, онъ почти не видѣлъ реальной оболочки явленій и не интересовался ею, онъ слышалъ только голоса вѣчности, звучавшіе въ случайномъ и временномъ. И его поэзія—богатый источникъ для пониманія тонкихъ движеній и интимныхъ переживаній души, ищущей въ самой себѣ гармоніи, не обрѣтенной въ реальномъ мірѣ,—души, сумѣвшей воздвигнуть надъ міромъ явленій міръ несуществующій и передать чувство своего единства съ космосомъ въ стихахъ, гдѣ мысли и образы тѣснятся, словно пугаясь словъ, словно боясь раскрыться яснѣе въ лишнемъ звукѣ.

Вселенная живетъ и дышитъ въ стихахъ Тютчева. Онъ такъ ясно ощущаетъ цѣльную душу вселенной, гармонію, разлитую въ мірѣ, что каждая звѣзда и каждая былинка въ его стихахъ предстаютъ какъ части одного великаго организма. Для него „природа не слѣпокъ, не бездушный ликъ; въ ней есть душа, въ ней есть свобода, въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ“. Кто не можетъ внимать этому языку, тѣ живутъ впотьмахъ. „Лучи къ нимъ въ душу не сходили, весна въ груди ихъ не цвѣла, при нихъ лѣса не говорили и ночь въ звѣздахъ нѣма была! И языками неземными волнуя рѣки и лѣса, въ ночи не совѣщалась съ ними въ бесѣдѣ дружеской гроза“. Сжатые стихи, превосходящіе дуалистическое ученіе символистовъ, мистическія видѣнія „Сокровища смиренныхъ“! Это неумирающее утѣшительное ученіе, возрождающееся въ эпохи общественаго застоя,—ученіе о двухъ мірахъ и двухъ путяхъ познанія. Однимъ открытъ только міръ явленій. Они обладаютъ только органами чувствъ, они вос

принимаютъ явленія природы какъ механическія соединенія. Имъ кажется, что „листъ и цвѣтъ на древѣ“ приклеилъ садовникъ, „иль зрѣетъ плодъ въ родимомъ чревѣ игрою внѣшнихъ чуждыхъ силъ“. Для нихъ не существуетъ „міръ безтѣлесный, слышный, но незримый“. Имъ не слышенъ „чудный еженочный гулъ“. Но кто умѣетъ постигать непосредственно душу природы, для того ея явленія—выраженіе жизни одухотвореннаго цѣлаго. Каждый звукъ для него ключъ, открывающій тайны этой жизни. Воющій ночной вѣтеръ твердитъ ему о непонятной мукѣ и „взрываетъ порой неистовые звуки“ въ его сердцѣ. И чувство космоса становится столь ощутимымъ, что поэтъ проситъ вѣтеръ умолкнуть:

О, страшныхъ пѣсенъ сихъ не пой
Про древній хаосъ, про родимый!
Какъ жадно міръ души ночной
Внимаетъ повѣсти любимой!
Изъ смертной рвется онъ груди
И съ безпредѣльнымъ жаждетъ слиться...
О, бурь заснувшихъ не буди:
Подъ ними хаосъ шевелится.

И онъ любитъ въ природѣ тѣ явленія, которыя усыпляютъ чувство реальнаго, потому что тогда особенно сильно говоритъ чувство единства съ космосомъ. Онъ любитъ весну, потому что она о людяхъ не знаетъ, о горѣ и злѣ; безсмертьемъ взоръ ея сіяетъ, и ни морщины на челѣ. Она „своимъ законамъ лишь послушна, въ условный часъ слетаетъ къ намъ, свѣтла, блаженно-равнодушна, какъ подобаетъ божествамъ“. Она—животворный океанъ. Она даетъ возможность человѣку, „жертвѣ жизни частной“, омыть эфирной струей этого океана свою страдальческую грудь и хоть на мигъ стать причастнымъ „божески-всемірной жизни“. И всю-

ду въ природѣ чуетъ онъ это присутствіе „божеской всемірной жизни“: „Пѣвучесть есть въ морскихъ волнахъ, гармонія въ стихійныхъ спорахъ, и стройный музикійскій шорохъ струится въ зыбкихъ камышахъ“. И когда послѣ знойной іюльской ночи „небо, полное грозою, все въ зарницахъ трепетало“, онъ чувствовалъ, „словно тяжкія рѣсницы подымались надъ землею и сквозь бѣлыя зарницы чьи-то грозныя зѣницы загоралися порою“. Тютчевъ живетъ въ иномъ мірѣ, онъ видитъ его сокровенную жизнь и онъ говоритъ объ явленіяхъ природы только какъ о проявленіи этой высшей жизни. И нѣтъ натяжки въ его равнодушіи къ міру дѣйствительному, онъ умѣетъ не видѣть предметы въ ихъ прямомъ значеніи. Реальный міръ въ его глазахъ—міръ обмана, а тотъ призрачный міръ, съ которымъ онъ живетъ въ ненарушимой гармоніи, для него—единственный реальный міръ.

Это чувство единства съ космосомъ проникаетъ поэзію Тютчева. Слиться съ безпредѣльнымъ стремились романтики, это стремленіе въ наше время снова прославили модернисты. Мысль о приматѣ невидимаго, но угадываемаго міра передъ яснымъ міромъ явленій одушевляла всѣхъ поэтовъ романтическаго склада души. Этотъ дуализмъ, это представленіе о двухъ формахъ проявленія міровой души влечетъ за собою и представленіе о двухъ началахъ въ человѣкѣ, о двухъ средствахъ постиженія міра. Эти два начала въ человѣкѣ, двѣ способности его духа какъ бы враждебны другъ другу. Кто умѣетъ постигать природу органами чувствъ, кто видитъ въ ней механическое сочетаніе звуковъ, цвѣтовъ и предметовъ, въ тѣхъ спитъ высшая способность,—способность воспринимать незримый міръ, высшую жизнь природы. И, напротивъ, тѣ, кому ясна эта высшая жизнь, тѣ равнодушны къ воспріятію

внѣшнихъ признаковъ явленій. Гдѣ же тѣ пути, которые приводятъ къ сліянію съ безпредѣльнымъ, къ непосредственному постиженію души вселенной? Это тѣ состоянія человѣческой души, когда бездѣйствуютъ способности, помогающія воспріятію внѣшнихъ признаковъ предметовъ, когда реальныя впечатлѣнія не давятъ и не убиваютъ ирраціональныхъ силъ, приводящихъ непосредственно къ источникамъ бытія. Только эти состоянія души цѣнитъ поэтъ. Только эти минуты удаленія отъ дѣйствительности—единственно значительные моменты его жизни. Это тѣ моменты, когда бездѣйствуетъ человѣческій разумъ и вступаетъ въ свои права вымыселъ и фантазія. Именно разсудокъ заставилъ человѣка смотрѣть на міръ научными глазами и убилъ въ немъ чутье высшей жизни.

Нѣтъ вѣры къ вымысламъ чудеснымъ,
Разсудокъ все опустошилъ
И, покоривъ законамъ тѣснымъ
И воздухъ, и моря, и сушу,
Какъ плѣнниковъ ихъ обнажилъ;
Ту жизнь до дна онъ изсушилъ,
Что въ дерево вливала душу,
Давала тѣло безтѣлеснымъ.

Черезъ полвѣка самый ослѣпительный и парадоксальный изъ модернистовъ-эстетовъ О. Уальдъ написалъ цѣлую книгу („Замыслы"), въ которой звалъ человѣчество назадъ, въ царство вымысла и оплакивалъ торжество разума и научной правды, которые убили въ человѣкѣ способность поселять души въ бездушныхъ явленіяхъ, одухотворять міръ. И нѣсколько стиховъ Тютчева вмѣщаютъ все богатое содержаніе „Замысловъ", этого евангелія современныхъ эстетовъ. Въ нихъ тотъ же гимнъ древнимъ народамъ, которые подходили къ природѣ съ непосредственнымъ чувствомъ.

Ѳ. И. ТЮТЧЕВЪ.

Ихъ міръ былъ „храмомъ всѣхъ боговъ“, они „книгу матери-природы читали ясно безъ очковъ“. Наука вытравила эту великую способность изъ души современнаго человѣчества. На мѣсто прежнихъ людей, жившихъ въ единеніи съ душой вселенной, явился „родъ ученой суеты“, разсѣяны златокрылыя мечты, опустѣлъ „чертогъ волшебныхъ добрыхъ фей“.

Предвосхитивъ эстетическое ученіе Оскара Уайльда, Тютчевъ за полвѣка до Метерлинка написалъ свое дивное „Silentium“, въ которомъ каждый стихъ вмѣщаетъ въ себѣ столько удивительныхъ мыслей, что „Сокровище смиренныхъ“ представляется лишь пространнымъ истолкованіемъ этихъ сжатыхъ идей. Человѣческое слово безсильно передать высшую жизнь міра, съ которой сливается чуткая душа въ самые интимные моменты своего существованія. Какъ все общее, какъ всякій условный знакъ между многими, слово можетъ служить только для обозначенія одинаково воспринимаемаго многими, для обозначенія тривіальнаго, для выраженія общихъ признаковъ. Исключительное не имѣетъ выраженія въ общемъ языкѣ. Нельзя въ словѣ передать состоянія души, пережитаго однимъ и никѣмъ больше. Стараясь сдѣлать свои интимныя переживанія достояніемъ другихъ, поэтъ понижаетъ ихъ цѣнность. Чѣмъ яснѣе они выражены, тѣмъ дальше уходятъ они отъ своего первоначальнаго образа. Чѣмъ меньше раскрыты они вовнѣ, тѣмъ выше и значительнѣе они. Они достигаютъ своего высшаго значенія, когда они вовсе не высказаны, и высшая поэзія есть молчаніе. Лучшіе изъ символистовъ понимали это. Отвергая внѣшнія формы міра, постигая только присутствіе высшей жизни въ этихъ блѣдныхъ внѣшнихъ формахъ, они не старались въ словахъ и звукахъ высказать то, для чего сама природа не имѣетъ словъ и

звуковъ. Или, если они раскрывали въ словахъ свою душу, они мало цѣнили это внѣшнее выраженіе ея. Они знали, что не высказали самаго значительнаго, что слова передали только ничтожную долю ея интимнаго содержанія, того, что восприняла она отъ высшаго міра. Символическій поэтъ, жаждущій славы, ищущій читателей, пытающійся передать людямъ сокровенное своей души, впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, съ самой сущностью своего міросозерцанія. Истинный символизмъ молчаливъ или если выражается, то неохотно и рѣдко. Оскаръ Уайльдъ говорилъ, что своей жизни онъ отдалъ геній, своимъ произведеніямъ— только талантъ. Онъ зналъ, что жизнь его души была больше того, что онъ высказалъ. Метерлинкъ считалъ молчаніе самымъ краснорѣчивымъ выраженіемъ жизни души. Тютчевъ достигъ высшаго приближенія къ идеалу символическаго молчанія. Онъ, можетъ быть, самый послѣдовательный изъ символистовъ. Его душа не стремилась къ проявленію вовнѣ, онъ самый скупой изъ поэтовъ. Онъ не искалъ читателя. Его литературный обликъ изумительно гармонируетъ съ его идеями. Онъ написалъ немного, и, вѣроятно, самъ по своей инициативѣ напечаталъ бы еще меньше, а можетъ быть, не напечаталъ бы ничего. И потому то немногое, что онъ высказалъ, такъ сжато и такъ сильно, насколько можетъ сильно сказаться въ словѣ интимное и исключительное. Онъ любитъ даже въ явленіяхъ природы тѣ моменты, когда эти явленія не раскрываются, когда они незримы для глаза, потому что тогда яснѣе слышится въ нихъ голосъ міровой жизни. Звѣзды говорятъ ему больше днемъ, когда ихъ не видно, чѣмъ ночью, когда они сіяютъ въ небѣ. Его душа хотѣла-бъ быть звѣздой, „но не тогда, какъ съ неба полуночи сіи свѣтила какъ живыя очи глядятъ на сонный міръ

земной; но днемъ, когда, сокрытыя, какъ дымомъ палящихъ солнечныхъ лучей, они, какъ божества, горятъ свѣтлѣй въ эфирѣ чистомъ и незримомъ". Ему кажется, что Богъ станетъ совершенно ясенъ въ природѣ тогда, когда исчезнетъ все разнообразіе ея видимыхъ явленій: „Когда пробьетъ послѣдній часъ природы, разрушится составъ частей земныхъ: все зримое опять покроютъ воды, и Божій ликъ изобразится въ нихъ". Но самымъ могучимъ выраженіемъ его поэтической скупости, великимъ гимномъ молчанію, программой символической поэзіи является его знаменитое „Silentium":

Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои!
Пускай въ душевной глубинѣ
И всходятъ, и зайдутъ онѣ,
Какъ звѣзды ясныя въ ночи:
Любуйся ими и молчи!
  Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?
Пойметъ ли онъ, чѣмъ ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая возмутишь ключи.
Питайся ими и молчи!
  Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй:
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно волшебныхъ думъ;
Ихъ заглушитъ наружный шумъ,
Дневные ослѣпятъ лучи.
Внимай ихъ пѣнью и молчи!

Есть писатели, которымъ выпадаетъ на долю подыскать наиболѣе сжатыя и сильныя слова для воплощенія типичныхъ состояній души, періодически возникающихъ при сходныхъ условіяхъ въ жизни общества. Есть образы, которые навсегда остаются для мысли-

щаго человѣчества излюбленнымъ воплощеніемъ этихъ душевныхъ состояній. И эти писатели, и эти образы носятъ неточное наименованіе „вѣчныхъ“. Они вѣчны, поскольку не изжиты на извѣстномъ намъ протяженіи исторіи тѣ или иныя общественныя коллизіи и рожденныя ими представленія и чувства, поскольку поэтическое выраженіе ихъ проливаетъ всегда новый свѣтъ на эти представленія и чувства. Они временны и относительны, поскольку мы знаемъ, что они занимаютъ опредѣленное мѣсто среди безчисленнаго количества другихъ факторовъ, на-ряду съ ними участвующихъ въ процессѣ безпрерывнаго развитія общества. Тютчевъ принадлежитъ къ числу такихъ „вѣчныхъ“ поэтовъ и созданные имъ образы—къ числу такихъ „безсмертныхъ“ образовъ, въ которыхъ еще не разъ увидятъ свое яркое отраженіе и найдутъ себѣ истолкованіе сердца и умы многихъ, которымъ придется пережить эпоху, сходную съ эпохой 30-хъ и 40-хъ годовъ. Если „чистая поэзія“ есть фактъ не только литературный, но и общественный, если она не является „беззаконной кометой въ кругу расчисленныхъ свѣтилъ“, если она—одинъ изъ неизбѣжныхъ элементовъ, регулярно выступающихъ на сцену въ опредѣленные историческіе моменты, то никто изъ поэтовъ не оставилъ такого богатаго матеріала для опредѣленія ея роли, какъ Тютчевъ. Онъ былъ символомъ безпочвеннаго идеалистическаго порыва своего времени. Этотъ одинокій человѣкъ, живній такой сложной внутренней жизнью, такъ мало обнаруживавшій интимное своей души, былъ конкретнымъ выраженіемъ сокровеннѣйшихъ чувствъ эпохи. Его фразы —девизы, догматы. Сколько разъ повторялся знаменитый стихъ, возникшій въ психикѣ не сродной ему по духу: „Поэтомъ можешь ты не быть, но гражданиномъ быть обязанъ“! И эта краткая формула вмѣ-

щала въ себѣ огромное содержаніе. Эта формула была итогомъ цѣлой полосы нашей общественно-литературной исторіи, ея духовнымъ выводомъ, философскимъ и соціальнымъ завоеваніемъ. Рой воспоминаній, жестокія идейныя битвы, нескончаемые споры, безконечныя развѣтвленія, расширяющія и углубляющія смыслъ краткаго изреченія,—все это кристаллизовалось въ приведенномъ стихѣ. Такое же всеобъемлющее значеніе получили извѣстные стихи Тютчева, ставшіе священными догматами для натуръ романтическихъ, для сторонниковъ принципа „искусство для искусства". Эти стихи были также итогомъ, также фокусомъ, въ которомъ отразился цѣлый періодъ общественнаго настроенія. „Мысль изреченная есть ложь"! Кто не повторялъ этого знаменитаго стиха въ тѣ моменты, когда глубоко чувствовалось, насколько переживаемое значительнѣе выраженнаго, когда личное и общевыразимое находились между собою въ непримиримомъ конфликтѣ! Кто не чувствовалъ глубокаго содержанія, скрытаго въ другомъ не менѣе прославленномъ стихѣ Тютчева: „всё во мнѣ и я во всемъ",— не чувствовалъ именно „въ часъ тоски невыразимой", когда хотѣлось „вкусить уничтоженья" и „смѣшаться съ міромъ дремлющимъ"!

Поэзія Тютчева была евангеліемъ той сложной и смутной религіи, которая объединяется именемъ „чистой поэзіи". Всѣ остальные поэты этого направленія были толкователями этого евангелія. Они часто расширяли его смыслъ, но ни одному не удалось углубить его.

II.

ФЕТЪ.

Тютчевъ и Фетъ. — Біографія и личность Фета.— Общій характеръ его поэзіи.—Аристократическая безпечность, преображеніе міра черезъ красоту.— Роль поэзіи.—Добро и зло.—Природа.—Слово и звукъ.—Заключеніе.

Если поэзія Тютчева—евангеліе, то лирика Фета—радостное и свѣтлое настроеніе вѣрующаго, душѣ котораго евангеліе даровало внутреннюю гармонію.

Тютчевъ—творецъ эстетической религіи. Въ его стихахъ—сжатость библейскихъ изреченій. Въ его мысляхъ—глубина ума, укладывающаго въ краткіе догматы религіозные порывы милліоновъ сердецъ. Въ его поэтическомъ ученіи весь видимый міръ пропущенъ сквозь призму религіозно-эстетическаго міросозерцанія, и въ его стихахъ запечатлѣно получившееся отраженіе. Фетъ—самый безпечный и аристократическій изъ поэтовъ. Въ его поэзіи нѣтъ благоговѣйной напряженности и глубокой сосредоточенности тютчевскаго стиха. Онъ смотритъ легко и безъ страданія на все безконечное разнообразіе видимаго міра, какъ вѣрующій, для котораго ясно присутствіе Бога во всемъ; какъ вѣрующій, котораго религія научила во всѣхъ вещахъ, даже въ противорѣчіяхъ дѣйствительности видѣть направляющую руку одной Всеблагой Воли. Онъ безъ труда созерцаетъ весь міръ прекраснымъ. Онъ счастливъ и наполняетъ радостью и счастьемъ все, попадающее въ

поле его зрѣнія, преобразуя каждое явленіе въ прекрасное. „Единство души съ космосомъ“ въ его поэзіи— уже завершившійся процессъ. Онъ достигаетъ „стихіи запредѣльной“ б зъ усилія. Онъ постигаетъ ея присутствіе въ явленіяхъ, не погружаясь въ нихъ медленно проникновеннымъ взоромъ. Онъ извлекаетъ „вѣчное“ изъ временнаго легко и свободно или, вѣрнѣе, столкнувшись съ временнымъ явленіемъ, онъ вовсе не видитъ его, сразу улавливая только частицу абсолютнаго, отраженную въ немъ. „Для него,— по счастливому выраженію Н. Н. Страхова,—внѣшній міръ есть только поводъ къ поэзіи“. „Больше всего,—замѣчаетъ тотъ же критикъ,—у Фета поразительна именно та легкость, съ которою онъ подымается въ область поэзіи. Эта область у него граничитъ, повидимому, съ самыми обыденными предметами и мыслями. Обыкновенно, онъ не воспѣваетъ жаркихъ чувствъ, отчаянья, восторга, высокихъ мыслей,—всего того, что считается почти непремѣнной принадлежностью поэзіи. Нѣтъ, онъ очень часто останавливается на чемъ-нибудь самомъ простомъ, на первой встрѣтившейся картинѣ природы, на перемѣнахъ дня и ночи, на дождѣ и снѣгѣ или же на самомъ простомъ движеніи мысли и чувства и вдругъ магическимъ стихомъ онъ преображаетъ все это въ яркую красоту, въ чистое золото поэзіи. Въ этомъ отношеніи онъ—величайшій чародѣй, несравненный поэтъ; чтобы отдѣлиться отъ земли, ему не нужно никакого прыжка, почти вовсе не нужно усилія“.

Это свѣтлое гармоническое настроеніе, эта аристократическая безпечность, окрашивающая неприглядную дѣйствительность въ радужные цвѣта, родились въ такой же усадебной обстановкѣ, въ которой черпалъ свои дѣтскія впечатлѣнія и Тютчевъ, и Герценъ, и другіе мечтатели, стремившіеся воздвигнуть надъ міромъ

реальнымъ созданный ими міръ идеальный. Фетъ родился 23-го ноября 1820 года въ Новоселкахъ, имѣніи его отца Шеншина, находившемся недалеко отъ Мценска. Фамилію Фета будущій поэтъ долгое время носилъ по своей матери, нѣмкѣ, такъ какъ онъ родился до того, какъ бракъ его родителей, пожелившихся за границей по лютеранскому обряду, былъ освященъ православной церковью. Родъ Шеншиныхъ былъ старинный барскій родъ, и отецъ поэта принадлежалъ къ мѣстной аристократіи, былъ предводителемъ дворянства. Читая записки Фета объ его дѣтствѣ („Ранніе годы моей жизни", М., 1893; главный источникъ для изученія этого періода жизни Фета), легко переноситься въ уютную обстановку помѣщичьей семьи. Правда, отецъ поэта не былъ богатымъ. Долги, оставшіеся отъ увлеченья картами еще во время военной службы, держали А. Н. Шеншина всегда въ нѣкоторомъ напряженномъ состояніи. Но тѣмъ не менѣе обстановка, окружавшая дѣтство поэта, была отмѣчена довольствомъ, уютностью и праздностью, столь типичными для барства, живнаго даровымъ трудомъ рабовъ. „За исключеніемъ свѣчей и говядины,—разсказываетъ поэтъ,—да небольшого количества бакалейныхъ товаровъ, все, начиная съ сукна, полотна и столоваго бѣлья и кончая всевозможной съѣстной провизіей, было или домашнимъ производствомъ или сборомъ съ крестьянъ". Обширный штатъ дворовой прислуги; обиліе поваровъ, такъ какъ „литературные интересы въ то время далеко затмевались кулинарными"; „говорливый сонмъ горничныхъ", съ ранняго утра дѣлившихся свѣжими новостями въ родѣ того, что у отставного дѣдушкина повара Игната Семеновича заболѣла голова; „шаловливая Прасковья", новоселкская Шехерезада, разсказывавшая увлекательныя сказки о томъ, какъ царь на походѣ сталъ пить изъ студенаго колодца, а водяной, схвативъ

его за бороду, сталъ требовать, чего онъ дома не знаетъ; многочисленный кругъ помѣщиковъ-сосѣдей и богатой родни; поѣздки по праздникамъ къ богатому дядѣ Петру Трофимовичу,—всѣ эти неизбѣжные элементы помѣщичьяго быта составляютъ основу дѣтскихъ впечатлѣній поэта. Былъ и неизбѣжный „дядька", еще дѣдовскій слуга Филиппъ Агаѳоновичъ,—хранитель семейныхъ преданій, съ благоговѣніемъ вспоминавшій о старомъ баринѣ и любившій своего воспитанника. Образованіемъ будущаго поэта занимались мало благодаря недостатку средствъ; у него не было гувернеровъ, и первыми свѣдѣніями въ грамотѣ, какъ русской, такъ и нѣмецкой, онъ обязанъ своей матери, а также и наемному семинаристу-учителю. Съ дѣтства Фетъ обнаружилъ любовь къ стихамъ, и самъ предавался сочинительству какъ нѣмецкихъ, такъ и русскихъ стиховъ. Огромное впечатлѣніе произвели на него случайно попавшіяся ему пушкинскія поэмы „Бахчисарайскій фонтанъ" и „Кавказскій плѣнникъ". Безмятежно и безпечально протекало дѣтство того, кому предстояло создать свѣтлыя и радостныя пѣсни о красотѣ и гармоніи, разлитыхъ въ мірѣ. Видѣлъ ли Фетъ ужасы крѣпостного права? Пришлось ли ему заглянуть въ трагическую сторону тогдашней дѣйствительности? Только объ одной драмѣ упоминаетъ Фетъ,—объ одной изъ тѣхъ безчисленныхъ драмъ, которыя погребены въ густыхъ лѣсахъ, окружавшихъ барскія усадьбы эпохи крѣпостничества. Эта драма разыгралась въ усадьбѣ Борисевыхъ, сосѣдей Шеншина. Борисовъ былъ жестокій самодуръ, носившій у крестьянъ кличку „забалованнаго". Будучи исправникомъ, онъ вынуждалъ сознаніе у заподозрѣнныхъ, приказывая затопить овинъ и „контить" ихъ. У борисовскаго повара Тишки была сестра, дѣвушка, жившая со стремяннымъ Ванькой.

Съ этой дѣвушкой сошелся Борисовъ, къ безмѣрному озлобленію повара и стремянного, возбужденныхъ кромѣ того частыми жестокостями Борисова. Сговорившись съ кучеромъ Дениской, также ненавидѣвшимъ жестокаго барина, Тишка и Ванька научили дѣвушку назначить Борисову свиданіе въ рощѣ, и тамъ всѣ трое, поднявшись изъ густой травы, набросились на коренастаго Борисова, который, при первоначальномъ безучастіи Дениски, успѣлъ было забрать подъ себя перевернувшаго ему галстукъ повара Тишку, а затѣмъ и помогавшаго ему Ваньку. Говорили, что на хрипныя слова Борисова: „Тишка, Ванюшка, пустите душу на покаяніе! Я васъ на волю отпущу!"—Ванька крикнулъ: „Ну, Дениска, если не поможешь, первымъ долгомъ тебѣ ножъ въ бокъ!" Тутъ и Дениска навалился на борющагося, и когда послѣдній былъ покончепъ, они, изготовивъ петлю на веревкѣ, перекинутой на сукъ, встащили его на дерево. Убійцы думали придать его смерти видъ самоубійства. Но, конечно, дѣло легко было раскрыто. Ихъ судили и сослали. Только впослѣдствіи Фетъ узналъ всѣ подробности этой трагедіи. Судя по его воспоминаніямъ, ужасное событіе, разыгравшееся въ хорошо знакомой семьѣ, не омрачило свѣтлаго настроенія его дѣтства и не заставило его призадуматься.

Когда будущему поэту исполнилось 14 лѣтъ, отецъ отвезъ его въ Верро, недалеко отъ Дерпта, въ пансіонъ Крюммера. Онъ пріобрѣлъ здѣсь свѣдѣнія въ латинскомъ языкѣ, математикѣ и физикѣ и впослѣдствіи съ любовью вспоминалъ учителя математики Гульча. Черезъ три года отецъ неожиданно взялъ его изъ пансіона Крюммера, „чтобы не оставлять его въ такомъ отдаленіи отъ родныхъ", отвезъ его въ Москву и помѣстилъ у извѣстнаго историка проф. Погодина для подготовки

къ университету. Воспоминанія Фета объ университетскихъ годахъ и о военной службѣ послѣ университета ярко обрисовываютъ его личность. Полный индифферентизмъ въ вопросахъ общественныхъ, эпикурейскія и эстетическія склонности образуютъ тѣсный союзъ, какъ бы свидѣтельствуя лишній разъ о томъ, что только среди людей, не задѣтыхъ трагическими сторонами тогдашней дѣйствительности, могъ явиться „природы праздный соглядатай“, въ душѣ котораго „шопотъ, робкое дыханье, трели соловья“ заглушали всѣ стоны и муки, доносившіеся съ разныхъ концовъ обширнаго отечества. Пребываніе въ университетѣ, который онъ окончилъ въ 1844 году, такъ какъ на второмъ и третьемъ курсѣ просидѣлъ по два года, совпало съ моментомъ новальнаго увлеченія Гегелемъ. Фетъ удѣляетъ этому крупному событію нашей умственной исторіи двѣ—три странички своихъ воспоминаній. Послѣ Погодина онъ переселился къ Григорьевымъ, гдѣ сошелся съ даровитымъ и чуткимъ юношей Аполлономъ Григорьевымъ. Этотъ юноша сталъ центромъ собиравшагося въ его комнаткѣ студенческаго кружка, членами котораго были выдающіеся студенты, въ родѣ К. Д. Кавелина или знаменитаго впослѣдствіи историка Соловьева. Въ нѣсколько ироническомъ тонѣ изображаетъ Фетъ бесѣды своихъ товарищей „въ небольшихъ комнатахъ, гдѣ стоялъ стонъ отъ разговоровъ, споровъ и взрывовъ смѣха“, причемъ не было „ни малѣйшей тѣни какихъ-либо соціальныхъ вопросовъ“, возникали „одни отвлеченные и общіе“,—напр., „какъ понимать по Гегелю отношеніе разумности къ бытію?“ Эти споры мало интересовали Фета, онъ больше интересовался поэзіей, чѣмъ философскими и общественными вопросами. Изъ всѣхъ членовъ кружка онъ предпочиталъ Полонскаго, поэтическое дарованіе котора-

го онъ отгадалъ чуть ли не первый. „Я любилъ встрѣчать его у насъ наверху до прихода еще многочисленныхъ и задорныхъ спорщиковъ, такъ какъ надѣялся услыхать новое его стихотвореніе, которое читать въ шумномъ сборищѣ онъ не любилъ“. Изъ университетскихъ профессоровъ онъ интересовался только тѣми, лекціи которыхъ имѣли то или другое отношеніе къ поэзіи. „Не испытывая, по его собственному замѣчанію, никакой напускной нѣжности по отношенію къ московскому университету“, онъ однако „не прочь былъ послушать теорію краснорѣчія или эстетику у И. И. Давыдова, исторію литературы у Шевырева или разъясненіе Крюковымъ красотъ Горація“. Любовь къ поэзіи была, повидимому, и главнымъ, если не единственнымъ, звеномъ, соединявшимъ Фета съ Аполлономъ Григорьевымъ. „Связующимъ насъ интересомъ,— замѣчаетъ онъ самъ,—оказалась поэзія, которой мы старались учиться всюду, гдѣ она намъ представлялась, принимая иногда первую лужу за Иппокрену“.

Миновало уже то время, когда въ эпоху благороднаго подъема гражданскихъ чувствъ поэзія Фета подвергалась жестокому осмѣянію, когда его „шопотъ, робкое дыханье“ были символомъ безсодержательнаго и безъидейнаго творчества. Въ настоящее время уже не смотрятъ такъ враждебно на преображающую мечту, претворяющую „первую лужу въ Иппокрену“. Въ настоящее время враги поэта сдѣлали много шаговъ навстрѣчу его поклонникамъ. Но едва ли когда-нибудь поэзія Фета освободится отъ упрека въ полномъ равнодушіи къ дѣйствительности, въ недостаткѣ разносторонняго идейнаго содержанія. И нѣтъ книги, которая бы такъ безпощадно обличала личность писателя, какъ правдивая автобіографія Фета. Быть можетъ, лучшія черты Фета—его простодушная откровенность, отсутствіе пре-

тенціозности, искреннее признаніе, что жизнь, въ его глазахъ, это—красивое веселье въ кругу товарищей, остроумныя бесѣды и безраздумное эпикурейство. Кажется, будто этой задачѣ жизни думалъ служить Фетъ своими стихами, будто ими хотѣлъ помочь онъ счастливымъ пріятелямъ своего круга еще полнѣе вдыхать жизнь, еще глубже и сложнѣе наслаждаться красотами природы и радостями, разсыпанными на ихъ пути. И едва ли онъ когда-нибудь думалъ о міровомъ значеніи, которое стремились придать его творчеству его восторженные поклонники. Счастливая, но не глубокая натура, нѣсколько небрежный эпикуреецъ,—онъ принималъ жизнь такой, какъ онъ засталъ ее и искалъ красоты въ предѣлахъ ея. Все, что требовало глубокаго и вдумчиваго отношенія или большого напряженія воли, не привлекало Фета. Онъ проходитъ мимо фактовъ, которые, казалось бы, не могли не задѣть, не остановить вниманія человѣка чуткаго. Вотъ нѣсколько характерныхъ строкъ объ отцѣ Аполлона Григорьева, домъ котораго, по собственному выраженію Фета, „былъ истинной колыбелью его умственнаго *я*“: „Александра Ивановича я засталъ секретаремъ въ московскомъ магистратѣ. Жалованье его по тогдашнему времени, конечно, было ничтожное, а размѣровъ его дохода я даже и приблизительно опредѣлить не берусь. Дѣло въ томъ, что жили Григорьевы, если не изящно, зато въ изобиліи, благодаря занимаемой имъ должности. Лучшая провизія къ рыбному и мясному столу появлялась изъ Охотнаго ряда даромъ. Полагаю, что кормъ пары лошадей и прекрасной молочной коровы, которыхъ держали Григорьевы, имъ тоже ничего не стоилъ“. Благодушный тонъ, въ которомъ написаны эти строки, повѣствующія о вопіющемъ общественномъ злѣ, ярко характеризуетъ самого Фета. Еще

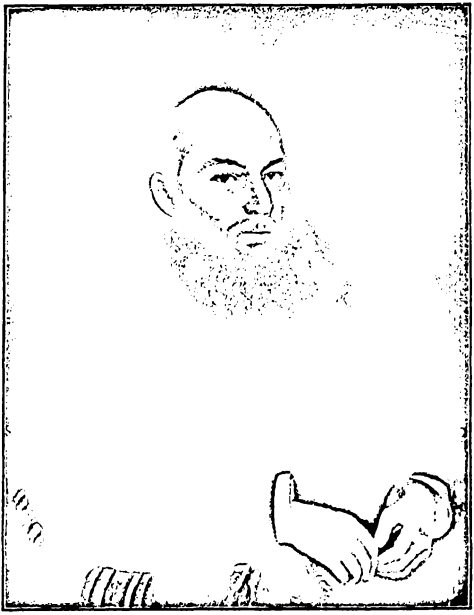
задолго до него взяточничество бичевалось лучшими писателями. А въ эпоху, когда, можно сказать, русская литература уже въ цѣломъ горѣла гражданскимъ энтузіазмомъ, хотя и пропущеннымъ сквозь призму идеализма,—въ эту эпоху полная атрофія гражданскаго чувства не могла быть оправдана даже господствующими воззрѣніями эпохи. Сообщивъ какъ о нормальномъ явленіи о взяточничествѣ, которымъ держалось благополучіе дома, бывшаго „колыбелью его умственнаго я", Фетъ не прибавилъ къ этому факту отъ себя ничего, кромѣ развѣ соображенія (высказаннаго чуть ли не съ оттѣнкомъ сожалѣнія), что матери и сестрамъ „при затруднительности путей сообщенія" Григорьевы не могли изъ этого обилія послать продукты, подвергающіеся порчѣ, и ограничивались только чаемъ, кофе и краснымъ товаромъ.

Вскорѣ по окончаніи университета въ 1844 г. Фетъ поступаетъ въ кирасирскій Военнаго Ордена полкъ. Онъ—добросовѣстный и даже ревностный исполнитель своихъ обязанностей, съ замираніемъ сердца думающій о возможности отличиться во время Высочайшихъ смотровъ. Онъ—добрый товарищъ и вообще стоитъ не выше, не ниже средняго офицера той эпохи, переживаетъ чувство глубокой обиды, когда считаетъ себя обойденнымъ по службѣ, приходитъ въ восторгъ, когда случается отличиться передъ высшимъ начальствомъ. Въ 1858 году, пройдя разныя ступени военной карьеры, онъ выходитъ въ отставку штабъ-ротмистромъ. Во время военной службы Фетъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ привѣтливо встрѣченъ Тургеневымъ, Панаевымъ, Некрасовымъ и другими членами кружка „Современника", гдѣ поэтическій талантъ Фета цѣнили очень высоко. Послѣ долгой работы и споровъ по поводу каждаго отдѣльнаго стиха члены кружка

съ Тургеневымъ во главѣ издали въ 1856 году стихотворенія Фета. Воспоминанія Фета, относящіяся къ этой эпохѣ, къ самому мрачному семилѣтію николаевскаго царствованія, проникнуты обычнымъ эпикурейскимъ и эстетическимъ настроеніемъ. Онъ живо изображаетъ обѣды у Панаева и Некрасова, передаетъ застольныя шутки и остроумныя импровизаціи. По воспоминаніямъ Фета можно подумать, что русская литература переживала періодъ безпечнаго существованія, что у писателей не было никакихъ думъ, кромѣ мысли о томъ, какъ тоньше и изящнѣе обставить товарищескія пирушки. И это въ тѣ годы, общій характеръ которыхъ увѣковѣченъ въ знаменитомъ восклицаніи: „Благо Бѣлинскому, умершему во-время",—въ восклицаніи, въ которомъ ярко сказалось подавленное состояніе передового общества. О горячихъ спорахъ по поводу жгучихъ вопросовъ современности,—споровъ, раздававшихся въ кружкѣ,—Фетъ не упоминаетъ ни словомъ. Правда, однажды ему пришлось быть свидѣтелемъ одного изъ такихъ споровъ между Тургеневымъ и Л. Н. Толстымъ, но онъ ограничился краткими словами по поводу этого спора: „.....не могу не сказать, что хотя я понималъ, что дѣло идетъ о политическихъ убѣжденіяхъ, но вопросъ этотъ такъ мало интересовалъ меня, что я не старался вникнуть въ его содержаніе". Григоровича онъ вспоминаетъ только какъ „веселаго собесѣдника, товарища всяческихъ проказъ и мастера разсказать смѣшной анекдотъ". Такъ преображалъ геній поэта не только явленія природы, но историческіе образы и событія той эпохи, когда мученики и герои русской общественной мысли закладывали основы нашихъ литературно-общественныхъ и философско-историческихъ направленій. Впрочемъ, удивительно ли что такъ отнесся эпикуреецъ-поэтъ къ общественнымъ теченіямъ, когда не болѣе

глубоко задѣла его смерть Николая I, образъ котораго былъ окруженъ въ его глазахъ особымъ ореоломъ. Въ предисловіи къ „Раннимъ годамъ моей жизни“ онъ говоритъ: „Если помимо моего желанія я пристрастенъ, то это по отношенію къ одному государю Николаю Павловичу“. А въ „Моихъ воспоминаніяхъ“ сопровождаетъ слѣдующими строками извѣстіе о кончинѣ императора: „Засыпанные съ головы до ногъ снѣгомъ вошли наши милые Щ—іе. Конечно, послѣ первыхъ привѣтствій потрясающая вѣсть стала предметомъ разговора, но затѣмъ появилась кулебяка и непосредственная жизнь вступила въ свои права“.

По окончаніи военной службы Фетъ уѣхалъ за границу. Въ Парижѣ въ 1857 году онъ женился на Боткиной и по возвращеніи въ Россію вскорѣ пріобрѣлъ небольшое имѣніе въ Мценскомъ уѣздѣ, рѣшивъ посвятить послѣдній періодъ своей жизни сельскому хозяйству. И дѣйствительно, усердное хозяйничаніе привело Фета къ обогащенію. Въ 1877 году онъ покупаетъ уже въ Щигровскомъ уѣздѣ большое имѣніе Воробьевку за 105.000 рублей, а черезъ нѣсколько лѣтъ домъ въ Москвѣ. Этотъ періодъ матеріальной обезпеченности и довольства отмѣченъ богатой литературной дѣятельностью. Фетъ много переводитъ, между прочимъ гетевскаго „Фауста“ и классическихъ поэтовъ (еще раньше онъ перевелъ Горація), издаетъ четыре выпуска стихотвореній подъ заглавіемъ „Вечерніе огни“, въ это же время пишетъ свои воспоминанія („Мои воспоминанія“ и „Ранніе годы моей жизни“). Онъ умеръ 21-го ноября 1892 года. Послѣдній періодъ жизни Фета былъ фактическимъ осуществленіемъ его житейскаго идеала. Онъ достигъ тѣхъ условій, при которыхъ человѣкъ, освобожденный отъ матеріальныхъ заботъ, можетъ отдаться творческой игрѣ своей души. Консервативный, крѣпо-



ФЕТЪ-ШЕНШИНЪ.

стическія воззрѣнія Фета, вызывавшія столько нападковъ на него, были въ основѣ своей инстинктивнымъ обереганіемъ того положенія, которое одно обезпечиваетъ возможность культивированія фантазіи и поэтической дѣятельности. Вся жизнь Фета была инстинктивнымъ стремленіемъ къ этому привилегированному положенію, обезпечивающему досугъ, право на праздность и несмущаемую игру фантазіи. Впрочемъ, болѣе чуткіе романтики всегда сознавали, что безъ праздности и лѣни нѣтъ романтизма. „Настоящая grande passion,—говоритъ О. Уайльдъ устами лорда Генри,—привилегія тѣхъ, кому нечего дѣлать, и поэтому бываетъ достояніемъ лѣнивыхъ классовъ въ странѣ“. Метерлинкъ зналъ, что „въ наши дни нищета—болѣзнь человѣчества“, но онъ предлагалъ забыть „эту несправедливость“, потому что въ противномъ случаѣ не можетъ быть высокихъ мыслей: „Нужно, чтобы хотя немногіе изъ насъ позволили себѣ говорить, думать и дѣйствовать такъ, точно всѣ окружающіе насъ счастливы“. Фетъ былъ цѣльной натурой. Вопреки его собственному желанію въ немъ жило не два существа,—человѣкъ и поэтъ,—а одно существо, оставшееся вѣрнымъ себѣ и въ жизни, и въ поэзіи. Онъ былъ „празднымъ соглядатаемъ“ и тамъ, и здѣсь. И если жизнь порою заставляла его покидать эту роль, выступать на путь активной дѣятельности и борьбы, то праздное созерцаніе всегда оставалось его идеаломъ, и измѣнялъ онъ ему только для того, чтобы въ концѣ-концовъ еще вѣрнѣе прійти къ нему. „Самое ненавистное для меня въ жизни,—говоритъ онъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“—это передвиженіе моего тѣла съ мѣста на мѣсто, и поэтому наиболѣе наводящими на меня унынiе словами для меня всегда были: гулять, кататься, ѣхать“. Самъ онъ не разъ признается въ тѣхъ же воспоминаніяхъ, что „ко всѣмъ возможнымъ направленіямъ онъ былъ со-

вершенно равнодушенъ“ (т. I, стр. 266) и „никогда не могъ понять, чтобы искусство интересовалось чѣмъ-либо помимо красоты“ (I, 225). Его лучшіе друзья приходили въ ужасъ отъ того исключительнаго даже для романтическаго поэта равнодушія къ событіямъ дѣйствительности, какимъ отличался Фетъ. Тургеневъ, его горячій поклонникъ, въ письмѣ къ нему отъ 4-го февраля 1862 года говоритъ: „Вы поражаете умъ остракизмомъ и видите въ произведеніяхъ художества только безсознательный лепетъ спящаго“. Въ другомъ письмѣ, по поводу „плачевнаго конца предпріятія Гарибальди“, Тургеневъ пишетъ: „Я убѣдился, что человѣку нужно еще что-то сверхъ хорошихъ видовъ и старыхъ деревьевъ, и, вѣроятно, вы закоренѣлый и остервенѣлый крѣпостникъ, консерваторъ и поручикъ старшаго закала—даже вы согласитесь со мной, вспомнивъ, что вы въ то же время, поэтъ, и, стало-быть, служитель идеала“.

Въ поэзіи романтизма, въ поэзіи, воздвигнувшей культъ потусторонняго и отвергнувшей землю, Фетъ занимаетъ совершенно особое мѣсто. „Мы рождены для вдохновенья, для звуковъ сладкихъ и молитвъ“. Въ этой трехчленной формулѣ Фетъ съ исключительнымъ пристрастіемъ облюбовалъ „сладкіе звуки“. Онъ любитъ и вдохновеніе, и молитвы, онъ любитъ всю сложность душевныхъ переживаній, соединенныхъ съ мистическимъ устремленіемъ къ нездѣшнему. Но больше всего онъ цѣнитъ въ этомъ устремленіи то, что оно приноситъ душѣ сладость и счастье, забвеніе печальнаго и отталкивающаго, даруетъ человѣку великую способность окрасить розовымъ цвѣтомъ всѣ, даже самые черные предметы земли. Всѣ поэты романтическаго склада смотрѣли на приливы своего вдохновенія какъ на моменты своего общенія съ нездѣшнимъ, абсолют-

нымъ міромъ; всѣ они были увѣрены, что въ эти моменты они видятъ тайны абсолютнаго и что долгъ ихъ состоитъ въ томъ, чтобы вѣсть объ этихъ тайнахъ и объ этомъ мірѣ приносить людямъ, которые сами не обладаютъ счастливымъ даромъ провидѣнья и только черезъ поэтовъ могутъ время-отъ-времени пріобщаться къ „стихіи запредѣльной". Въ Средніе вѣка папское духовенство приписывало себѣ эту миссію и вѣрило, что молящіеся, наполняющіе храмъ, только благодаря священнослужителю вступаютъ въ общеніе съ высшимъ міромъ, чувствуютъ присутствіе Бога. Послѣ паденія церковнаго авторитета, принявъ на себя роль пророковъ и священнослужителей, ставъ посредниками между невидимымъ міромъ и людьми, поэты сохранили одну черту прежнихъ служителей Бога: принося людямъ вѣсть объ этомъ мірѣ, они не замѣчали, что въ ихъ изображеніи этотъ міръ принималъ всегда тѣ формы, которыя обобщали ихъ собственные родившіеся на землѣ вкусы и привычки, что безсознательно возводили они въ „вѣчное" и „абсолютное",—тотъ строй чувствъ и мыслей, признаніе котораго дѣлало оправданнымъ и гармоническимъ ихъ собственное существованіе.

Для Фета общеніе съ высшимъ міромъ это—прежде всего равнодушіе къ „скорбной драмѣ нашего временнаго бытія". По образу и подобію своему создаетъ онъ своего Бога. Образъ „нездѣшняго" онъ строитъ по образцу того „здѣшняго", которое ставило своимъ идеаломъ безпечное эпикурейское существованіе. Ни одинъ изъ романтическихъ поэтовъ не разсказалъ такъ красиво объ этой связи между земными и неземными устремленіями романтизма:

Какъ мы живемъ, такъ мы поемъ и славимъ,
И такъ живемъ, что намъ нельзя не пѣть.

Никто изъ поэтовъ не заявилъ такъ откровенно, что истинное поэтическое творчество, истинное общеніе съ небомъ доступны только тѣмъ, кто счастливо освободился отъ оковъ жестокой дѣйствительности, отъ тяжелой борьбы за существованіе. Никто съ такимъ аристократическимъ самодовольствомъ не дѣлилъ человѣчество на избранныхъ и низкихъ и ни въ чьей обрисовкѣ такъ ярко не выдавались праздность и обезпеченность за главные признаки избраннаго. Благодать свыше нисходитъ только на тѣхъ, кто свободенъ отъ „блеска жизни дольной".

Въ движеньи, въ блескѣ жизни дольной
Не сходитъ свыше благодать:
Нельзя въ смятенности невольной
Красы небесной созерцать,
Нельзя съ безбрежностью творенья
Въ чаду отыскивать родства,
И ночь и мракъ уединенья—
Единый путь до божества.

Эти двѣ идеи или, вѣрнѣе, два настроенія,—аристократическая безпечность и пренебреженіе ко всему, что мѣшаетъ безмятежному культивированію этой безпечности,—красной нитью проходятъ черезъ поэзію Фета. Онъ не борется съ прозой жизни, съ массами, съ озлобленіемъ и ненавистью обездоленныхъ. Онъ просто не замѣчаетъ ихъ или, вѣрнѣе, онъ проходитъ мимо нихъ, даже какъ-будто сознаетъ, что во всемъ этомъ много тяжелаго и ужаснаго; но все это не заслуживаетъ вниманія и усилія „избранныхъ", потому что ихъ дѣло—единственно нужное дѣло, и не можетъ проза жизни остановить этого дѣла, не можетъ уничтожить призрачный міръ, который принадлежитъ поэтамъ.

Эта аристократическая безпечность и аристократи-

ческое презрѣніе къ злобѣ дня окрашиваютъ прежде всего его представленіе о „нездѣшнемъ“ мірѣ. Прозрачна, воздушна и радостна его „запредѣльная“ стихія. Серьезное благоговѣйно-религіозное настроеніе Тютчева въ моменты его общенія съ небомъ превращается у Фета въ безпорядочное ликованіе. У Тютчева „нездѣшнее“ это—самодовлѣющій значительный міръ, отраженный въ явленіяхъ дѣйствительности и наполняющій ихъ торжественной тайной. У Фета это—міръ пестрыхъ красокъ, ласкающихъ и веселящихъ взоръ, міръ, лишенный содержанія, почти не связанный съ міромъ явленій, не отраженный въ немъ. У Тютчева—напряженное исканіе высшей категоріи охватывающей все видимое и связующей его въ послѣднюю гармонію. Отсюда его сжатые образы, символы, почти лишенные всякаго видимаго содержанія, но зато и обнимающіе всякое содержаніе. Фетъ не ищетъ этого единства, не стремится выразить его. Онъ довольствуется отрицательной ролью „нездѣшняго“,—тѣмъ, что оно уноситъ отъ дѣйствительности. Онъ не любитъ тяжелой работы, онъ не знаетъ великой сосредоточенности, соединенной съ пріобщеніемъ къ безконечному. Онъ порхаетъ въ немъ какъ въ мірѣ безцѣльныхъ красивыхъ красокъ и звуковъ. Оттого его стихи такъ музыкальны, его поэзія такъ легко усвояется. Онъ безъ труда перелетаетъ въ потусторонній міръ и чувствуетъ себя тамъ радостно и свободно.

И такъ прозрачна огней безконечность
И такъ доступна вся бездна эѳира,
Что прямо смотрю я изъ времени въ вѣчность
И пламя твое узнаю, солнце міра!

Подобно своему преемнику Бальмонту, поэзія ко-

тораго—родная дочь безпечной фетовской музы, онъ любитъ мимолетное и даже вѣчное, воспринимаетъ какъ сцѣпленіе „мимолетностей“. „И все, что мчится по безднамъ эѳира, и каждый лучъ, плотской и безплотный—твой только отблескъ, о солнце міра, и только сонъ,—только сонъ мимолетный!“. Онъ радуется прюсвѣтамъ въ вѣчность, онъ не стремится, подобно Тютчеву, извѣдать всю ея глубину. „Природы праздный соглядатай“,—онъ довольствуется, если ему удается „стихіи чуждой запредѣльной *хоть каплю* зачерпнуть“. Его вдохновеніе—„стрѣльчатая ласточка надъ вечерѣющимъ прудомъ“. Онъ опредѣляетъ „нездѣшнее“ такими названіями, въ которыхъ оно рисуется обителью простора и счастья; оно—„свѣжѣющая мгла, гдѣ беззавѣтно лишь вольно свободной пѣснѣ и орлу“. Оно лежитъ „за рубежомъ вседневнаго удѣла“, тамъ „отрадно и свѣтло“, тамъ „счастье и свобода“. Онъ любитъ „незримое и безвѣстное“, гдѣ „первый ароматъ“, гдѣ можно скрыться въ „пышной нѣгѣ“. Его общеніе съ запредѣльнымъ міромъ выражается въ сладкомъ томленіи. Ему трудно объяснить природу этого томленія, потому что его сладость именно въ отсутствіи усилія, въ безотчетномъ, бездумномъ отдаваніи. Онъ „не умѣетъ сказать, что горитъ въ его душѣ“ и „тайну счастья“ онъ унесетъ „безъ выраженія“. Такимъ безмятежнымъ и радостнымъ рисуется ему „вѣчное“. Метерлинкъ, пріобщившись вѣчности, узрѣлъ тамъ завистливаго бога, который злобно сторожитъ каждую улыбку человѣка, и принесъ людямъ мрачныя вѣсти о враждебныхъ силахъ, обитающихъ въ запредѣльной стихіи. Тютчевъ зналъ, какъ ревниво бережетъ вѣчность свои тайны, и онъ зналъ, что міръ природы „о дняхъ былыхъ молчитъ съ улыбкою двусмысленной и тайной“

И онъ просилъ вѣтеръ не шѣть „страшныхъ пѣсенъ“ „про древній хаосъ про родимый“ и почти молчалъ о томъ мірѣ, о которомъ онъ грезилъ въ „пророческихъ снахъ“. Фету этотъ міръ казался ласковымъ и легкимъ, приносящимъ радость и веселье. Ему чуждъ мистическій трагизмъ Метерлинка и торжественная вѣра Тютчева. Горацій—его учитель. „Carpe diem“— это настроеніе вѣетъ надъ его поэзіей. Въ сонмѣ міровыхъ поэтовъ онъ нашелъ одного Анакреона, чтобы поставить его рядомъ съ Тютчевымъ:

Въ сыртахъ не встрѣтишь Геликона,
На льдинахъ лавръ не расцвѣтетъ,
У чукчей нѣтъ Анакреона,
Къ зырянамъ Тютчевъ не придетъ.

Аристократическая безпечность навѣяла ему его представленіе о мірѣ какъ о вѣчномъ ликующемъ празднике. Она уже указала его музѣ ея призваніе. Въ одномъ изъ стихотвореній, обращенныхъ къ Музѣ, онъ не откликается на зовъ того, кто хочетъ „проклинать, рыдая и стеня, бичей подыскивать къ закону“. Онъ говоритъ:

Плѣнительные сны лелѣя наяву,
Своей божественною властью,
Я къ наслажденію высокому зову
И къ человѣческому счастью.

Когда „обиженный безчинствами“ хочетъ рыдать, онъ не станетъ „ради его мукъ“ измѣнять „свободы вѣчному призванью“. Онъ не желаетъ бороться съ страданіемъ, потому что не въ страданіи сущность дѣла. Страдаютъ одинаково и человѣкъ, и звѣрь, но первый отличается отъ второго тѣмъ, что ему доступна „радость страданья“. Поэтому звуки его пѣсенъ сносятъ на землю „не бурю страстную, не вызовы къ

борьбѣ, а исцѣленіе отъ муки". Его муза посылаетъ ночамъ его безсоннымъ сладость „блаженныхъ сновъ и славы и любви". Онъ любитъ ее больше всего за то, что она помогаетъ забыть „житейское волненье". Онъ не хочетъ „широкаго вѣнца", его муза не плѣняла его „разсказомъ о щитахъ, герояхъ и коняхъ". Иную музу указала ему молодость:-„Цвѣты послѣдніе въ рукахъ ея дрожали, отрывистая рѣчь была полна печали, и женской прихоти, и серебристыхъ грезъ, невысказанныхъ мукъ и непонятныхъ слезъ. Какой-то нѣгою томительной волнуемъ я слушалъ, какъ слова сливались съ поцѣлуемъ, и долго безъ нея душа была больна и несказаннаго стремленія полна". Его муза равнодушна къ жизни и интересамъ массъ, но иногда это равнодушіе переходитъ въ гордое презрѣніе и вражду. Заботливо храня ея свободу, онъ не зоветъ къ ней „непосвященныхъ" и не оскверняетъ ея рѣчей въ угоду ихъ „рабскому буйству". Она—„нетлѣнная богиня", „въ вѣнцѣ изъ звѣздъ", „незримая землѣ, завѣтная святыня". Она должна жить „въ тѣни, вдали отъ свѣта", ее не должна смущать „печальная пора", когда „гетера гонитъ площадная царицу мысли и труда". Онъ презираетъ рынокъ, гдѣ кричитъ желудокъ, гдѣ „для стоокаго слѣпца" цѣннѣе „грошовый разсудокъ" псевдо-поэта, чѣмъ „безумная прихоть истиннаго пѣвца". На „затхлой площади" сбытъ „малеванному хламу", тамъ влачатъ въ грязи по прихоти народа „низкопоклонный стихъ". Онъ вѣритъ, что „земному въ небесный чертогъ не дано ничему достигать".

И не только свою музу онъ возводитъ на этотъ аристократическій пьедесталъ. Онъ выдѣляетъ „поэтовъ, героевъ и царей" въ особую категорію. Они одѣты „нетлѣнностью божественной", они въ Элизіи, гдѣ

„темной черни—нѣтъ“. Ихъ тройная цѣль—„блюсти, хранить и возвышать народы“. Болѣе точно, въ чемъ заключается эта опека надъ народами, Фетъ опредѣляетъ въ другихъ стихотвореніяхъ. Конечно, она состоитъ не въ томъ, чтобы спускаться къ массамъ и устроять ихъ нужды. Какъ „горная высь“ они должны „звать смертныхъ взоры на синеву небесъ“. Ея „не омрачитъ земли тоска“ и „не тронетъ вздохъ безсильный“, ея судьба—„на граняхъ міра не снисходить, а возвышать“. Поэты возвышаютъ народы тѣмъ, что даютъ возможность любоваться радугами красокъ и забываться въ мечтахъ:

Только у васъ мимолетныя грезы
Старыми въ душу глядятся друзьями,
Только у васъ благовонныя розы
Вѣчно восторга блистаютъ слезами.
Съ торжищъ житейскихъ безцвѣтныхъ и душныхъ
Видѣть такъ радостно тонкія краски:
Въ радугахъ вашихъ, прозрачно-воздушныхъ
Неба родного мнѣ чудятся ласки.

Всѣ мотивы аристократически безпечнаго романтизма найдемъ мы въ поэзіи Фета. Его мораль построена на основѣ этого же романтизма. Различіе добра и зла существуетъ для земли, для тѣхъ милліоновъ, которые несутъ свой поденный трудъ, но онъ не существуетъ на высотахъ красиваго міра, выдуманнаго Фетомъ. Одно дѣло—непосвященные, другое—избранники-поэты. Въ стихотвореніи „Добро и зло“ Фетъ проводитъ эту идею о двойственномъ отношеніи къ морали со стороны поэтовъ и не-поэтовъ. Онъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы массы людскія различали дурное отъ хорошаго, вели упорную борьбу со зломъ для достиженія мірскихъ благъ. „Не лжива юная отвага: согнись надъ роковымъ трудомъ—и міръ свои раскроетъ

блага". И не только согнувшись „надъ роковымъ трудомъ", но даже „въ часъ отдохновенья", когда онъ „подъемлетъ потное чело" къ небу, когда онъ могъ бы, казалось, тоже, по примѣру поэтовъ, „зачерпнуть каплю стихіи чуждой запредѣльной",—обыкновенный смертный, по ученію Фета, не долженъ пытаться сравняться съ поэтами. И въ минуты отдыха,—говоритъ ему Фетъ,—„быть не мысли божествомъ", „не бойся горькаго сравненья и различай добро и зло". Но не такова участь избранныхъ. Кто хочетъ вигать въ „стихіи чуждой, запредѣльной", тому нужно отбросить туда, къ рабамъ и поденщикамъ, эту способность различенія хорошаго и дурного:

Но если на крылахъ гордыни
Познать дерзаешь ты, какъ Богъ,—
Не заноси же въ міръ святыни
Своихъ невольничьихъ тревогъ:
Пари, всезрящій и всесильный,—
И съ незапятнанныхъ высотъ
Добро и зло какъ прахъ могильный
Въ толпы людскія отпадетъ.

Подобно Тютчеву, онъ поётъ о безсиліи человѣческаго языка, о безсиліи разума и о силѣ поэтической фантазіи. Философу никогда не выразить сущности своей души, поэтъ легко проникаетъ въ сущность явленій. „Какъ бѣденъ нашъ языкъ: хочу и не могу",—говоритъ онъ, варьируя знаменитое тютчевское: „Какъ сердцу высказать себя?" Ни другу, ни врагу не передать того, что „буйствуетъ въ груди прозрачною волной". И онъ знаетъ, что отсюда возникаетъ „роковая ложь", „безплодное вѣчное томленіе сердецъ", безсиліе мудреца, „клонящаго маститую голову". Но если безсиленъ мудрецъ, служитель разума, объяснить сущность вещей, то „крылатый слова звукъ", вылетающій изъ устъ поэта, пере-

даетъ то, чего не могутъ передать ясныя слова мудреца: „и темный бредъ души и травъ неясный запахъ“.

Вѣчныя пѣсни, возрождающіяся всегда въ моменты, когда исчезаетъ вѣра въ опытное знаніе и въ человѣческое усиліе и утратившая власть надъ жизнью личность устремляется къ небу! Вѣчныя пѣсни о высшемъ мірѣ, какъ вѣчной предпосылкѣ здѣшняго, объ ирраціональныхъ состояніяхъ души, какъ о моментахъ общенія съ этимъ міромъ, о безсиліи сознанія, о могуществѣ поэзіи! Вѣчная вражда къ тѣмъ явленіямъ, среди которыхъ бодрствуетъ разумъ и нѣтъ простора воображенію! Вѣчный культъ тѣхъ явленій, среди которыхъ усыпляется разумъ и расцвѣтаетъ воображеніе,—культъ ночи, культъ любви, культъ прошлаго и будущаго, культъ природы, вражды къ дневному свѣту, къ злобѣ дня, къ стѣсненіямъ общественной жизни!

Фетъ не былъ бы романтическимъ поэтомъ, если бы природы, вражда къ дневному свѣту, къ злобѣ дня, къ торые его душа пріобщалась къ безконечному. „Здѣсь темный дубъ и ясень изумрудный, а тамъ лазури тающая нѣжность—какъ-будто изъ дѣйствительности чудной уноситься въ волшебную безбрежность. И въ дальній блескъ душа летѣть готова, не трепетомъ, а радостью объята, какъ-будто это чувство ей не ново, а сладостно ужъ грезилось когда-то“. И въ своемъ отношеніи къ природѣ Фетъ остался выразителемъ той струи романтизма, въ которой отпечатлѣлась его аристократическая безцѣльность и праздность. „Не трепетомъ, а радостью объята“ его душа, уносящаяся „въ дальній блескъ“, и въ этомъ стихѣ, быть можетъ, рѣзче, чѣмъ гдѣ бы то ни было, отмѣчена грань между Тютчевымъ и Фетомъ въ ихъ отношеніи къ природѣ. Благоговѣйный трепетъ тамъ и порхающая радость здѣсь. Онъ любитъ серебряную ночь, потому что она родитъ „въ

душѣ расцвѣтъ нѣмой и тайной силы", потому что ея дыханіе окрыляетъ его духъ, онъ чувствуетъ свое „родство съ нетлѣнной жизнью звѣздной". Ни одинъ поэтъ не умѣлъ такъ подхватывать въ явленіяхъ природы только тѣ краски и звуки, которые говорятъ о солнцѣ, свѣтѣ и радости. Его ночь—не темное, мрачное время, время тайнъ и ужасовъ. Она всегда почти свѣтла, полна радости и нѣги. Когда кругомъ все темно, и спитъ „съ Ѳетидой Фебъ влюбленный", онъ видитъ, что „Аврора ужъ не спитъ и, смутясь блаженствомъ бога, изъ подводнаго чертога съ яркимъ факеломъ бѣжитъ", Его высшая похвала ночи, это—сравненіе ея съ днемъ. Лучшая ночь—та, которая похожа на день: „Полночный свѣтъ, ты тотъ же день: бѣлѣй лишь блескъ, чернѣй лишь тѣнь..." Его звѣзды всегда „чистыя", его мѣсяцъ всегда „золотой", его ночь всегда „благовонная", „благодатная", „серебристая", „свѣтлая" Онъ любитъ ночь, которая „свѣтла какъ день", когда „рѣдко-рѣдко кочевая тучка броситъ тѣнь". Онъ любитъ полночь, которая „видитъ только, что вѣчно и чисто, что навѣяно ею самой". Въ яркія краски полнаго солнечнаго дня одѣваетъ онъ весь видимый міръ. Все въ природѣ создано для того, чтобы говорить человѣку о свѣтломъ Богѣ, управляющемъ міромъ, о солнечномъ радостномъ царствѣ, куда міръ явленій служитъ просвѣтомъ. Звѣзды говорятъ ему о вѣчности: „Вѣчность мы, ты—мигъ. Намъ нѣтъ числа. Напрасно мыслью жадной ты думы вѣчной догоняешь тѣнь: Мы здѣсь горимъ, чтобъ въ сумракъ непроглядной къ тебѣ просился безсмертный день. Вотъ почему, когда дышать такъ трудно, тебѣ отрадно такъ поднять чело съ лица земли, гдѣ все темно и скудно, къ намъ, въ нашу глубь, гдѣ пышно и свѣтло". И море онъ любитъ тогда, когда „волна свѣтла, какъ его душа",

и о бурѣ морской онъ чаще всего поетъ для того, чтобы ярче оттѣнить свѣтлое успокоеніе, наступающее „послѣ бури“. Онъ почти не знаетъ враждебныхъ силъ природы, не видитъ явленій, говорящихъ о злобныхъ и неотвратимыхъ намѣреніяхъ рока. Его безпечный взоръ всюду замѣняетъ темныя краски свѣтлыми, зловѣщіе звуки дружескими и ласковыми. Даже среди набѣжавшихъ тучъ онъ умѣлъ подсмотрѣть звѣзду, и ясно было ему, что „любовь, участіе, забота его очамъ дрожали въ ней“.

Какъ всѣ моменты сутокъ,—и утро, и сумерки, и вечеръ, и ночь—онъ одѣваетъ въ яркія краски полнаго дня, такъ всѣ времена года онъ готовъ разсматривать сквозь призму лѣта. Солнечное, безоблачное время,—время, говорящее о полнотѣ жизни, о радостномъ расцвѣтѣ всѣхъ силъ природы,—высшій моментъ ея жизни. Лѣтомъ пугливо бѣжитъ все, что напоминаетъ о снѣ, о бездѣйствіи зиждительныхъ силъ, объ умираніи. Самый мѣсяцъ „изумленъ, что день не минулъ“, потому что и ночь лѣтомъ не можетъ побѣдить дня, потому что „широко въ область ночи“ день раскидываетъ свои объятья и небо только на мигъ „смежаетъ огнедышащее око“. Осень у Фета не исполнена самостоятельной красоты. Это—„не унылая пора, очей очарованье“, какъ у Пушкина. Она—скорѣе плачъ по лѣту. Въ ея слезахъ Фетъ любитъ все, что говоритъ ему о прошедшемъ лѣтѣ. Въ эту пору,—говоритъ онъ,—

Мы не грустимъ, пугаясь снова
Дыханья близкаго зимы,
А голосъ лѣта прожитого
Яснѣе понимаемъ мы.

Въ осеннемъ умираніи природы онъ ловитъ только тѣ звуки и тѣ краски, которые говорятъ о жизни, о

томъ, что все живое жадно ищетъ свѣта и тепла, жадно цѣпляется за жизнь. „...Уговоръ заводятъ птицы умчаться стаей за тепломъ“, „...Въ ночь краснѣетъ листъ кленовый, что, жизнь любя, не въ силахъ жить“, „...дни, когда въ крови золотолиственныхъ уборовъ горящихъ осень ищетъ взоровъ и знойныхъ прихотей любви“ —вотъ образы и настроенія, которые какъ отрадные моменты онъ заноситъ въ свой поэтическій дневникъ. Онъ любитъ въ осени не типичное для осени, то, что напоминаетъ о кратковременности ея жизни, что позволяетъ не думать о ней: „На дворѣ у насъ ненастье, на дворѣ гулять опасно,—дай мнѣ руку, дай на счастье!.. У тебя тепло и ясно...“ Типичное осеннее ненавистно ему. Замираютъ всѣ его душевныя силы. Не по себѣ ему, когда пропадаютъ ласточки, „на дворѣ темно, листъ сухой валится, ночью вѣтеръ злится да стучитъ въ окно“.

Воспоминаніе о лѣтѣ не покидаетъ его и зимой. „Сегодня—вдругъ исчезло лѣто: бѣло, безжизненно кругомъ, земля и небо,—все одѣто какимъ-то тусклымъ серебромъ, поля безъ стадъ, лѣса унылы, ни скудныхъ листьевъ, ни травы...“ Но зиму онъ любитъ больше, чѣмъ осень. Въ ней больше бодрящихъ звуковъ и яркихъ красокъ. Онъ любитъ мчащуюся кибитку, удалую тройку, звукъ колокольчика, любитъ въ морозъ трескучій при свѣтѣ солнечнаго „снѣга блескъ колючій, лѣса подъ шапками пль въ инѣ сѣдомъ, да рѣчку звонкую подъ темносинимъ льдомъ“, любитъ „игру денницы“ на печальной березѣ, „разубранной прихотью мороза“. Зимняя ночь пріобщаетъ его вѣчности, позволяетъ „глядѣть въ лицо природы спящей и понимать всемірный сонъ“. Но ни одна пора года не нашла въ Фетѣ такого пламеннаго пѣснопѣвца, какъ пора весенняго пробужденія природы. Призывъ весны—

для него „призывъ родной“. Въ немъ онъ слышитъ голоса, поющіе въ его собственной душѣ, потому что весна, начало жизни, громче всѣхъ говоритъ о жаждѣ жизни, наполняющей весь міръ.

Пришла—и таетъ все вокругъ,
Все жаждетъ жизни отдаваться
И сердце, плѣнникъ зимнихъ вьюгъ,
Вдругъ разучилося сжиматься.
Заговорило, зацвѣло
Все, что вчера томилось нѣмо,
И вздохи неба принесло
Изъ растворенныхъ вратъ эдема.

Именно въ эту пору онъ особенно глубоко чувствуетъ красоту вѣчнаго и ничтожность временнаго. „Нельзя заботы мелочной хотя на мигъ не устыдиться, нельзя предъ вѣчной красотой не пѣть, не славить, не молиться“. Въ эту пору „съ сердца куда-то слетаетъ забота“; онъ „душою подкупленной“ вѣритъ, „что какъ міръ безконечна любовь“. Весною „о тайнахъ шепчетъ божество, цвѣтетъ недавняя могила и безсознательная сила свое ликуетъ торжество“. Весною „несбыточное грезится опять, несбыточное въ нашемъ бѣдномъ мірѣ, и грудь вздыхаетъ радостнѣй и шире, и вновь кого-то хочется обнять“.

У всякаго романтическаго поэта есть свои излюбленные пути, пріобщающіе его къ вѣчности, излюбленныя состоянія души, когда въ немъ живетъ только чувство единства съ космосомъ. Фетъ—поэтъ звуковъ. Никто не умѣлъ такъ мощно уничтожить содержаніе слова передъ его музыкой. Кажется, будто онъ слушаетъ только звуки, а не смыслъ словъ, соединяетъ ихъ въ мелодіи по особымъ звуковымъ законамъ, не совпадающимъ съ законами логическими. Его мелодіи—пѣсни безъ словъ.

Его стихи—музыка со всѣми особенностями музыки, съ ея проникновеніемъ въ душу, исключительно при помощи слуха, съ ея дѣйствіемъ на безотчетныя, недосказанныя силы души. Никто не вѣрилъ такъ, какъ Фетъ, что въ словѣ таятся два значенія, двѣ силы: одна —его непосредственный смыслъ, другая —его звуковой смыслъ, его музыка. И никто такъ не вѣрилъ, что вторая значительнѣе первой. Онъ „понялъ тѣ слезы, онъ понялъ тѣ муки, *гдѣ слово нѣмѣетъ, гдѣ царствуютъ звуки*, гдѣ слышишь не пѣсню, а душу пѣвца...“ Онъ говоритъ: „Подѣлись живыми снами, говори душѣ моей,—*что не выскажешь словами, звукомъ на душу навей!*“ Онъ не любитъ слова. Подобно Тютчеву, онъ знаетъ, что все выраженное въ словѣ уже утрачиваетъ свою значительность, что мысль, изреченная, есть ложь, и онъ жаждетъ другихъ выраженій своей души:

О если бъ безъ слова
Сказаться душой было можно!

Эта любовь къ звуку, къ музыкѣ слова объясняетъ, почему такъ любили его пѣсни композиторы, переложившіе на музыку множество его пьесъ. Имъ оставалось немного добавить къ этимъ пьесамъ. Чайковскому онъ напоминалъ Бетховена, но никогда Пушкина или Гёте. „Это,—писалъ про него Чайковскій,—не просто поэтъ, а скорѣе поэтъ-музыкантъ, какъ бы избѣгающій такихъ темъ, которыя легко поддаются выраженію словомъ“. Онъ живетъ въ мірѣ звуковъ. Скрытый смыслъ явленій достигаетъ его души, претворенный въ звуки. „Я звука душою ищу, что въ душѣ обитаетъ“, „И носятся свѣтлые звуки и льнутъ къ моему изголовью“. Въ рѣдкой изъ его мелодій не встрѣтимъ мы этого претворенія въ звуки красоты, разлитой въ мірѣ и въ его собственной душѣ. Онъ никогда не стремится уловить содержанія,

таящагося въ этихъ звукахъ, никогда не разъясняетъ, о чемъ поютъ эти звуки. Они будятъ въ немъ сладкую истому, и онъ не старается нарушать ее вмѣшательствомъ сознанія. Онъ довольствуется силуэтами и мелодіями, ему не нужно портретовъ и словъ. Неопредѣленныя мѣстоименія и нарѣчія,—„кто-то“, „что-то“, „гдѣ-то“, „куда-то“,—наиболѣе частыя опредѣленія, которыми онъ пользуется. Поднимаясь до самыхъ обширныхъ категорій, онъ лишаетъ свои опредѣленія всякаго содержанія, но объединяетъ ими все безконечное разнообразіе явленій. Онъ—поэтъ сновидѣній, безцѣльныхъ и легкихъ, ласковыхъ и умиротворяющихъ. Онъ самъ разсказалъ объ этой безцѣльности, объ этой поэзіи, имѣющей одну цѣль —баюкать и навѣвать золотые сны.

Нѣтъ, не жди ты пѣсни страстной:
Эти звуки—бредъ неясный,
    Томный звонъ струны;
Но, полны тоскливой муки,
Навѣваютъ эти звуки
    Ласковые сны.
Звонкимъ роемъ налетѣли,—
Налетѣли и запѣли
    Въ свѣтлой вышинѣ...
Какъ ребенокъ имъ внимаю:
Что сказалось въ нихъ не знаю—
    И не нужно мнѣ:
Позднимъ лѣтомъ въ окна спальной
Тихо шепчетъ листъ печальный,—
    Шепчетъ не слова,
Но подъ легкій шумъ березы
Къ изголовью въ царство грезы
    Никнетъ голова.

III.

МАЙКОВЪ.

Майковъ среди представителей „чистой поэзіи“.—Его біографія.—Отношеніе Майкова къ общественно-литературнымъ направленіямъ и къ политическимъ злобамъ дня.—Романтическій универсализмъ и объективность—главныя черты майковской поэзіи.—„Вѣчное“.—Взглядъ на поэта и искусство.—„Три смерти“, „Два міра“ и другія поэмы.

Перейти отъ лирики Фета къ поэзіи Майкова, это значитъ перенестись изъ концертной залы, гдѣ звучала ликующая симфонія, въ мастерскую живописца, гдѣ съ большихъ холстовъ смотрятъ лица выразительныя и стильныя, но неподвижныя и строгія. Фетъ—лирикъ, Майковъ—эпическій поэтъ. Стихи перваго—музыка, второго—живопись. Одинъ поднимается къ вѣчному, сливается съ космосомъ, прислушиваясь къ радостнымъ, поющимъ въ его душѣ, звукамъ, которыми онъ наполняетъ вселенную; другой —пропуская передъ своимъ взоромъ „вѣка и народы“, созерцая безконечно разнообразныя фигуры и коллизіи. Майковъ—яркая фигура въ исторіи „чистой“ поэзіи. Дополняя Тютчева и Фета, онъ облекъ въ своеобразныя формы тѣ думы и настроенія, которыя рождаются вмѣстѣ съ празднымъ созерцаніемъ міра, съ удаленіемъ отъ дѣйствитель-

ности, съ развитіемъ эстетическихъ и эпикурейскихъ вкусовъ.

Майковъ—типичный выразитель идеалистическихъ настроеній эпохи 40-хъ годовъ и выразитель въ духѣ Тютчева и Фета. Та же манера озирать міръ съ высотъ исторіи и отвлеченныхъ настроеній, то же стремленіе улавливать въ реальномъ явленіи только отраженіе міровой жизни. И въ немъ чувство единства съ космосомъ развилось въ привычной обстановкѣ, среди милыхъ и знакомыхъ съ дѣтства картинъ усадебной жизни, и вслѣдствіе этого и онъ склоненъ отдаться во власть славянофильскихъ идей, поскольку онъ задумывается надъ политическими вопросами, надъ злобою дня; готовъ впасть въ крайности націонализма и реакціи, изрѣчь проклятіе западно-европейской цивилизаціи, когда ему кажется, что она несетъ съ собою разрушеніе стараго русскаго патріархальнаго и религіознаго уклада, и въ столкновеніи Россіи и Европы усмотрѣть борьбу нравственныхъ началъ—„двухъ міровъ". Майковъ, какъ и Тютчевъ и Фетъ,—поэтъ именно этой эпохи. Его гуманныя настроенія, родящія его съ лучшими представителями просвѣщеннаго-барства, не переходятъ въ отчетливое политическое и соціальное міровоззрѣніе и разрѣшаются неопредѣленной враждой къ новымъ силамъ, сотрясающимъ старый укладъ, бытъ, столь благопріятный эстетическимъ и философскимъ вкусамъ.

Даже краткія свѣдѣнія о жизни Майкова, заключающіяся въ извѣстной біографіи поэта, составленной Златковскимъ, рисуютъ знакомую намъ типичную картину. Отпрыскъ старинной дворянской фамиліи, Аполлонъ Николаевичъ Майковъ родился 23-го мая 1821 года въ Москвѣ. Отецъ поэта былъ гусарскимъ офицеромъ, но страсть къ искусству побудила его отказаться отъ военной карьеры. Онъ вышелъ въ отставку и отдался

живописи. Біографъ поэта такъ характеризуетъ его отца: „Среди своей семьи, освобожденный отъ мелкихъ житейскихъ заботъ, Николай Аполлоновичъ свилъ себѣ артистическое гнѣздо, въ которомъ провелъ свою долгую жизнь, *оставаясь холоднымъ и простодушно-безпечнымъ ко всѣмъ тревоженіямъ житейскимъ и находя лишь усладу жизни въ искусствѣ*, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось". Характерно и то, что обладавшій большимъ талантомъ, счастливо замѣченный императоромъ Николаемъ I и возведенный имъ въ званіе академика,— отецъ поэта только по заказу выполнялъ серіозныя работы для храмовъ, хотя выставленная имъ на петербургской выставкѣ голова Мадонны положила начало его карьерѣ. Свободное время онъ посвящалъ „своей любимой спеціальности—писанію женскихъ головокъ и женскаго тѣла". Дѣтство поэта протекло въ имѣніи отца, въ селцѣ Никольскомъ, близъ Троицко-Сергіевской лавры. Деревенскую жизнь онъ воспринялъ какъ свѣтлый міръ, полный мира, уюта и нѣги; картины крѣпостного права не оставили никакихъ слѣдовъ въ его поэтической душѣ. Цѣлый рядъ его стихотвореній навѣянъ счастливыми воспоминаніями изъ поры дѣтства, протекавшаго, по выраженію Златковскаго, „на лонѣ свободной природы, вдали отъ сутолоки городской, среди простого сельскаго люда, крѣпкаго своимъ патріархальнымъ бытомъ". Двадцатилѣтнимъ юношей онъ скажетъ:

Блаженъ, кто сохранилъ еще знаменованье
Обычаевъ отцовъ, ихъ темнаго преданья,
Отвѣтствовалъ слезой на пѣніе псалма;
Кто, волей оторванъ сомнѣнія ума,
Святую Библію читаетъ съ умиленьемъ
И, внявъ церковный звонъ, въ ночи, съ благоговѣньемъ,
Съ молитвою зажегъ предъ образомъ святымъ
Свѣчу завѣтную, и плакалъ передъ нимъ.

Въ стихотвореніи „Рыбная ловля“ (1855 г.) онъ описываетъ деревенскія радости своего дѣтства,—ловлю карасей, странствованія за отцомъ „по ручейкамъ пустыннымъ“,—и прибавляетъ:

...Теперь то время мнѣ
Является всегда какимъ-то утромъ длиннымъ,
Особымъ уголкомъ въ безвѣстной сторонѣ
Гдѣ вѣчная заря надъ головой струится
Гдѣ въ полѣ по росѣ мой слѣдъ еще хранится...

Въ Петербургѣ родная усадьба казалась ему „чуднымъ сномъ“. Ему казалось, что и самъ онъ, и „все вокругъ“ жило во снѣ.

Двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ Майковъ былъ привезенъ въ Петербургъ. Здѣсь подъ руководствомъ Солоницына, родственника, горячо любившаго семью Майковыхъ, будущій поэтъ прошелъ гимназическій курсъ и въ 1837 году поступилъ на юридическій факультетъ петербургскаго университета, который и окончилъ въ 1841 году со степенью кандидата. Солоницынъ, человѣкъ образованный и причастный къ литературѣ, оказалъ большое вліяніе на развитіе художественныхъ и литературныхъ вкусовъ будущаго поэта. Развитію эстетическихъ вкусовъ въ Майковѣ содѣйствовало, конечно, и общее преобладаніе артистическихъ интересовъ въ домѣ его отца. Исторію литературы ему преподавалъ тогда еще молодой Гончаровъ, будущій знаменитый романистъ. Въ домѣ издавался рукописный журналъ „Подснѣжникъ“, въ которомъ участвовали поэтъ и его братья (среди нихъ извѣстный впослѣдствіи критикъ Валеріанъ Майковъ), Гончаровъ и другія близкія къ дому лица. На юридическомъ факультетѣ, который тогда носилъ характеръ общеобразовательнаго, читались исторія и словесность. Съ ранней юности Майковъ пристрастился къ живописи, подобно своему отцу.

Близорукость помѣшала ему стать художникомъ, и его художественныя стремленія нашли себѣ выходъ въ другой формѣ, въ которой ему суждено было пріобрѣсти громкую извѣстность. Стихи Майковъ началъ писать, еще будучи 15 лѣтъ отъ роду. Весной 1838 года,—разсказываетъ Златковскій,—когда въ печати не появлялось еще ни одного стихотворенія Майкова, почти одновременно въ петербургскомъ и московскомъ университетахъ профессора русской словесности А. В. Никитенко и С. П. Шевыревъ познакомили своихъ студентовъ-слушателей по рукописнымъ тетрадкамъ, съ стихотвореніями студента 2-го курса петербургскаго университета Аполлона Майкова. Въ печати первое стихотвореніе Майкова появилось въ „Одесскомъ Альманахѣ“ на 1840 годъ и обратило на себя вниманіе Бѣлинскаго. Стихотворенія поэта стали послѣ этого появляться въ журналахъ, а въ 1842 году вышли въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ „Стихотворенія Аполлона Майкова“, которыя Бѣлинскій встрѣтилъ съ горячимъ сочувствіемъ, посвятивъ молодому поэту большую статью въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Именно въ это время Майковъ едва не сошелъ съ своего истиннаго пути. Одна изъ его картинъ обратила вниманіе императора Николая, увидавшаго ее въ мастерской его отца. Художникъ-поэтъ былъ награжденъ брилліантовымъ перстнемъ. А когда С. С. Уваровъ поднесъ императору первый сборникъ стихотвореній, Николай предоставилъ Майкову самому выбрать себѣ награду, и поэтъ попросилъ разрѣшенія ѣхать въ Италію. Императоръ Николай приказалъ выдать ему 1000 рублей на это путешествіе. Италія произвела на Майкова сильное впечатлѣніе, и рядъ его лучшихъ стихотвореній навѣяны итальянскими впечатлѣніями.

По возвращеніи въ Россію, въ сентябрѣ 1844 года,

Майковъ рѣшилъ продолжать свою служебную карьеру. Еще до поѣздки за границу по окончанія университета онъ былъ зачисленъ въ департаментъ государственнаго казначейства. Теперь онъ назначается помощникомъ библіотекаря въ московскій Румянцевскій музей. Въ 1852 году онъ переходитъ въ петербургскій комитетъ иностранной цензуры исправляющимъ должность младшаго цензора, причемъ, по аттестаціи предсѣдателя комитета Красовскаго, онъ „въ послѣдніе два мѣсяца 1852 и въ продолженіе 1853 года разсмотрѣлъ 223 книги на четырехъ языкахъ: французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ и англійскомъ; въ этихъ прочитанныхъ книгъ было 101.329 страницъ въ 8-ю долю листа". За такую усердную дѣятельность Майковъ былъ утвержденъ въ должности младшаго цензора. Въ 1875 году онъ былъ назначенъ старшимъ цензоромъ, а въ 1882 году предсѣдателемъ комитета. Въ этой должности онъ и оставался до самой своей смерти, послѣдовавшей 8-го марта 1897 года, удѣливъ, такимъ образомъ, цензурному вѣдомству 45 лѣтъ своей жизни.

Борьба общественно-литературныхъ направленій и общественная и политическая злобы дня хотя и отражались на политической дѣятельности Майкова, но въ общемъ поэзія его рѣдко служила имъ, и всякій разъ, когда поэтъ пытался сдѣлать свою музу союзницей того или другого направленія, этотъ союзъ оказывался искусственнымъ и недолговѣчнымъ. Въ 40-хъ годахъ онъ сблизился съ западническимъ кружкомъ Бѣлинскаго, завязалъ знакомство съ Панаевымъ, Тургеневымъ, Григоровичемъ и другими. Майковъ отдалъ дань увлеченія этому кружку, но душою всегда оставался чуждъ ему и его соціальнымъ идеямъ. „Выросли мы,— говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ,—безсознательно на христіанской и русской почвѣ и въ дѣй-

ствіяхъ своихъ были, конечно, христіанами и русскими, но свои отношенія къ міру приравнивали то къ тому, то къ другому философскому ученію. Вдругъ налетѣла новая буря Бѣлинскаго: новыя идеи о бракѣ, что онъ не нуженъ... жоржъ-зандизмъ... о соціальныхъ условіяхъ; старый міръ съ его религіей, устройствомъ общества отживаетъ, нуженъ новый... словомъ, западничество дохнуло всей своею силой и охватило, конечно, и меня, но не вполнѣ...“ Самъ Майковъ въ томъ же письмѣ указываетъ причины этого неполнаго увлеченія западничествомъ. Ихъ было три: чтеніе „Москвитянина“, занятія русской исторіей и стихи. Они отвлекли его въ сторону славянофильства и чистой поэзіи и поселили въ немъ полное равнодушіе къ соціальнымъ вопросамъ: „пусть все это рѣшаютъ другіе, я беру ужъ какъ готовое, отмѣтая только то, что мнѣ не нравится, напр., казарменная жизнь въ фаланстеріяхъ и общественныя работы“. Майковъ отдалъ дань вліянію западническаго кружка и въ своихъ произведеніяхъ,—напр., въ поэмѣ „Двѣ судьбы“, гдѣ вывелъ героя Владиміра, фальшивую, неживую фигуру, странную смѣсь западническихъ идей, русскихъ чувствъ и барственной лѣни Но подобныя произведенія,—говоритъ онъ,—„поощрялись литературой и это испортило многія пьесы въ моихъ стихахъ этой средней эпохи моей“. Выходило, что „я къ западникамъ не примкнулъ, хотя посѣщалъ ихъ, а славянофиловъ въ Петербургѣ не было, чтобы живое воздѣйствіе ихъ могло благословить и оплодотворить мое сердце и фантазію и дать устой уму“. Это неопредѣленное въ 40-хъ годахъ настроеніе приняло болѣе опредѣленную окраску въ 50-хъ, когда онъ рѣзко склонился въ сторону восторженныхъ патріотическихъ чувствъ и славянофильскихъ тенденцій, въ особенности подъ вліяніемъ извѣстнаго національнаго подъема во

время крымской кампаніи. Онъ издаетъ книжку патріотическихъ стихотвореній подъ заглавіемъ „1854 годъ“. Здѣсь онъ отказывается отъ „чистаго искусства“, отъ прежнихъ стиховъ: „меня гармоніи тогда плѣняли тайны, и самъ своихъ стиховъ заслушивался я“. Теперь, когда „Россія вызвана на созерцаніе міру“, онъ на новый ладъ настроилъ свою лиру: „Теперь не служитъ стихъ мнѣ праздною забавой“. И этотъ стихъ, ставъ „боевымъ откликомъ на зовъ торжественный отечественной славы“, явился выраженіемъ его чувствъ. Онъ противопоставляетъ Россію Европѣ въ духѣ славянофиловъ:

Пора! Завѣса разорвалась!
Въ насъ сердце русское сказалось!
Мы прозрѣваемъ наконецъ
Въ самосознаніи народномъ—
Намъ не въ Парижѣ сумасбродномъ,
Не въ дряхлой Вѣнѣ образецъ.
Въ Европѣ слишкомъ много кровью
Сама земля напоена;
Враждой упорной, не любовью
Взростила чадъ своихъ она.
Тамъ человѣка гордый геній
Зрѣлъ средь насильствъ и потрясеній;
Духъ партій злобу тамъ таитъ;
Всѣ живы старыя обиды;
Надъ каждымъ мрачной Немезиды
Тамъ мечъ кровавый тяготитъ.
А мы за нашими царями,
Душой вѣруя Петру,
Какъ за искусными вождями
Пошли къ величью и добру.

—И въ концѣ-концовъ „идеалъ Россіи молодой“ чуть ли не сливается въ его глазахъ съ образомъ императора Николая, и николаевское царствованіе оказывается эпохой прямого осуществленія этого идеала. Въ моемъ стихѣ—восклицаетъ поэтъ,—„блещетъ идеалъ

Россіи молодой, который свѣтитъ намъ водительной звѣздой, тотъ гордый идеалъ, который окрыляя любовію нашъ духъ, въ годину горькихъ бѣдъ, все осязательнѣй и ярче тридцать лѣтъ осуществляется подъ скипетромъ Николая". Въ его стихахъ императоръ Николай—„великій человѣкъ", „мужъ Божьей правды вѣчно полный". Конечно, было бы глубокой ошибкой думать, будто Майковъ въ севастопольскіе дни примкнулъ къ теоріи оффиціальнаго народничества и, прославляя Николая, тѣмъ самымъ сознательно хотѣлъ заявить свой восторгъ передъ мрачными картинами ужаснаго семилѣтія. Патріотическіе восторги поэта, какъ и всякій его выходъ въ политику, были скорѣе слѣдствіемъ его полнаго поэтическаго непониманія совершающихся событій, чѣмъ слѣдствіемъ продуманной политической программы. Это было знакомое уже намъ по политическимъ стихамъ Тютчева стремленіе эпикурейца-эстета одѣвать торжественнымъ величіемъ всякую дѣйствительность, даже самую мрачную и неприглядную. Это было то неопредѣленное преклоненіе передъ Россіей, которое мѣшало людямъ стараго уклада разобраться въ борющихся силахъ, разглядѣть живыя силы будущаго. Это было новое свидѣтельство того, что чистый идеализмъ и эстетизмъ, всякій разъ когда ему приходится спускаться съ неба на землю, высказаться о злобѣ дня въ острые моменты общественной борьбы, склоненъ присоединиться къ реакціоннымъ силамъ, обезпечивающимъ неприкосновенность мечты и порываній къ „вѣчности". Майковъ не былъ реакціонеромъ въ обычномъ програмномъ смыслѣ этого слова. Онъ былъ поэтомъ, жрецомъ чистой поэзіи. Его политическія выступленія были наивны, какъ и выступленія Тютчева.

Ни Тютчевъ, ни Фетъ, ни Майковъ не были реакціонерами въ своей поэзіи. Они пѣли объ единствѣ души

съ космосомъ, они чуяли въ каждомъ явленіи дыханіе вѣчной идеи, и отмахивались отъ политики и злобы дня, какъ отъ назойливой мухи, отрывающей отъ грезы. Но когда, оторвавшись на минуту отъ нея, они обращались къ злобѣ дня, Тютчевъ проклиналъ декабристовъ и прогрессивныя направленія европейской мысли, Фетъ оказывался жестокимъ крѣпостникомъ, а Майковъ пѣлъ хвалебные гимны идеалу Россіи, осуществляемому подъ скипетромъ Николая. Есть что-то роковое и неизбѣжное въ этомъ если не союзѣ, то неизмѣнномъ сопутствіи реакціи и чистой поэзіи. И критики, даже глубоко убѣжденные въ томъ, что поэзія и жизнь не зависятъ другъ отъ друга, должны призадуматься надъ тѣмъ страннымъ фактомъ, что три поэта, давшіе глубочайшее обоснованіе и величайшіе образцы чистой поэзіи, оказывались всякій разъ на сторонѣ темныхъ и косныхъ силъ, когда имъ случалось заглядывать въ „скорбную драму нашего временного бытія“.

Передовая критика отнеслась отрицательно къ этимъ выступленіямъ Майкова, и онъ съ этого времени отдаляется окончательно отъ западническаго кружка и сближается съ молодой редакціей „Москвитянина“. „Около этого времени познакомился я,—пишетъ онъ,—съ молодой редакціей „Москвитянина“, съ Аполлономъ Григорьевымъ, Островскимъ, Писемскимъ, Эдельсонъ и съ самимъ Погодинымъ, со славянофилами. Здѣсь показалось мнѣ болѣе правды, чѣмъ въ западническомъ наклонѣ“. Впрочемъ и въ этомъ сближеніи Майковъ остается индивидуалистомъ, а не человѣкомъ программы. Онъ принялъ не все изъ ученія славянофиловъ и пришелъ къ „тому устою мысли“, на которомъ и остался стоять, по его собственному выраженію. Этотъ устой далъ ему „полную независимость и свободу мысли отъ постороннихъ вліяній“. Въ итогѣ „нравствен-

ная евангельская правда одна съ малолѣтства не была поколеблена, плюсъ—нѣкоторыя рыцарскія преданія“ Майковъ сталъ „внѣ колеи“, внѣ боевыхъ стремленій русскаго передового общества, и оно долго смотрѣло на него подозрительными или чуждыми глазами, какъ на писателя дружественнаго или по крайней мѣрѣ не враждебнаго реакціи. Освободивъ себя отъ обязательствъ, со временъ Бѣлинскаго, налагаемыхъ на писателя традиціями передовой журналистики, Майковъ отдался чистому искусству. „Когда все это,—говоритъ онъ въ письмѣ къ Златковскому,—установилось и отошло на задній планъ, тогда только началось настоящее творчество, въ связи отчасти съ непредвидѣнными событіями жизни, отчасти съ ходомъ внутренней работы мысли“.

Майковъ занимаетъ своеобразное мѣсто среди жрецовъ „чистаго искусства“. Онъ—представитель романтическаго универсализма, той струи романтизма, въ которой отразилось стремленіе романтиковъ охватить всѣ стороны жизни природы и человѣчества, ихъ прошлое и настоящее, близкое и отдаленное; стремленіе собрать какъ можно больше поэтическихъ документовъ. Это—то теченіе романтизма, которое смотритъ на безконечное разнообразіе поэтическихъ созданій человѣчества какъ на порожденіе одного великаго духа и потому одинаково бережно и любовно обращается къ пѣснямъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, читая въ нихъ исторію этой высшей самодовлѣющей силы. Это—то теченіе, которое бросило многихъ романтиковъ изъ объятій поэзіи въ объятія науки, обратило братьевъ Гриммъ къ этнографіи, Шатобріана—къ исторіи, Шеллинга—къ натурализму. Это—то теченіе, которое вызвало къ жизни гердеровскіе „Голоса народовъ въ пѣсняхъ“. И ни къ кому такъ непримѣнимы, какъ именно къ Майкову, слова,

которыми охарактеризовалъ историкъ нѣмецкой литературы эти „Голоса“, собранные въ одну книгу однимъ изъ отцовъ нѣмецкаго романтизма: „это были не только общераспространенныя пѣсни неизвѣстныхъ авторовъ, но характеристическія стихотворенія изъ всѣхъ національностей, цвѣтъ духовной жизни, картины ихъ своеобразнаго существованія, отклики сердецъ, полные младенческихъ тоновъ страсти или чувства, полные внѣшняго дѣйствія или внутреннихъ ощущеній, наглядные, образные, измѣнчивые; словомъ, это была звучащая природа, настоящая лирика въ смыслѣ Гердера, исходила ли она отъ Сафо или Катулла, отъ Гонгоры или Шекспира, отъ Лютера, Опица, Фемнига, Симона Духа или отъ Гёте... Здѣсь были представлены всѣ роды лирики: баллады, романсы, любовныя пѣсни, пѣсни боевыя, плясовыя, пастушескія, басни; но народы не были раздѣлены, всѣ пользовались одинаковыми правами, всѣ стояли въ одномъ ряду; массы раздѣлялись только по эстетическимъ соображеніямъ, по родственнымъ мотивамъ и однороднымъ настроеніямъ... Никогда никто не умѣлъ лучше достигнуть такого многосторонняго литературнаго усвоенія...“

Именно такова поэзія Майкова. Онъ—странникъ, собирающій поэтическія сокровища народовъ, улавливающій самые разнообразные голоса исторіи. Поэтому его поэзія нѣсколько холодна, эпична и объективна. Ни одинъ изъ этихъ голосовъ не есть голосъ его собственной души, и въ то же время всѣ они находятъ откликъ въ его душѣ. Глубоко знаменателенъ тотъ фактъ, что онъ началъ свою поэтическую карьеру съ антологіи въ духѣ античной поэзіи. И казалось, будто античный міръ былъ тѣмъ міромъ, съ которымъ органически была сродна его душа. Его послѣдующее творчество показало, что античный міръ былъ только первымъ

уголкомъ, съ котораго онъ началъ обзоръ безконечнаго собранія вѣковъ и народовъ. Его историческія занятія, его исключительный не только поэтическій, но и научный интересъ къ „Слову о полку Игоревѣ“ свидѣтельствуютъ о томъ, что его геній былъ склоненъ къ сферамъ творчества, гдѣ романтизмъ соприкасался съ исторической и этнографической наукой. Изъ древней Греціи и Рима онъ переносился въ Средніе вѣка и въ современность, отъ славянскихъ пѣсенъ переходилъ къ новогреческимъ. Его стихи—„отзывы“, и одинаково объективно звучатъ въ его поэзіи и „отзывы исторіи“, и „отзывы жизни“. Онъ любитъ давать цикламъ своихъ стихотвореній географическія и историческія названія, выражающія его вкусы вѣчнаго странника и наблюдателя: „Изъ странствованій“, „Дома“, „Очерки Рима“, „Вѣка и народы“. Онъ любитъ памятники старины, потому что надъ ними витаютъ образы и картины, несходные, отдѣленные другъ отъ друга столѣтіями, но объединенные въ его душѣ. Въ Римѣ предъ нимъ: „Вазари и Тацитъ, и сладостный пѣвецъ Тибура и Пестума и Дантъ, и Ѳеокритъ“. И нѣтъ у него избранниковъ, особенно дорогихъ сердцу. „Царство вѣчной юности и вѣчной красоты“ одинаково „чувствуется“ въ твореніяхъ самыхъ разнообразныхъ геніевъ:

Сіяющіе мраморы
    Лизиппъ и Праксителъ!
Съ безсмертными Мадоннами
    Счастливый Рафаэль!...
Святая лира Пушкина,
    Его кристальный стихъ,
Моцартовы мелодіи,
    Все радостное въ нихъ—
Все то—не откровенья ли
    Съ надзвѣздной высоты,
Изъ царства вѣчной юности
    И вѣчной красоты?..

И Тютчевъ, и Фетъ, и всѣ романтическіе поэты считали поэтическія созданія „откровеньями изъ царства вѣчной красоты“, но въ стихахъ каждаго изъ нихъ это нездѣшнее царство, этотъ міръ „слышный, но незримый“, эта „стихія запредѣльная“, раскрывалась въ опредѣленныхъ явленіяхъ міра по преимуществу, получали ту или другую преобладающую окраску, мрачную и враждебную землѣ какъ у Метерлинка, радостную и свѣтлую какъ у Фета, торжественную и таинственную какъ у Тютчева. Каждый изъ нихъ надѣлялъ настроеніями собственной души высшій міръ. Майковъ не знаетъ такого преобладающаго душевнаго настроенія. Ничья поэзія не толкаетъ такъ на историческое изученіе, какъ его, не побуждаетъ такъ любить всѣ явленія и всѣ художественныя творенія. Ему рисуется вѣчное какъ великая равнодѣйствующая. Поэзія Майкова дѣлаетъ понятнымъ, какимъ образомъ шатобріановскіе „Мученики“ и скоттовскій „Айвенго“ вдохновили Огюстена Тьерри и какъ вообще романтики вдохновляли ученыхъ. И даже родная природа и сама Россія, которая казалась его единственнымъ пристрастіемъ,—въ поэзіи его становится однимъ изъ поэтическихъ документовъ, равноцѣнныхъ среди другихъ. Фетъ засыпалъ, когда слушалъ чтеніе романовъ Гончарова, самаго этическаго изъ писателей. Майковъ преклоняется передъ авторомъ „Обломова“:

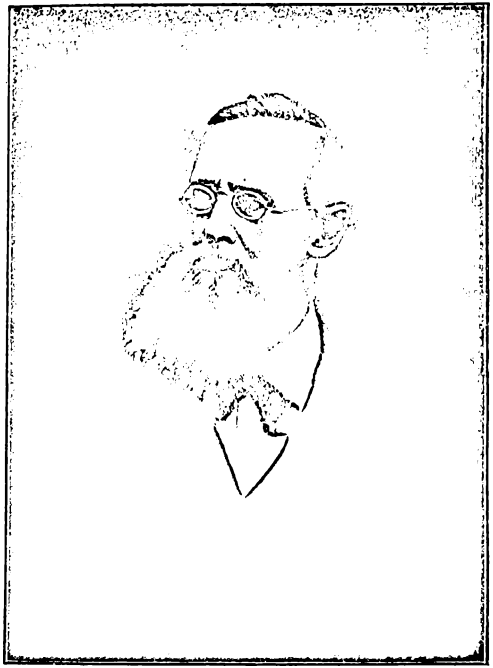
Море и земли чужія,
Обликъ народовъ земныхъ—
Всѣ предо мной какъ живые,
Въ чудныхъ разсказахъ твоихъ.
Сѣверъ нашъ блѣдный, но милый,
Милый затѣмъ, что родной,
Нынѣ опять мнѣ унылой
Вдругъ показался тюрьмой.

Онъ призываетъ малютку, котораго увидалъ молящимся у креста, помолиться „о странныхъ и чужихъ, о тоскующихъ, далекихъ и о добрыхъ и о злыхъ... и о томъ, чей путь далекъ, кто съ душой, любовью полной, въ мірѣ всюду одинокъ". Онъ пишетъ: „Альбомъ Антиноя", причемъ Антиноя дѣлаетъ уроженцемъ Сиріи, „черезъ которую проходили всякія философскія и религіозныя ученія древности, оставляя свой осадокъ въ мѣстномъ населеніи". Соблазнительная задача для поэта, муза котораго такъ охотно поетъ всѣми голосами человѣчества! Египетъ, Вавилонъ, Іудея, Греція, Римъ и проч., оставили слѣды своей духовной работы во впечатлительной душѣ Антиноя. Его душа—„пальма, рой свѣтлыхъ голубокъ,—мечты золотыя, что на ночь отовсюду слетаются къ ней".

Эта объективность, эта всесторонняя эпическая воспріимчивость, накладываютъ особый отпечатокъ на всѣ мотивы его поэзіи,—мотивы, уже знакомые намъ по лирикѣ Тютчева и Фета. Излюбленный мотивъ этой лирики, чувство единства съ космосомъ, порывъ къ вѣчному и равнодушіе къ землѣ,—этотъ мотивъ, звучавшій у Тютчева торжественной молитвой, а у Фета легкимъ ликующимъ гимномъ, Майковъ воплощаетъ въ изреченія Аполлодора Гностика:

Духъ вѣка вашъ кумиръ; а вѣкъ вашъ—краткій мигъ.
Кумиры валятся въ забвенье, въ безконечность...
Безумные! уже-ль вашъ разумъ не постигъ,
Что выше всѣхъ вѣковъ—есть Вѣчность!..

Онъ вѣритъ въ „Разумъ и Благость Великаго Духа" и зоветъ его Богомъ; вѣритъ, что міръ сотворенъ для того, чтобы „несчетные духи", вызванные Богомъ „въ бытіе", воплотившись, могли „пріять вящшую силу въ пути къ совершенству въ срочной борьбѣ съ есте-



АПОЛЛ. МАЙКОВЪ.

ствомъ". Старая пѣсня романтизма о служебной роли реальнаго міра, существующаго только для того, чтобы какой-то иной міръ могъ такъ или иначе осуществлять и проявлять себя. Старая пѣсня, парализующая активныя силы и волю человѣка; заставляющая смотрѣть и на добро, и на зло и на радость, и на горе какъ на нѣчто неизбѣжное, нужное высшимъ силамъ для какихъ-то невѣдомыхъ намъ цѣлей: „Не говори, что нѣтъ спасенья, что ты въ печаляхъ изнемогъ: чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды, чѣмъ глубже скорбь, тѣмъ ближе Богъ". Не въ своей душѣ, а у того же Аполлодора Гностика нашелъ онъ образы, выражающіе это непосредственное ощущеніе Бога и космоса. „Заката тихое сіянье, вѣнецъ безоблачнаго дня" для него „знаменованье иной ступени бытія". Онъ вѣритъ въ „селенья, гдѣ какъ сіяніе мечты, первообразы творенья къ красотѣ ихъ чистоты"; вѣритъ „въ свѣтлый міръ, гдѣ пребыванье душъ, какъ создалъ ихъ Господь, душъ, не вѣдавшихъ изгнанья въ человѣческую плоть!" Онъ вѣритъ, что „поэзія—вѣнецъ познанья", что „въ ней—Божество!", что „разъ ощутивъ ея сіяніе святое", навсегда забываешь „все мимолетное, земное". Ему не зачѣмъ было искать новыхъ звуковъ въ своей душѣ, чтобы выразить романтическій порывъ къ небу и презрѣніе къ землѣ, потому что „вѣка и народы" на всѣ лады воспѣли этотъ порывъ, и онъ, вѣчный собиратель поэтическихъ голосовъ человѣчества, нашелъ готовые звуки.

И готовые звуки нашелъ для всѣхъ другихъ мотивовъ своей поэзіи. Ему не зачѣмъ пѣть на новые лады праздное созерцаніе и идеалы эпикурейца, которые вызвали къ жизни неподражаемые стихи Фета. Онъ отыскалъ эти пѣсни у древнихъ и ограничился перепѣвами ихъ пѣсенъ. Сафо навѣяла на него поэтиче-

скія мысли о трапезахъ, „гдѣ Вакхъ въ вѣнцѣ изъ винограда и тигра кожею покрытъ, съ кипящей чашей предсѣдаетъ“. Анакреонъ разсказалъ ему о томъ, что милѣе воинскихъ трофеевъ и власти „въ теплой хижинѣ очагъ, пня дубоваго отрубокъ, да въ рукахъ тяжелый кубокъ, въ кубкѣ хмѣль и хмѣль въ рѣчахъ“. У Проперція подслушалъ онъ эту философію, согласно которой „златая радость, всемірный скипетръ, вѣнецъ тяжелый и бармы пышнаго царя“ ничто передъ тѣмъ, когда „на ложѣ лѣни, склонясь ко мнѣ лицомъ къ лицу, задремлетъ Цинтія“. Бродя среди памятниковъ древняго Рима, онъ слушалъ голосъ, звучавшій, какъ мораль, какъ выводъ изъ великой судьбы вѣчнаго города:

Покуда молоды—плюща и винограду!—
Дооблачныхъ палатъ; танцовщицъ и пѣвицъ!
И бѣшеныхъ коней, и быстрыхъ колесницъ,
Позорищъ ужаса, и крови, и мученій!
Взирая на скелетъ, поставленный на пиръ,
Въ конецъ исчерпай все, что можетъ дать намъ міръ!
И выпивъ весь фіалъ блаженствъ и наслажденій,
Чтобы жизненный свой путь достойно увѣнчать,
Въ борьбѣ со смертію испробуй духа силы,—
И вкругъ созвавъ друзей, себѣ открывши жилы,
Учи вселенную, какъ должно умирать.

Среди памятниковъ старины, среди повергнутыхъ, нѣкогда величественныхъ кумировъ, среди забытыхъ молитвъ онъ постигъ измѣнчивость человѣческихъ вѣрованій, непрочность славы, ничтожность самыхъ святыхъ предметовъ и стремленій. Созерцая „допотопную кость“ онъ знаетъ, что „насъ такой же ждетъ удѣлъ, пройдетъ и племя человѣка, умолкнетъ славы нашей шумъ; умрутъ о людяхъ и преданья; все, чѣмъ могучъ и гордъ нашъ умъ, въ другія не войдетъ созданья“. И это сознаніе, что на землѣ нѣтъ вѣчнаго и абсолютно

великаго, что конкретныя формы, въ которыя облекается Вѣчная Идея, не представляются сами по себѣ значительными,—это сознаніе приводитъ его порой къ философіи моментовъ во вкусѣ гораціевскаго „carpe diem“, и даже кажется повременамъ, будто въ стихахъ его звучитъ смѣхъ Мефистофеля, а вызванные имъ къ жизни образы улыбаются цинической улыбкой фавна. Въ прекрасномъ стихотвореніи воплотилъ онъ эту сторону своихъ чувствъ и настроеній („Мраморный Фавнъ“). Въ глубинѣ запущеннаго сада случайно межъ кустовъ открылъ онъ статую. Много и другихъ статуй мелькали среди древнихъ линъ, но ему „была видна объятая кустомъ одна лишь голова съ смѣющимся лицомъ“. Ему стало жаль идола, который изъ-за кустовъ лукаво улыбался. Одна за другой проносятся въ его воображеніи картины, свидѣтелемъ которыхъ былъ „циническій кумиръ“, нѣкогда почитавшійся богомъ. Въ честь его „при флейтѣ звонкой, бывало, человѣкъ костеръ священный жегъ, на камнѣ закалалъ съ молитвою ягненка“. И поэтъ обращается къ статуѣ съ вопросомъ:

О! разскажи:
Что, жаль тебѣ тѣхъ дней? Какъ ты разстался съ властью,
Развѣнчанный? Тогда—бывали ближе-ль къ счастью
Младыя племена? Иль это умной лжи
Несбытный вымыселъ, ихъ лиръ и наслажденья?
Иль вѣкъ одни и тѣ-жъ земныя поколѣнья?..
Ты улыбаешься?..

Наступила другая пора. Фавнъ сталъ свидѣтелемъ роскошнаго двора; его какъ чудо отыскали въ развалинахъ, ему разбили садъ, вокругъ него собрали „тритоновъ и наядъ, аѳинскихъ мудрецовъ и римскихъ цезарей и греческихъ боговъ“. И, такъ же „умильно осклабляясь“, смотрѣлъ онъ на новый міръ, на бальный

блескъ, на тайныя свиданья любовниковъ, ихъ ласки и клятвы, съ той же застывшей насмѣшкой слушалъ гремѣвшую въ саду музыку. И долго ли эти клятвы хранились ненарушимыми, вѣчно ли горѣла въ сердцахъ ихъ любовь, или не болѣе, чѣмъ „имя и увѣренія ихъ“, напечатлѣнныя на его мраморѣ? И лукавый смѣхъ мраморнаго изваянія „съ любви ихъ не сорвалъ предательскую маску, не бросилъ имъ въ лицо стыда живую краску“? На всѣ эти вопросы поэта „циникъ мраморный язвительно смѣялся“. Онъ самъ иногда похожъ на этого мраморнаго циника. Безконечное разнообразіе картинъ, стремленій страстей и коллизій, вызванныхъ имъ изъ всѣхъ вѣковъ и странъ, научили его съ оттѣнкомъ ироніи смотрѣть на волнующійся океанъ вѣковъ и народовъ.

Его взглядъ на поэзію и поэта вытекаетъ изъ этого же основного настроенія его души. Поэзіи чужды земныя радости и печали; она равнодушна къ нимъ. Ея сфера—вѣчность.. „Муза—строгая богиня: ей слава міра—тлѣнъ и прахъ! Ей—сердце чистое—святыня, и умъ окрѣпшувшій въ трудахъ!“.. Онъ поетъ „Отцу вселенной, своею лирой умиленной Его творенья красоту“. Люди въ его глазахъ „дѣти бѣдныя земли“, они—„люди плоти и страстей“. Они не видятъ „силъ небесныхъ“, и только когда придетъ „поэтъ-провиденцъ“, они „просіяваютъ въ полномъ обликѣ своемъ“. Мысль художника—„землѣ почти чужая“. Поэтъ долженъ творить, „лишь вторя чудеснымъ сердца голосамъ“,—„съ кумиромъ дня не споря“. Въ своихъ созданіяхъ онъ долженъ отразить свой собственный образъ, „какъ общій обликъ родовой“. Какъ и другіе романтическіе поэты, онъ любитъ противопоставлять поэта „толпѣ“. Ему, „избраннику“, открыта сущность вещей, ей—только ихъ видимость.

Куда-бъ ни шелъ шумящій міръ,
Что-бъ разумъ будничный ни строилъ,
На что-бъ онъ хоръ послушныхъ лиръ
На всѣхъ базарахъ ни настроилъ,
Поэтъ, не слушай ихъ. Пускай
Растетъ ихъ гамъ, кипитъ работа,—
Они все въ книгѣ жизни—знай—
Пойдутъ не дальше переплета!
Святыя тайны книги сей
Раскрыты вѣщему лишь оку:
Богъ открывался Самъ пророку:
Его-жъ съ премудростью своей
Не видѣлъ гордый фарисей.
Имъ только видимость—потреба,
Тебѣ же сущность, тайный смыслъ;
Имъ—только рядъ бездушныхъ числъ,
Тебѣ же—безконечность неба,
Задача смерти, жизни цѣль,—
Неразрѣшимыя досель,
Но ужъ и въ чаемомъ рѣшеньи,
Уже въ предчувствіи его
Тебѣ дающія прозрѣнье
Въ то, что для духа—вещество
Есть только форма и явленье.

„Можетъ быть, многимъ покажется страннымъ, что человѣкъ чуть не всю жизнь возится съ одной художественной идеей или, по крайней мѣрѣ, столько разъ къ ней возвращается. Но, видно, я слѣдовалъ инстинкту, подсказывавшему мнѣ, что лучше сдѣлать что-нибудь одно, да по мѣрѣ силъ“. Такими словами заканчиваетъ Майковъ свое предисловіе къ трагедіи „Два міра“. Самое заглавіе ея опредѣляетъ то, что разумѣлъ поэтъ подъ идеей, занимавшей его всю жизнь. Это—противопоставленіе другъ другу двухъ нравственныхъ началъ, двухъ сторонъ человѣческаго духа, двухъ противоположныхъ принциповъ общественной организаціи, наконецъ, двухъ географическихъ міровъ: востока и запада, двухъ русскихъ историческихъ міровъ: крѣпостного и

свободнаго, и т. д. Мы могли бы продлить перечисленіе этихъ контрастовъ, потому что его поэмы и его пьесы, напоминающія поэмы, являются почти всегда воплощеніемъ этихъ контрастовъ, и дѣйствительно можно повѣрить поэту, что всю жизнь возвращался онъ къ этой излюбленной темѣ. Рядомъ съ міромъ существующимъ онъ видѣлъ міръ грядущій и, созерцая вѣка и народы, онъ всюду различалъ эту борьбу настоящаго и будущаго. Онъ видитъ эти два міра повсюду. Въ поэмѣ „Никогда" воспѣта первая встрѣча славянъ съ римлянами. Пораженъ римскій царь, остановившійся со своими легіонами у порога славянскаго міра: странные послы пришли къ нему оттуда: „не лежатъ они челомъ передъ нимъ во прахѣ, не цѣлуютъ ногъ его въ раболѣпномъ страхѣ"; и гордыя рѣчи говорятъ ему: „завладѣй хоть міромъ, здѣсь бѣгъ свой остановишь, здѣсь, въ землѣ славянской, гробъ самъ себѣ сготовишь". Но властитель міра, принесшій съ собою иные принципы,—принципы силы и завоеванія,—не могъ внять девизу славянскихъ пословъ: „грѣхъ великій быть рабомъ, вящшій грѣхъ—быть паномъ". Римскій царь—солнце, съ нимъ нѣтъ споровъ: „какъ судьба, для всѣхъ моя власть неотразима: повелитель міра—Римъ, я жъ—владыка Рима!" И битва между послами и римлянами, это—битва принциповъ, общества, развивающагося на принципѣ довѣрія, и общества, основаннаго на принципѣ завоеванія, столкновеніе востока и запада, Россіи и Европы, конфликтъ, изобрѣтенный славянофилами. И заключительная картина, неожиданный страхъ завоевателей міра передъ таинственными силами, скрытыми за „сумрачными горами",—вполнѣ гармонируетъ съ туманной славянофильской вѣрой о новомъ словѣ, которое прозвучитъ оттуда міру. Этотъ же контрастъ „двухъ міровъ" служитъ темой другой поэмы, „Клермонтскій соборъ". Западный міръ, опол-

чившійся на защиту восточныхъ христіанъ противъ мусульманскаго міра, не долго былъ одушевленъ великой идеей всесвѣтнаго христіанскаго братства. Россія, которая въ эпоху крестовыхъ походовъ боролась съ чингисхановскими ордами, одна была „сторожевымъ Европы станомъ и ужъ за вѣру кровь лила“, одна остается носительницей этой идеи. „Мы—крестоносцы отъ начала...—восклицаетъ поэтъ:—мы не пришельцы—зиждемъ храмъ еще невѣдомый вѣкамъ... намъ пришлось на долю свершить, что западъ начиналъ... насъ Богъ избралъ творить Его святую волю“ и т. д. Этотъ же контрастъ, перенесенный въ современность, поэтъ воплощаетъ въ картинѣ столкновенія между старой княжной и ея дочерью (въ поэмѣ „Княжна“), между старымъ усадебнымъ барствомъ и новыми людьми, явившимися въ достопамятные севастопольскіе дни. И снова звучатъ знакомыя пѣсни о западѣ и востокѣ:

Тамъ—силой міръ былъ сплоченъ феодальный
И пестрый сбродъ племенъ въ одинъ народъ;
Здѣсь весь народъ, дотоль какъ бы опальный,
Великое призваніе сознаетъ
И ради той идеи колоссальной
Онъ весь—отъ смерда до царя—идетъ
И государству въ крѣпость отдается
И терпитъ все, лишь вѣра да спасется!

Эти сопоставленія недостаточно отчетливы. Тотъ міръ, который въ его воображеніи отожествляется съ Россіей, лишенъ даже тѣхъ болѣе или менѣе ясныхъ очертаній, какія придавали ему славянофилы. Сочувствіе реформамъ шестидесятыхъ годовъ сочетается съ враждебнымъ отношеніемъ къ новымъ людямъ: „Мы кинулись ломать киркой и ломомъ все старое, за всѣ его грѣхи“. Глубокія симпатіи къ старому усадебному патріархальному быту, къ „отжившему міру“, не мѣшаютъ ему въ поэмѣ „Поля“ пропѣть восторженный

гимнъ неопредѣленному порыву къ свободѣ, порыву въ безконечную даль. Идеализація древней Руси соединяется съ благоговѣйнымъ отношеніемъ къ Петру,—сочетаніе тѣмъ болѣе своеобразное, что вопросъ о Петрѣ былъ однимъ изъ боевыхъ вопросовъ въ борьбѣ западничества и славянофильства. Поэтому было бы глубокой ошибкой думать, будто, противопоставляя другъ другу „два міра", Майковъ соединялъ съ представленіемъ объ одномъ изъ нихъ опредѣленный кругъ идей, опредѣленный общественный и нравственный правопорядокъ. Только въ менѣе удачныхъ его произведеніяхъ („Княжна") онъ болѣе или менѣе рѣзко высказывается противъ опредѣленной системы воззрѣній и становится сравнительно твердо на сторону противоположной системы. Въ лучшихъ его созданіяхъ,—„Три смерти" и особенно „Два міра",—этотъ контрастъ двухъ міровъ тонетъ въ примиряющемъ и всеобъемлющемъ настроеніи романтическаго универсализма. Въ нихъ—сущность майковской поэзіи, его душа, охватывающая противоположныя явленія и сталкивающіяся начала, какъ законные элементы мірового единства, какъ чарующія проявленія единой красоты. Невѣрна мысль, будто Майковъ въ „Двухъ мірахъ" хотѣлъ противопоставить христіанство язычеству, какъ нѣчто высшее чему-то низшему. Его язычникъ, Деній, не менѣе прекрасенъ, чѣмъ его христіане, поэтъ любитъ перваго не меньше вторыхъ и идею античнаго Рима чтитъ не менѣе, чѣмъ идею пришедшаго ему на смѣну христіанскаго міра. Если же говорить о силѣ художественнаго воплощенія, то едва ли можно спорить о томъ, что фигура Дення вышла болѣе рельефной, чѣмъ образъ Іова, и что въ спорѣ Дення съ Лидой языкъ перваго звучитъ болѣе убѣдительно и сильно, чѣмъ кроткая рѣчь его противницы. Образы христіанъ долго не давались ему, тогда какъ фигуры язычниковъ были сразу

отлиты и удовлетворили поэта. „Здѣсь,—говоритъ онъ въ предисловіи,—я уже сдѣлалъ все, что могъ въ изображеніи языческаго міра. Но понять христіанскій міръ, не только въ отвлеченномъ представленіи, а въ живыхъ осмысленныхъ образахъ, въ отдѣльныхъ личностяхъ, оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ сладить съ міромъ языческимъ". Этого препятствія поэту не удалось вполнѣ побѣдить до конца, и фигуры изъ языческаго міра остались болѣе яркими, чѣмъ образы христіанъ. Что языческій міръ не былъ въ глазахъ поэта чѣмъ-то подлежащимъ осужденію, что этотъ міръ былъ великимъ явленіемъ на-ряду съ христіанствомъ, своеобразнымъ отраженіемъ чего-то высшаго, надмірнаго,—на это косвенное указаніе находимъ въ томъ же предисловіи. Изобразивъ въ первой редакціи Люція (замѣненнаго въ „Двухъ мірахъ" Деціемъ) эпикурейцемъ, Майковъ говоритъ: „Но этого мнѣ показалось мало. Герой долженъ былъ вмѣщать въ себѣ все, что древній міръ произвелъ великаго и прекраснаго: это долженъ былъ быть великій римскій патріотъ, могучій духомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ римлянинъ, уже воплотившій въ себѣ всю прелесть и все изящество греческой образованности".

Эти предварительныя замѣчанія необходимо было сдѣлать, прежде чѣмъ говорить о главномъ произведеніи Майкова „Два міра" и объ его первоначальномъ эскизѣ—„Три смерти". Трагедія „Два міра"—одинъ изъ прекраснѣйшихъ продуктовъ романтическаго универсализма. Здѣсь сталкиваются не два, а много міровъ. Духовныя богатства, явившіяся въ міръ изъ глубочайшихъ умовъ и благороднѣйшихъ сердецъ, нравственныя системы и обобщенія житейскаго опыта, возникшія въ результатѣ долгихъ полныхъ богатаго содержанія жизней, плоды тонкой и вдумчивой работы аристократовъ мысли и жизни,—все это наполняетъ

трагедію. И кажется, что авторъ съ великимъ благоговѣніемъ собиралъ эти несходные алмазы человѣческаго духа не для того, чтобы блескъ одного затмилъ остальные, а для того, чтобы показать, какъ неистощима сокровищница этого духа, какъ безконечно разнообразны отраженія единаго Разума, раскрывающагося въ явленіяхъ міра. Въ „Трехъ смертяхъ" поэтъ Луканъ, философъ Сенека и эпикуреецъ Люцій приговорены Нерономъ къ казни, и ихъ предсмертныя бесѣды — мудрыя житейскія обобщенія, несходные, но одинаково глубокіе и замѣчательные выводы изъ богатаго запаса фактовъ, прошедшихъ черезъ лабораторію утонченнаго ума. Сенека почерпаетъ мужество и силу въ платоновомъ ученіи о томъ, что смерть есть „міръ перерожденія". Онъ вѣритъ, что „иная жизнь насъ встрѣтитъ тамъ", что за земнымъ предѣломъ „проснутся, выглянутъ на свѣтъ иныя чувства, роемъ цѣлымъ, которымъ органа здѣсь нѣтъ".

Мы -боги, скованные тѣломъ,
И въ этотъ дивный переломъ,
Когда я покидаю землю,
Я прежній образъ свой пріемлю,
Вступая въ небо -божествомъ!

И рядомъ—Люцій, утонченный эпикуреецъ, матеріалистъ, свободный отъ вѣры въ вѣчную жизнь, въ божественное будущее человѣка. Пусть даже правъ Сенека, пусть дѣйствительно по смерти мы будемъ жить и станемъ богами,—Люцій все равно не прославитъ смерти. Онъ любитъ *эту* жизнь, онъ любитъ свое тѣло, свои земныя радости, и не влечетъ его жизнь, чуждая ему. Быть можетъ, боги и боги завидуютъ, „смотря, какъ смертный ѣстъ и пьетъ и съ смертной тѣшится любезной":

Для дѣлъ великихъ нуженъ
Веселый духъ и добрый ужинъ...

По смерти слава намъ ни въ прокъ!
И что за счастье, что когда-то
Укажетъ риторъ бородатый
Въ тебѣ для школьниковъ урокъ!..
До тайнъ грядущихъ—нѣтъ мнѣ дѣла!
И—здѣсь ли кончу я свой вѣкъ,
Иль будетъ жить душа безъ тѣла—
Все буду я не человѣкъ!...

Люцій не хочетъ пожертвовать ни одной минутой земныхъ радостей, послѣдніе часы своей жизни отдаетъ наслажденію, любви и красотѣ и умираетъ „какъ истый мудрый сибаритъ, который, трапезою пышной насытивъ тонкій аппетитъ, средь ароматовъ тонко спитъ". Поэтъ Луканъ развиваетъ третій взглядъ на жизнь и смерть. Ему жаль „бросить славныхъ дѣлъ начатки и все, что бьются въ груди". Ему страшно подумать о томъ, что кипѣвшія въ немъ силы вдругъ исчезнутъ, что „титанъ, грозившій небесамъ", вдругъ станетъ горстью пепла:

Ужели съ даромъ пѣсенъ лира
Была случайно мнѣ дана?

Онъ не хочетъ уступить безъ борьбы, не хочетъ помириться съ мыслью, что его поэтическій даръ, давшій ему власть надъ людьми и самимъ Нерономъ, исчезнетъ. Онъ даже готовъ бѣжать отъ смерти, но, услышавъ, какъ геройски погибла Эпихарида, „душа безумныхъ сатурналій",—онъ не хочетъ уступить женщинѣ въ героизмѣ:

Теперь стою я какъ ваятель
Въ своей великой мастерской.
Передо мной—какъ исполины
Недовершенныя мечты!
Какъ мраморъ, ждутъ они единой
Для жизни творческой черты...
Простите-жъ пышныя мечтанья!..
Осуществить я васъ не могъ!..

О, умираю я какъ богъ
Средь начатаго мірозданья!

Никакія усилія не помогутъ отгадать, на чьей сторонѣ симпатіи поэта. Какая изъ трехъ смертей болѣе другихъ привлекаетъ его, чьи предсмертные выводы находятъ откликъ въ его собственной душѣ? Равно звучны, прекрасны и точны стихи, въ которые онъ облекаетъ философскіе итоги трехъ различныхъ умовъ. Одинаково серьезно и вдумчиво слушаетъ онъ эти чуждые и далекіе другъ другу голоса и, кажется, любуется безконечнымъ разнообразіемъ возможностей, скрытыхъ въ человѣческой мысли, безконечной пестротой формъ, которыя принимаетъ вѣчная истина. И такъ же тщетно стали бы мы искать слѣдовъ его субъективнаго настроенія въ „Двухъ мірахъ". Онъ благоговѣйно смотритъ на оба, какъ на величественныя проявленія Абсолютнаго, какъ на элементы великаго мірового духовнаго процесса. Римъ—не отживший низшій міръ, уступающій мѣсто новому высшему христіанскому міру, не умирающая идея, которая обречена на исчезновеніе предъ новой идеей, заключающей въ себѣ болѣе величія. Римъ, это—символъ человѣческой солидарности, единства народовъ. Галлъ и свевъ, ѳессаліецъ, египтянинъ и сиріецъ,—всѣ они чувствуютъ себя членомъ одной великой общины. „Языкъ, законъ, свобода" Рима слили ихъ въ одно: онъ обратилъ міръ „въ жилище для человѣческаго рода". И „хоть мы всѣ разноплеменны,—говоритъ Галлусъ,—но всѣ, какъ граждане вселенной, чтимъ за отечество весь міръ". Кесарь—священное знамя, такой же священный символъ. Неронъ—распущенный деспотъ, попирающій свободу, но его званіе важнѣе его личности. Онъ—кесарь, онъ—конкретное воплощеніе тысячелѣтней традиціи, онъ носитъ званіе, передъ которымъ молчаливо преклю-

няется человѣчество, какъ передъ высшей объединяющей властью:

Единство въ мірѣ водворилось.
Центръ—кесарь. Отъ него прошли
Лучи во всѣ концы земли,
И гдѣ прошли, тамъ появилась
Торговля, тога, циркъ и судъ,
И вѣковѣчныя бѣгутъ
Въ пустыняхъ римскія дороги.

Децій, главный герой трагедіи, долженъ, по мысли автора, служить высшимъ выраженіемъ этой удивительной культуры, одной изъ великихъ формъ, въ которой раскрылась одна изъ самыхъ поразительныхъ сторонъ Вѣчнаго. Онъ „долженъ былъ вмѣщать въ себѣ все, что древній міръ произвелъ великаго и прекраснаго: это долженъ былъ быть великій римскій патріотъ, могучій духомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ римлянинъ, уже воплотившій въ себѣ всю прелесть и все изящество греческой образованности". Въ изумительной смерти Деція скрывается великій смыслъ. Это не смерть эстета и эпикурейца, окружающаго свои послѣднія минуты цвѣтами наслажденія и красоты. Это—геройскій подвигъ, исполненіе долга, служеніе Риму и воплотившейся въ немъ идеѣ. Децій не проявилъ достаточнаго вниманія къ декламаціи Нерона, чувствительнаго къ своей славѣ артиста,—и онъ осужденъ на смерть. Простое извиненіе, одно слово лести императору-актеру—и Децій сохранилъ бы жизнь. Но Децій не скажетъ этого слова. У него свое представленіе о той роли, которую онъ призванъ сыграть въ торжествѣ римской идеи,—и это призваніе требуетъ его смерти. Новыя времена требуютъ новыхъ формъ героизма, но въ этихъ новыхъ формахъ онъ окажется достойнымъ своихъ предковъ и умретъ какъ Горацій Коклесъ и Брутъ. Онъ знаетъ, что „Римъ все собой объединилъ.

какъ въ человѣкѣ разумъ; міру законы далъ и все скрѣпилъ". Онъ убѣжденъ, что „кто вѣритъ въ разумъ, тотъ не можетъ не вѣрить въ Римъ". Правда, нероновскій Римъ—не прежній Римъ; въ вѣчный городъ собрался всякій сбродъ; въ сенатѣ засѣдаютъ „чуть не вчерашніе рабы". Но „временныя тучи" не могутъ остановить судебъ Рима. На престолѣ деспотъ и самодуръ, но „воля кесаря—законъ", принципъ не колеблется временными уродливыми его воплощеніями: „сядь на тронъ философъ —съ трона свѣтъ польется, и будетъ кесаревъ законъ закономъ разума". Въ чемъ же заключается назначеніе истиннаго римлянина въ это печальное время, въ эпоху набѣжавшихъ „временныхъ тучъ"? Оно—въ томъ, чтобы являть примѣръ древней доблести, въ томъ, чтобы служить живымъ напоминаніемъ объ истинной идеѣ Рима. Не въ борьбѣ съ кесаремъ, не въ убійствѣ его, не въ оскорбленіи воплощеннаго въ его лицѣ принципа, а въ пробужденіи героическаго античнаго духа—задача „старыхъ римлянъ", тѣхъ „фамилій, которыхъ съ Римомъ жизнь слилась, которыхъ предки Риму были отцами и которыхъ духъ изъ рода въ родъ передавался". Именно эту задачу хочетъ осуществить своимъ самоубійствомъ Децій:

Мы ждемъ, и наша вся забота
Лишь въ томъ, чтобъ старый духъ отцовъ
Являлся требовать отчета
Въ палаты кесарей порой;
Чтобъ у поруганнаго трона
Онъ появлялся судіей,
Грозящимъ призракомъ Катона, —
А этотъ призракъ всякій разъ
Встаетъ, во всѣ дома стучится
Лишь только новое свершится
Самоубійство между насъ!

Не потрясая принципа неприкосновенности кесар-

скаго званія, онъ предполагаетъ этимъ путемъ напоминаній, этими героическими самоубійствами вернуть кесаря къ исполненію его долга.

Предъ цѣлымъ міромъ прокричать
Ему хочу! Пускай онъ знаетъ,
Что съ легіонами рабовъ
Не сломитъ въ насъ онъ духъ отцовъ,
Что кесарь—самъ онъ забываетъ,
Что этотъ духъ въ лицѣ его
Себя лишь чтитъ за божество
И кесарь онъ—пока лишь полонъ
Самъ этимъ духомъ!..

Этому величественному міру, въ которомъ сочетается духъ древней римской свободы съ уваженіемъ къ кесарю, носителю римской идеи, противопоставленъ другой міръ,—міръ христіанъ, воплощающій другую идею,—идею отреченія отъ земной жизни, вдохновенную вѣру въ высшую вѣчную жизнь. Тамъ не боятся земного горя. Тамъ—старецъ, у котораго изъязвлены руки и плечи, но „въ небесахъ витаетъ духъ и на устахъ—любви исполненныя рѣчи". Онъ жилъ царемъ, былъ „полнъ гордыхъ замысловъ" когда-то, но вдругъ „на жесткомъ ложѣ обрѣлъ онъ то, что намъ дороже земного скипетра и вѣнца, и всѣхъ сокровищъ міра—Бога и путь къ Нему", съ тѣхъ поръ въ созерцаніи совершенствъ Бога онъ находитъ „ту мудрость, силу и покой, чѣмъ всѣхъ невольно покоряетъ и съ высоты, гдѣ пребываетъ, всѣхъ увлекаетъ за собой". Въ этомъ мірѣ на земныя радости и печали смотрятъ изъ загробнаго міра, и потому онѣ утрачиваютъ свое значеніе. Тамъ вдова, мужъ которой былъ разорванъ львами въ циркѣ, вдохновенно и радостно говоритъ сыну о томъ, какъ душа погибшаго витаетъ въ небесахъ и любуется близкими, когда они творятъ добро и чтятъ Бога, и, напротивъ, плачетъ, когда они поступаютъ

дурно. Когда сравниваешь эти два міра, то иногда кажется, будто поэтъ, быть можетъ, задавшійся идеей возвеличить христіанскій міръ надъ языческимъ, при разработкѣ своей темы увлекся величіемъ древняго Рима и невольно воплотилъ его духъ въ болѣе яркіе образы. Христіане тоже сочетаютъ идею подчиненія кесарю съ идеей служенія Богу. Но въ ихъ рѣчахъ нѣтъ той гордой вѣры въ свободу личности, которой дышитъ рѣчь Деція. Они покорны своей судьбѣ. Ихъ взоръ, вѣчно обращенный къ небу, порождаетъ ихъ рабскую философію относительно земли. Они вѣрятъ, что кесарь „поставленъ отъ Бога—царемъ племенъ". Они не собираются вліять на него своей мученической смертью, они, безъ разсужденія, готовы подчиниться всѣмъ его дѣйствіямъ и даже „мечу и мздѣ кровавой":

Служить ему намъ Богъ судилъ
Всѣмъ сердцемъ, до послѣднихъ силъ,
Безъ лжи, безъ всякаго коварства.
Все, что у насъ земное есть—
Вся наша кровь, все достоянье
И все умѣніе и знанье,—
Готовы каждый мигъ принесть
Мы съ духомъ радостнымъ къ подножью
Его престола.

Объективность поэта особенно сказывается въ послѣдней сценѣ, въ діалогѣ Деція и Лиды, когда оба міра встаютъ во всеоружіи, въ своихъ лучшихъ и самыхъ величественныхъ проявленіяхъ. Съ одной стороны—гордая личность, преклоняющаяся передъ силой своего собственнаго разума, своей мысли, „вознесшей ее и надъ людьми и надъ богами", умственный аристократъ, не желающій признать братьевъ въ милліонахъ низшихъ существъ, „несмыслящихъ, тупыхъ", личность, провозглашающая себя богомъ. Съ другой—личность, не мыслящая себя внѣ Бога и человѣчества, вѣрящая, что источникъ души, въ небесахъ, отвергающая человѣка-бога,

твергающая принципъ независимой личности и обрекающая себя на служеніе сокрытой отъ нея цѣли. Съ одной стороны девизъ: „Мой судъ—я самъ“; съ другой—„пойми-жъ, что свыше лозунгъ данъ“. Съ одной—титаническое притязаніе личности, наполняющей собою міръ, вызывающей на бой боговъ и народы. Съ другой—философія смиренія и покорности:

Здѣсь нѣтъ вождей!
Творятъ дѣла здѣсь ужъ не люди!
Для всѣхъ, какъ для простыхъ орудій,
Сокрыты цѣли!..

Замыселъ автора, быть можетъ, и не возбуждаетъ споровъ. Но замыселъ и осуществленіе замысла несомнѣнно разошлись между собою. Изумленіе Деція, послѣдняго великаго язычника, почти съ ужасомъ слушающаго предсмертное пѣніе христіанъ, свѣтъ, которымъ окружило Лидію воображеніе умирающаго римлянина въ послѣднее мгновеніе его жизни, торжественное спокойствіе христіанъ и отталкивающія картины языческой оргіи,—все это свидѣтельствуетъ, на чьей сторонѣ хотѣлъ быть авторъ. Справедливо было отмѣчено критикой, что „Два міра“ проливаютъ свѣтъ на всю поэзію Майкова, на все его міровоззрѣніе, на его отношеніе къ современнымъ событіямъ. Всюду онъ видѣлъ столкновеніе двухъ міровъ, всюду его взоръ различалъ вѣчную борьбу добра и зла. Но онъ озиралъ эту борьбу съ тѣмъ величавымъ спокойствіемъ, который былъ результатомъ его романтическаго историзма. „Вѣка и народы“ для него—путь къ познанію нездѣшняго, къ постиженію цѣлей Абсолютнаго Разума. Всѣ они—равноцѣнныя проявленія этого Разума. Духомъ Шеллинга и ранняго русскаго гегеліанства вѣяло отъ этой поэзіи, и была она необходимымъ аккордомъ, стройно слившимся съ общей симфоніей, которой художественное творчество проводило въ могилу отживающій міръ понятій.

Отдѣлъ VI.

ВЫСТУПЛЕНІЕ БУРЖУАЗІИ.—ГОНЧАРОВЪ.

Герои „дѣла“.—Вліяніе начинающагося развитія промышленности.—Городъ.—Гончаровъ.—Его біографія и личность.—Его общественныя и эстетическія воззрѣнія.—Взглядъ на собственные романы.—„Обыкновенная исторія“.—„Обломовъ“.—„Обрывъ“.

I.

Мы до сихъ поръ умышленно оставляли въ тѣни одну группу типовъ, выведенныхъ на сцену писателями 40-хъ годовъ. „Лишніе люди“, поэты „чистаго искусства“, наше шеллингіанство и гегеліанство,—все это были умственныя теченія и душевныя настроенія, возникшія въ душѣ просвѣщеннаго и гуманнаго барства вмѣстѣ съ потрясеніемъ вѣкового крѣпостническаго уклада. Это были умонастроенія людей, которые по воспитанію и привычкамъ принадлежали къ прошлому, но которые, чувствуя крушеніе этого прошлаго, переживали извѣстную растерянность, искали забвенія въ бѣгствѣ отъ дѣйствительности на метафизическія и эстетическія высоты или страстно стремились къ пересозданію общества, но путались въ противорѣчіяхъ, не умѣя стать въ опредѣленныя отношенія къ новымъ выступавшимъ на историческую арену общественнымъ группамъ. Въ общемъ писатели-художники, разсмотрѣнные нами, скорѣе оплакали старый усадебный міръ, чѣмъ привѣтствовали новый. Въ поэзіи Герцена, Тургенева и Толстого этого періода было больше скорбнаго безсилія, чѣмъ бодрыхъ, зовущихъ звуковъ. Они ярче изображали неудачи Нехлюдовыхъ и Рудиныхъ въ ихъ поискахъ дѣла, чѣмъ героевъ дѣла.

И тѣмъ не менѣе эти герои дѣла уже нарождались Такіе чуткіе къ общественнымъ движеніямъ художники, какъ Тургеневъ, не могли не уловить этого богатаго послѣдствіями новаго явленія и пытались воплотить въ художественные образы этихъ новыхъ людей. Эти новые люди—предприниматели. Они явились задолго до отмѣны крѣпостного права. Съ извѣстной точки зрѣнія можно сказать, что именно они вызвали его паденіе, такъ какъ развитіе этого типа было тѣсно связано съ развитіемъ промышленности и со всѣми его неизбѣжными послѣдствіями, съ наемнымъ трудомъ, свободнымъ передвиженіемъ рабочихъ рукъ и т. д. Художественная литература рано почуяла будущее значеніе буржуазіи, которая должна была занять мѣсто дворянства. Мало этого,—наиболѣе чуткіе художники, искавшіе положительныхъ идеаловъ, людей дѣла, склонны были идеализировать предпринимательство и предпринимателей, какъ единственныхъ людей, могущихъ обновить общество, какъ единственныхъ людей, на которыхъ можно опереться среди общаго унынія и нравственнаго паденія. Начиная съ гоголевскаго добродѣтельнаго купчика Муразова и кончая тургеневскимъ Соломинымъ, мы имѣемъ длинную вереницу образовъ, въ которыхъ воплотилось какое-то тайное, точно не вполнѣ еще сознанное, преклоненіе нашихъ лучшихъ писателей передъ новымъ типомъ пріобрѣтателей. Въ критикѣ установилось справедливое мнѣніе, что эти типы, эти положительные герои плохо удавались нашимъ писателямъ, и въ художественномъ отношеніи Муразовъ не можетъ сравниться съ Чичиковымъ, ни Соломинъ съ Рудинымъ. По мѣрѣ приближенія момента паденія крѣпостничества фигуры этихъ новыхъ людей проясняются, и образы ихъ въ художественной литературѣ становятся болѣе яркими.

Явленіе это находитъ себѣ объясненіе въ самомъ

ходѣ общественнаго развитія. Яркіе образы стали возможны въ художественномъ творчествѣ только тогда, когда въ самой жизни опредѣлились ихъ прототипы и когда за изображеніе ихъ взялись писатели, сами принадлежавшіе къ новому типу. Крѣпостное право, а вмѣстѣ съ нимъ землевладѣльческій укладъ нашей жизни и умственныя теченія и художественные образы и настроенія, взращенныя усадебной обстановкой, должны были пасть. Развитіе промышленности должно было породить новый строй воззрѣній новыхъ господъ положенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ новыя настроенія и новую смѣнку старыхъ представленій. Въ шестидесятые годы выступитъ разночинецъ и объявитъ войну романтизму и мечтательности сороковыхъ годовъ. Но предприниматель, капиталистъ, фабрикантъ должны были оставить свой слѣдъ въ литературѣ на зарѣ своего начинающагося господства. Тамъ, гдѣ капиталистъ выступалъ въ своемъ чистомъ неприкрашенномъ видѣ, онъ ломалъ традиціи, онъ шелъ своимъ путемъ, вносилъ новые пріемы въ отношенія къ людямъ. Ему чужды были отношенія, сложившіяся въ деревнѣ. Онъ былъ свободенъ отъ той культуры, отъ просвѣщенія, отъ долгой привычки къ командованію, отъ всего того, что дѣлало дворянство не только экономически, но и умственно господствующимъ классомъ. Это были люди, которые захватывали въ свои руки торговлю и промышленность и не знали никакихъ другихъ принциповъ, кромѣ наглой и циничекой эксплоатаціи. Юридическое положеніе этихъ людей было неестественнымъ среди нормъ крѣпостного права. Они были богачами и нерѣдко въ юридическомъ отношеніи продолжали оставаться крѣпостными помѣщиковъ. Они основывали фабрики и приносили нерѣдко своимъ помѣщикамъ десятки тысячъ дохода. Не удивительно, что помѣщики не стѣсняли ихъ въ ихъ операціяхъ, санкціонируя всѣ ихъ сдѣлки. Они владѣли

сами сотнями душъ и огромными имуществами, и хотя все это юридически числилось за ихъ помѣщиками, но въ своемъ царствѣ они являлись полными господами положенія и безконтрольными властителями. Съ новыми пріемами эксплоатаціи они въ силу хода вещей врывались въ старый землевладѣльческій укладъ и разрушали его. Самый ходъ экономическаго развитія, завоеванія промышленности и торговли дѣлали ихъ фактически господами положенія, хотя юридически они были рабами. Именно въ этой средѣ создавался разнузданный типъ мнцника, не признающаго никакой силы, кромѣ капитала, тотъ типъ деспота и самодура, который увѣковѣчилъ Островскій въ своихъ драмахъ. Какъ и на Западѣ, наша первоначальная буржуазія была „темнымъ царствомъ". Наши Гордѣи Торцовы немногимъ отличались отъ Бондерби и Градгриндовъ диккенсовскихъ „Тяжелыхъ временъ".

Но рядомъ съ этими людьми нарождался и другой типъ предпринимателя, просвѣщеннаго и дѣлового, стремившагося соединить въ своей дѣятельности пріемы дореформеннаго хозяйства съ новыми формами отношеній, которыя подсказывались развивающейся промышленностью. Это промежуточный типъ, дворяне, заводившіе образцовыя хозяйства въ деревнѣ или фабрики, капиталисты недворянскаго происхожденія, покупавшіе земли для устройства доходныхъ предпріятій, наконецъ, чиновники, соединявшіе службу съ организаціей заводовъ. Это—Костанжогло, Левины, Сипягины, Тушины, Адуевы, Штольцы. Интересы этихъ еще немногочисленныхъ, но сильныхъ людей, болѣе чуткихъ къ новымъ формамъ экономической жизни, требовали также раскрѣпощенія деревни, освобожденія рабочихъ рукъ, вольнаго наемнаго труда. Въ первой половинѣ XIX столѣтія на купеческихъ фабрикахъ работали крѣпостные въ огромномъ количествѣ, и благодаря этому фабрикантъ

находился въ сильной зависимости отъ землевладѣльца. Въ любой моментъ этотъ послѣдній могъ лишить его рабочихъ рукъ Даже правительство чувствовало, что необходимо оградить промышленность отъ власти помѣщиковъ,и принимало палліативныя мѣры,—напримѣръ, запрещало помѣщикамъ снимать своихъ людей съ фабрикъ до истеченія срока найма. „Но оно,—говоритъ въ своей превосходной статьѣ „Новое общество“ М. Н. Пожровскій,—не могло заставить помѣщика отдавать въ наймы или отпускать на оброкъ своихъ крѣпостныхъ, когда это нужно фабриканту, ни брать ихъ обратно, какъ только они становились фабриканту не нужны. Отношенія по-прежнему оставались неподвижными,—свободная фабрика была немыслима въ крѣпостной деревнѣ. Нужно было сдѣлать шагъ дальше. Раскрѣпощенной фабрикѣ должна была соотвѣтствовать раскрѣпощенная деревня“. Этотъ новый типъ явился результатомъ „прививки буржуазнаго духа къ засыхавшему стволу русскаго феодализма“. Либерализмъ этихъ людей, ихъ отвращеніе къ барской лѣни, ихъ дѣловитый, серьезный взглядъ на жизнь, отвращеніе къ безплоднымъ мечтамъ и безплодному прожектерству рудинскаго и обломовскаго стиля,—все это вытекало изъ новыхъ экономическихъ потребностей, изъ начинавшейся смѣны землевладѣльческаго патріархально-крѣпостническаго уклада новымъ, промышленнымъ, предпринимательскимъ. Новый типъ былъ сочетаніемъ того, что трудно было сочетать. Это—не были помѣщики въ полномъ старомъ смыслѣ этого слова. Въ то же время это не были предприниматели въ современномъ смыслѣ слова, съ ясно опредѣлившимися пріемами эксплоатаціи. Не удивительно, что и въ художественной литературѣ фигуры Тентетниковыхъ, Костанжогло, Тушиныхъ и Штольцевъ выходили болѣе блѣдными, чѣмъ образы Рудиныхъ и Лаврецкихъ или Торцовыхъ. „Такъ выросъ,—говоритъ

Покровскій,—на русской почвѣ,—какъ раньше на почвѣ остъ-эльбской Германіи,—ублюдокъ: имѣніе-предпріятіе на крѣпостномъ трудѣ, имѣніе-плантація... Ублюдочный типъ хозяйства, уже не феодальнаго, но и не вполнѣ буржуазнаго, оказался непригоднымъ ни для старыхъ, ни для новыхъ цѣлей". Превращеніе феодала въ предпринимателя было однимъ изъ важнѣйшихъ процессовъ въ исторіи совершавшагося экономическаго переворота, и этотъ процессъ необходимо уяснить, чтобы понять происхожденіе гончаровскихъ героевъ съ ихъ либерально-буржуазными тенденціями, съ ихъ полудворянскими, полупредпринимательскими симпатіями, съ полнымъ отсутствіемъ интереса къ теченіямъ поднимавшимся изъ другихъ слоевъ.

Это выступленіе буржуазіи должно было отразиться на литературѣ и въ другомъ отношеніи. Перемѣщалось мѣсто дѣйствія. Деревня должна была уступить свое господство городу. Новымъ чувствамъ и настроеніямъ городъ открывалъ болѣе широкій просторъ, чѣмъ усадебная обстановка. И литература переселилась въ городъ. Дѣйствіе лучшихъ романовъ Толстого, Тургенева и Григоровича происходитъ въ деревнѣ. Если ихъ герои появляются въ столицѣ, если великосвѣтскіе романы Толстого происходятъ въ городѣ, то обстановка этихъ барскихъ домовъ на Поварской, по существу, не отличается отъ помѣщичьей обстановки. На городъ падаетъ отблескъ деревенскаго свѣта. У Гончарова и Островскаго городъ выступаетъ впервые ярко въ видѣ новой силы, чуждой всему деревенскому укладу. Гончаровъ даже любитъ изображать столкновенія городского и помѣщичьяго строя представленій, любитъ рисовать, какъ нѣжныя растенія, выроненныя патріархальной культурой, превращаются въ городѣ въ закаленные и грубые продукты дѣловой и суровой жизни. Это перемѣщеніе арены художественнаго вниманія было также

результатомъ экономическаго переворота, совершавшагося въ срединѣ истекшаго столѣтія. Въ сущности, въ первой половинѣ XIX столѣтія города въ современномъ смыслѣ этого слова въ Россіи не существовало. Правда, городовъ было нѣсколько сотъ, но даже въ половинѣ сороковыхъ городовъ въ Европейской Россіи (кромѣ Эстляндіи, Финляндіи и Польши) и въ Сибири только 14 городовъ насчитывали болѣе 30.000 населенія, въ нѣсколькихъ десяткахъ городовъ оно спускалось ниже отъ 30.000 до 10.000, а въ главной массѣ городскихъ поселеній (568) не достигало и 10.000, а нерѣдко спускалось и ниже тысячи. Если, за исключеніемъ столицъ, почти всюду въ городахъ отсутствовалъ главный признакъ города,—именно скученность огромнаго числа людей въ одномъ мѣстѣ,—то еще менѣе имѣлись на-лицо другіе признаки, которые въ настоящее время мы считаемъ специфическими признаками города. Именно города не были культурными, торговыми и промышленными центрами, притягивающими къ себѣ отовсюду лучшія силы изъ окрестныхъ деревень. Даже наканунѣ городской реформы 1870 г. большинство городского населенія еще продолжало существовать земледѣліемъ, хотя уже появились крупные промышленные центры. А что представляли изъ себя города въ качествѣ культурныхъ центровъ, объ этомъ лучшее свидѣтельство могутъ доставить „Мертвыя души“ и „Ревизоръ“. Паденіе крѣпостного права вызвало быстрый ростъ городовъ. „Въ города,—говоритъ С. А. Приклонскій,—нахлынули изъ деревень стаи разжирѣвшихъ, разжившихся кулаковъ и оскудѣвшіе помѣщики, которымъ больше нечего было дѣлать въ деревнѣ; съ другой стороны, здѣсь же осѣла и образовала многочисленный городской пролетаріатъ сначала масса дворовыхъ людей, потомъ безземельные крестьяне, а за ними потянулись бездомовые, безлошадные и др.“. (Г. И. Шрейдеръ. Городъ и Городовое По-

ложеніе 1870 г. въ „Ист. Россіи въ XIX в.“, изд. Гранатъ). Такъ, центръ жизни перемѣщался изъ деревни въ городъ, а экономическая организація общества переходила изъ рукъ дворянства въ руки буржуазіи. Въ освобождающую силу этого процесса—вѣрили многіе. Въ ростѣ и усиленіи буржуазіи даже лучшіе люди начинали усматривать залогъ спасенія Россіи. Извѣстно, что даже Бѣлинскій пережилъ моментъ такого увлеченія и въ письмѣ къ Анненкову въ началѣ 1848 года писалъ: .....теперь ясно видно, что внутренній процессъ гражданскаго развитія въ Россіи начнется не прежде, какъ съ той минуты, когда русское дворянство преобразится въ буржуазію“. Романы Гончарова—художественный памятникъ этого процесса, этого „преображенія дворянства въ буржуазію“. Гончаровъ—яркій представитель того направленія, которое идеализировало буржуазію, возвело на пьедесталъ новые пріемы и качества, принесенныя ею на арену жизни. Вопреки распространенному мнѣнію относительно объективности творца „Обломова“, онъ былъ апологетомъ адуевщины и открытымъ поклонникомъ Штольцевъ и Тушиныхъ. Гончаровъ не скрывалъ своихъ симпатій и даже прибѣгалъ къ лирическимъ отступленіямъ, чтобы излить свой восторгъ при видѣ того, какъ обломовщина и Штольцы заключали братскій союзъ. Ему грезились новые совершенные люди, выросшіе изъ этого союза,—люди, въ которыхъ сольются возвышенныя мечты Обломовыхъ и нѣмецкая дѣловитость Штольцевъ въ стройную гармонію. Какъ характерно въ этомъ отношеніи то мѣсто романа, гдѣ мать Штольца тоскуетъ о судьбѣ сына. Ей мерещился въ Андреѣ идеалъ барина, хотя бы и выскочки, изъ чернаго тѣла, сына бюргера, но все-таки сына русской дворянки, бѣленькаго, хорошо сложеннаго, похожаго на русскихъ барчуковъ. И она съ ужасомъ смотрѣла на копоть, грязь, глину и все, съ чѣмъ

прикоснулся съ дѣтства Андрюша по волѣ труженика-отца. Но автора не пугаетъ мысль о томъ, что изъ Штольца получится сухой работникъ съ прозаическимъ складомъ души. Это могло бы случиться въ Германіи, но не въ Россіи среди мечтательныхъ Обломовыхъ и верхлевскихъ князей. „Утѣшься, добрая мать: твой сынъ выросъ на русской почвѣ—не въ будничной толпѣ, съ бюргерскими коровьими рогами, съ руками, ворочающими жернова. Вблизи была Обломовка: тамъ вѣчный праздникъ! Тамъ сбываютъ съ плечъ работу, какъ иго. Тамъ баринъ не встаетъ съ зарей и не ходитъ по фабрикамъ около намазанныхъ саломъ и масломъ колесъ и пружинъ“. Иронія, звучащая въ этомъ лирическомъ обращеніи къ матери, не можетъ скрыть, однако, задушевной мысли автора о сліяніи предпринимательской дѣловитости и дворянскихъ традицій. Штольца воспитывалъ не только отецъ-бюргеръ, но и романтическія тѣни, наполнявшія пустой запертый домъ владѣльцевъ Верхлева, длинныя залы и галлереи, темные портреты на стѣнахъ, „рядъ благородно-безполезно въ нѣгѣ протекшихъ поколѣній, въ парчѣ, бархатѣ и кружевахъ...“.

Иванъ Александровичъ Гончаровъ родился 6-го іюня 1812 года. Впечатлѣнія ранняго дѣтства какъ нельзя болѣе характерны для творчества Гончарова. Онъ родился и росъ въ городѣ. Его родиной былъ Симбирскъ. И въ то же время его дѣтство протекало среди обстановки, удивительно напоминавшей усадебное приволье помѣщичьихъ домовъ. Его отецъ велъ крупную торговлю хлѣбомъ,—и въ воспоминаніяхъ Гончарова переплетаются картины дѣловой прозаической жизни и барскаго уюта. „Домъ у насъ былъ, что называется, полная чаша, какъ впрочемъ было почти у всѣхъ семейныхъ людей въ провинціи, не имѣвшихъ поблизости деревни. Большой дворъ, даже два двора, со мно-

гими постройками: людскими, конюшнями, хлѣвами, сараями, амбарами, птичникомъ и баней. Свои лошади, коровы, даже козы и бараны, куры и утки,—все это населяло оба двора. Амбары, погреба, ледники переполнены были запасами муки, разнаго пшена и всяческой провизіи для продовольствія нашей обширной дворни Слюнмъ, цѣлое имѣніе, деревня". Это была жизнь въ городѣ, жизнь болѣе кипучая, дѣловая, чѣмъ въ „дворянскихъ гнѣздахъ", но въ то же время жизнь, обставленная всѣмъ патріархальнымъ хозяйствомъ этихъ гнѣздъ. Отецъ Гончарова умеръ рано, когда будущему писателю было семь лѣтъ, и роль отца въ жизни Гончарова сыгралъ чужой человѣкъ, котораго въ своихъ воспоминаніяхъ онъ называетъ Якубовымъ. Онъ былъ крестнымъ отцомъ всѣхъ четырехъ дѣтей. Отставной морякъ, одинокій человѣкъ, Трегубовъ (настоящая фамилія Якубова) случайно познакомился съ Гончаровыми, привязался къ семьѣ, принялъ на себя заботы о воспитаніи дѣтей и, по словамъ Гончарова, „превосходилъ родного отца". Онъ баловалъ дѣтей, покупалъ имъ сласти, но и имѣлъ на нихъ серьезное вліяніе. Его разсказы о морскихъ кампаніяхъ, о чужихъ странахъ рано заронили мечты о путешествіяхъ въ душѣ будущаго автора „Фрегата Паллады". Неоцѣненны были его бесѣды о математической и физической географіи, астрономіи, вообще космогоніи, потомъ навигаціи. Онъ познакомилъ мальчика съ картой звѣзднаго неба, наглядно объяснялъ движеніе планетъ, вращеніе земли, чего не умѣли дѣлать школьные учителя. У него были нѣкоторые морскіе инструменты: телескопъ, хронометръ, а среди его книгъ оказались путешествія всѣхъ кругосвѣтныхъ плавателей, съ Кука до послѣднихъ временъ. Съ чувствомъ глубокаго уваженія вспоминалъ впослѣдствіи Гончаровъ и свою мать. Это была умная женщина, свободная

отъ сантиментальной любви къ дѣтямъ и потворства ихъ капризамъ. Она была взыскательна и „со строгой справедливостью распредѣляла поровну свою симпатію между всѣми четырьмя дѣтьми“. Изображая жизнь Трегубова, его пріятелей и всѣхъ окружающихъ, Гончаровъ говоритъ: „Мнѣ кажется, у меня, очень зоркаго и впечатлительнаго мальчика, уже тогда, при видѣ всѣхъ этихъ фигуръ, этого беззаботнаго житья-бытья, бездѣлья и лежанья и зародилось неясное представленіе объ „обломовщинѣ“. Когда впослѣдствіи Гончаровъ пріѣхалъ домой по окончаніи университетскаго курса, его обдало той же обломовщиной; самая наружность родного города не представляла ничего другого, кромѣ картины сна и застоя. Онъ пережилъ то, что переживали и Райскій, и младшій Адуевъ при возвращеніи въ родное гнѣздо. Его окружили тѣми же нѣжными заботами, тѣмъ же трогательнымъ мелочнымъ вниманіемъ. „Кромѣ семьи, старые слуги, съ нянькой во главѣ, смотрятъ въ глаза, припоминаютъ мои вкусы, привычки, гдѣ стоялъ мой письменный столъ, на какомъ креслѣ я всегда сидѣлъ, какъ постлать мнѣ постель. Поваръ припоминаетъ мои любимыя блюда“. Этими впечатлѣніями могли быть навѣяны картины, изображающія дѣтство Обломова или младшаго Адуева. Но были и другія впечатлѣнія, которыхъ не пережилъ ни Обломовъ, ни Адуевъ въ уютной обстановкѣ деревни. Шалости Илюши Обломова безнаказанно сходили ему съ рукъ, десятки людей бросались поднимать уроненную имъ вещь; страхъ и тревога овладѣвали всѣми, если мальчикъ исчезалъ. Наказаній, ограниченія своихъ прихотей Илюша не зналъ. Дранье за уши и стояньe на колѣняхъ въ домѣ Гончаровыхъ широко практиковалось въ качествѣ средства усмиренія и исправленія шалуновъ. Въ домѣ царила любовь, но не было барской распущенности и

развращающей лѣни. Здѣсь Гончаровъ могъ видѣть не только Обломовыхъ, но, повидимому, и тѣхъ людей, изъ которыхъ складывался образъ Штольца.

О первоначальномъ образованіи Гончарова мы знаемъ мало; его отдали въ пансіонъ, находившійся на другомъ берегу Волги, гдѣ учителями его были священникъ и жена священника, иностранка, учившая его французскому языку. Въ 1822 году мальчика отвезли учиться въ Москву въ коммерческое училище, по окончаніи котораго въ 1831 году онъ поступаетъ въ московскій университетъ. Воспоминанія Гончарова, относящіеся къ его университетскимъ годамъ, чрезвычайно любопытны. Они не только дополняютъ картину жизни въ московскомъ университетѣ въ замѣчательную эпоху 30-хъ годовъ, но даютъ богатый матеріалъ для характеристики самого Гончарова. Читая страницы этихъ воспоминаній, невольно спрашиваешь себя, гдѣ горячія рѣчи, вдохновенные споры, безсонныя ночи и воспаленные взоры студентовъ, рѣшающихъ вопросы бытія,— все то, что пережили Станкевичъ, Бѣлинскій и ихъ товарищи? Только изрѣдка, точно обмолвясь, упомянетъ о нихъ Гончаровъ. Въ общемъ же его университетскія воспоминанія—важное свидѣтельство того, что уже въ студенческіе годы онъ былъ умнымъ и разсудительнымъ юношей, который добросовѣстно и съ интересомъ относился къ лекціямъ профессоровъ, любилъ и цѣнилъ науку, хорошо держалъ экзамены, но никогда не горѣлъ тѣмъ пламенемъ, какимъ горѣли его сверстники. Его воспоминанія пересыпаны трезвыми, дѣловыми соображеніями умѣреннаго характера. Въ спорѣ между противниками и сторонниками классицизма онъ причисляетъ себя къ „умѣреннымъ борцамъ“, которые не подадутъ голоса „за совершенную отмѣну латинскаго и греческаго языка въ отношеніи лингвистики“. Такъ же дѣловито приходитъ онъ къ заключенію что „лекто-

ры новѣйшихъ языковъ изъ иностранцевъ почти не нужны въ университетѣ“ и подкрѣпляетъ эту мысль рядомъ вѣскихъ доводовъ. Весьма справедливо и благоразумно совѣтуетъ онъ молодежи не ограничиваться одними профессорскими лекціями и читать книги, потому что „профессорскія лекціи, какъ бы онѣ ни были полны, содержательны, исполнены любви къ знанію самого профессора, все-таки суть не что иное, какъ только программы, систематическіе, постепенные указатели, регулирующіе порядокъ пріобрѣтаемыхъ познаній“. Счастливѣйшимъ и лучшимъ годомъ университетской жизни онъ считаетъ 1832—1833 учебный годъ, потому что „юная толпа составляла собою маленькую ученую республику, надъ которой простиралось вѣчное ясное небо, безъ тучъ, безъ грозъ и безъ внутреннихъ потрясеній, безъ всякихъ исторій, кромѣ всеобщей и россійской, преподаваемыхъ съ каѳедръ“. И далѣе слѣдуетъ характерное для Гончарова признаніе: „Если же и бывали какія-нибудь исторіи, въ которыхъ замѣшаны бывшіе до насъ студенты, то мы тогда ничего объ этомъ не знали. Мы вступили на серьезный путь науки, и не только серьезно, искренно, но даже съ нѣкоторымъ педантизмомъ относились къ ней. Кромѣ нея въ стѣнахъ университета для насъ ничего не было. Дома всякій жилъ по-своему, дѣлалъ, что хотѣлъ, развлекался, какъ умѣлъ—все въ разбродъ, но въ университетъ мы ходили только учиться, не внося съ собою никакихъ другихъ заботъ и дѣлъ“. Если припомнить, что въ этомъ именно „счастливѣйшемъ“ 1832 году былъ исключенъ изъ московскаго университета Бѣлинскій, читавшій товарищамъ свою мятежную юную трагедію,—то благодушное настроеніе Гончарова явится особенно характернымъ. „Тучи и грозы“ не отсутствовали тогда въ университетѣ. Гончаровъ не замѣчалъ ихъ. Онъ не принесъ съ собою въ университетъ общественной злобы Бѣлин-

скаго и Герцена. Подобно Адуеву-старшему, онъ смотрѣлъ на вещи трезво, былъ умѣреннымъ и просвѣщеннымъ дѣльцомъ, не прочь былъ мягко высказаться противъ безполезнаго стѣсненія студенческой свободы, могъ вѣжливо отмѣтить недостатки нѣкоторыхъ профессоровъ, но въ общемъ извлекалъ изъ наличныхъ условій все полезное, что могъ извлечь, и великое сотрясеніе совѣсти, пережитое его сверстниками при видѣ крѣпостнической Россіи, было чуждо ему. Казалось ему, что въ университетѣ все было „патріархально и просто". И разставаясь впослѣдствіи съ воспоминаніями о своей alma mater, онъ, по обыкновенію, кончилъ свой разсказъ срединнымъ заключеніемъ о томъ, что въ этой патріархальности была своя хорошая и своя дурная сторона медали. „Хорошая—та, что студентъ, какъ сказано, не отвлекался ничѣмъ посторонним отъ своихъ прямыхъ занятій, что особенно было удобно въ московскихъ уголкахъ и затишьяхъ, отдаленныхъ отъ всякаго шума и суеты". Гегель и Сенъ-Симонъ не упоминаются въ его воспоминаніяхъ. Съ Лермонтовымъ, К. Аксаковымъ, Станкевичемъ и другими замѣчательными людьми, учившимися въ его время, онъ не былъ знакомъ.

Еще болѣе характерны воспоминанія о первыхъ шагахъ Гончарова на служебномъ поприщѣ. Его возвращеніе на родину, по окончаніи университета и впечатлѣнія, пережитыя въ родномъ городѣ, удивительно напоминаютъ исторію пребыванія Райскаго у бабушки. Въ книгѣ Е. Ляцкаго о Гончаровѣ находимъ многочисленныя параллели между отдѣльными моментами жизни Гончарова и героевъ его романовъ. Но, можетъ быть, на разу Гончаровъ не переносилъ въ романы свои собственныя впечатлѣнія такъ очевидно, какъ въ изображеніи губернскаго города въ „Обрывѣ". Изображая процессъ творчества Райскаго, Гончаровъ, кажется, рисо-

валъ процессъ своего собственнаго творчества. Можно подумать, что подобно Райскому, заносилъ онъ въ свои тетради фигуры, житейскія драмы и эпизоды, попадавшіеся ему на пути, и затѣмъ, создавая свои романы, вставлялъ въ нихъ эти матеріалы, выхваченные изъ живой дѣйствительности. Та же ласковая нѣжность встрѣтила его, что и Райскаго у бабушки, тѣ же провинціальные образы, почти тотъ же добродушный губернаторъ, объѣзжающій губернію, баринъ и хлѣбосолъ, тѣ же неизбѣжные визиты къ почетнымъ лицамъ, отъ которыхъ благодушно уклонялся Райскій, и столь же благодушно уклонялся Гончаровъ, и отъ которыхъ ни тому, ни другому уклониться не пришлось. Гончаровъ не хотѣлъ служить въ провинціи, но изъ уваженія къ губернатору, настаивавшему на этомъ, принялъ должность его секретаря, при чемъ, какъ самъ онъ полушутя сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, онъ прекрасно понималъ, что будетъ играть роль „подставного" секретаря, и что назначеніе его на эту должность понадобилось для какихъ-то не совсѣмъ понятныхъ ему, а можетъ быть, и не совсѣмъ чистыхъ чиновничьихъ комбинацій. Онъ былъ свидѣтелемъ взяточничества и произвола, царившаго среди провинціальной администраціи. Но ни одной ноты негодованія, или гражданскаго чувства, нѣтъ въ его воспоминаніяхъ. Напротивъ, порою онъ какъ бы переживаетъ удовольствіе художника, передавая слишкомъ анекдотическіе эпизоды о подвигахъ чиновниковъ въ этомъ отношеніи. Онъ весело проводилъ время, ставъ присяжнымъ кавалеромъ губернаторской дочки на балахъ, и исполняя свои служебныя обязанности, съ соблюденіемъ всего бюрократическаго ритуала, къ которому только позднѣе въ своихъ воспоминаніяхъ онъ позволилъ себѣ отнестись съ легкой ироніей. Когда его покровитель губернаторъ былъ уволенъ, Гончаровъ тоже вышелъ въ отставку, и о прощаніи съ чиновни-

ками канцеляріи онъ говорилъ: „Я пожалъ имъ первый и послѣдній разъ руки: они были уже не подъ ненные мнѣ“. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о том какъ легко и быстро юный бюрократъ, попавшій канцелярію, прямо со студенческой скамьи, усвоил бюрократическія традиціи: „Гончаровъ, замѣчаетъ Ля кій, шелъ въ данномъ случаѣ уже по проторенной ко лѣ; новаторство, даже самое невинное, не было въ е натурѣ, и потребовалась длинная вереница лѣтъ, что въ его бюрократическихъ понятіяхъ совершилась уступка новымъ вѣяніямъ, признакомъ которой явил слегка ироническій тонъ, въ воспоминаніяхъ о мол дыхъ годахъ своей жизни“.

Покинувъ вмѣстѣ съ губернаторомъ свой родн городъ, Гончаровъ въ 1835 году прибылъ въ Пете бургъ. Здѣсь онъ, благодаря связямъ, получилъ мѣсто п реводчика въ департаментѣ внѣшней торговли. Съ этог момента почти безъ перерыва тянется его однообразна бюрократическая карьера. Изъ переводчиковъ онъ пер ходитъ на должность столоначальника въ томъ же д партаментѣ. Въ этотъ служебный путь большое оживл ніе внесла только предпринятая имъ продолжительна поѣздка въ 1852 году, по предложенію министра наро наго просвѣщенія. Онъ отправился въ качествѣ секре таря на фрегатѣ „Паллада“ въ Японію и вернул обратно черезъ Сибирь. По возвращеніи въ 1856 году онъ получаетъ должность цензора, въ 1862 году назна чается редакторомъ „Сѣверной Почты“, газеты мини стерства внутреннихъ дѣлъ, въ слѣдующемъ году чл номъ совѣта этого министерства по дѣламъ печати. В качествѣ чиновника, Гончаровъ остался вѣренъ тѣм свойствамъ своего характера, которыя обнаружилис въ немъ еще на студенческой скамьѣ. Онъ былъ дѣл витымъ и добросовѣстнымъ чиновникомъ, серьезно трезво смотрѣлъ на дѣло. Не трудно, конечно, понять

что человѣкъ съ его умомъ не могъ увлекаться механической ролью винта петербургскаго бюрократическаго механизма. Но подобно старшему Адуеву, онъ уважалъ „дѣло“, какъ таковое и отдавалъ службѣ необходимую дань, тѣмъ болѣе, что прочное служебное положеніе обезпечивало ему извѣстный доступъ и независимость, благодаря которымъ онъ могъ предаваться любимой литературной дѣятельности. Въ щекотливую дѣятельность цензора, онъ вносилъ столько просвѣщеннаго либерализма, сколько позволяло его служебное положеніе, старался смягчать убійственное дѣйствіе цензуры, но въ предѣлахъ, отведенныхъ личной инціативѣ бюрократическими требованіями. Это не мѣшало ему быть строгимъ формалистомъ и держаться буквы цензурнаго устава. Онъ былъ осторожнымъ чиновникомъ, просвѣщенность и либерализмъ котораго едва ли проявлялись тамъ, гдѣ это могло быть сопряжено съ извѣстнымъ рискомъ для него. Въ 1873 году Гончаровъ вышелъ въ отставку, прослуживъ болѣе 40 лѣтъ. Его старость была окружена уваженіемъ къ его литературнымъ заслугамъ, что ярко сказалось въ 1883 году, во время празднованія его пятидесятилѣтняго юбилея. Онъ умеръ 15 сентября 1891 года и былъ похороненъ на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Въ лицѣ Гончарова исторія русской общественной мысли можетъ отмѣтить ярко выраженный ранній типъ представителя просвѣщенной и либеральной буржуазіи. Гончаровъ не только какъ носитель извѣстныхъ общественно-литературныхъ идей, но и какъ человѣкъ занимаетъ среднее мѣсто между романтически настроеннымъ барствомъ 40-хъ годовъ и новыми людьми, рѣзко заявившими о себѣ въ 60-хъ годахъ. Онъ не можетъ порвать съ этимъ барствомъ, съ его традиціями, даже съ его мечтательностью и романтизмомъ. Но въ то же время есть одинъ крупный недостатокъ у просвѣщеннаго барства, который

отталкиваетъ отъ него Гончарова. Этотъ недостатокъ—неспособность къ „дѣлу". Это—отсутствіе способности къ дѣлу, къ дѣйствію, къ труду. Гончаровъ никогда не становится вполнѣ на точку зрѣнія шестидесятника-разночинца, бросившаго идеалистамъ 40-хъ годовъ рѣзкій и даже грубый упрекъ за ихъ мечтательность и романтическую гуманность, непретворенныя въ дѣло. Но Гончаровъ часто приближается къ шестидесятникамъ въ своемъ настойчивомъ преслѣдованіи стараго барства за его инертность. Въ Обломовѣ онъ осудитъ это съ почти безпощадной рѣзкостью, къ Райскому онъ отнесется болѣе снисходительно, но и въ „Обрывѣ", изображая мечты его, онъ будетъ каждую минуту иронически преслѣдовать его напоминаніемъ о томъ, что эти мечты никогда не претворятся въ дѣло. Въ лицѣ Адуева онъ рисуетъ процессъ превращенія мечтателя въ дѣятеля. Но Гончаровъ не желаетъ исчезновенія этого идеализма, высокихъ помысловъ. Его иронія надъ мечтательнымъ бездѣліемъ не переходитъ далѣе извѣстныхъ предѣловъ. Онъ не хочетъ и чистаго дѣла, не хочетъ голаго матеріализма. Онъ—истинный представитель просвѣщенной буржуазіи, которая смотритъ на предпринимательство, какъ на культурную и важную общественную миссію, не допускаетъ циничной и наглой эксплоатаціи, какъ герои Островскаго, цѣнитъ науку и искусство, вноситъ, насколько это возможно, пріемы гуманнаго и просвѣщеннаго обращенія и въ бюрократическое дѣло и на фабрику; но въ то же время въ ней чувствуется уже та безпощадная суровость, которая, съ обостреніемъ промышленныхъ отношеній, окончательно станетъ на мѣсто барскаго благодушія. Въ старомъ барствѣ Гончарову непріятны бездѣлье, преувеличенный эстетизмъ, мечтательность, пренебреженіе къ факту; въ новыхъ людяхъ, матеріалистахъ и нигилистахъ, его отталкиваютъ грубость, отсутствіе всякой мечтатель-

юсти и эстетики, культъ голаго факта. Онъ ближе к первымъ, чѣмъ ко вторымъ. И когда борьба обостри лась, когда пришлось выбирать между Бережковыми и Волоховыми, онъ предпочелъ первыхъ и проклял вторыхъ. Гончаровъ не только написалъ прекрасны произведенія. Онъ одинъ изъ тѣхъ трезвыхъ и умныхъ пи сателей, которые составили превосходные комментарі къ своимъ произведеніямъ. Ни одинъ критикъ-обществен никъ не могъ бы такъ просто и ясно опредѣлить соціаль ную почву, изъ которой выросло творчество Гончарова какъ сдѣлалъ это онъ самъ: „Я не владѣлъ крестьянами не было у меня никакой деревни, земли; я не сѣялъ не собиралъ, даже не жилъ никогда по деревнямъ.. Я вѣкъ свой провелъ въ городахъ, больше всего в Москвѣ, гдѣ учился, потомъ въ губернскомъ городѣ на родинѣ, потомъ болѣе полувѣка живу въ Петербур гѣ, откуда отлучался нерѣдко на многіе мѣсяцы за гра ницу и года два провелъ въ кругосвѣтномъ плаваньи" („Слуги стараго вѣка"). Въ этихъ словахъ объясненіе культурно-историческаго значенія гончаровскаго твор чества. Оно—памятникъ того момента, когда просвѣ щенная мысль изъ барской усадьбы переходила въ го родъ, когда дворянство начинало уступать свое мѣсто буржуазіи.

Эстетическія воззрѣнія Гончарова вполнѣ гармо нируютъ съ общимъ складомъ его характера. Въ эпоху когда романтизмъ и матеріализмъ вступили въ рѣзкій конфликтъ, онъ стремился занять срединное положеніе предпочитая стать на сторону перваго въ тѣхъ случа яхъ, когда примиреніе было невозможно. Въ своей ав торской исповѣди: „Лучше поздно, чѣмъ никогда" онъ дѣлитъ художниковъ на двѣ категоріи: у однихъ пре обладаетъ умъ, у другихъ фантазія. Художникъ перва го типа работаетъ сознательно, если умъ его тонокъ наблюдателенъ и превозмогаетъ фантазію и сердце

Тогда идея нерѣдко высказывается помимо образа. И если талантъ не силенъ, она заслоняетъ образъ и является тенденціею. У такихъ сознательныхъ писателей умъ досказываетъ, чего не договариваетъ образъ—и ихъ созданія бываютъ нерѣдко сухи, блѣдны, неполны; они говорятъ уму читателя, мало говоря воображенію и чувству. Они убѣждаютъ, учатъ, увѣряютъ, такъ сказать, мало трогая. И наоборотъ—при избыткѣ фантазіи и при относительно меньшемъ противъ таланта—умѣ, образъ поглощаетъ въ себѣ значеніе, идею; картина говоритъ за себя и художникъ часто самъ увидитъ смыслъ, съ помощью тонкаго критическаго истолкователя, какими, наприм., были Бѣлинскій и Добролюбовъ. Самъ Гончаровъ, повидимому, не склоненъ причислить себя къ художникамъ первой категоріи. Онъ говоритъ о себѣ, что увлекается больше всего „своей способностью рисовать". Въ другомъ мѣстѣ исповѣди онъ еще болѣе рѣзко выступаетъ въ защиту фантазіи и возстаетъ противъ тенденціи, противъ ума въ искусствѣ, противъ „идеи, заслоняющей образъ". Онъ въ такихъ словахъ опредѣляетъ проповѣдь „ультра-реалистовъ": „Намъ до той или другой жизни дѣла нѣтъ: —все въ искусствѣ должно служить дѣлу, моменту, „злобѣ дня". Но вѣдь этакъ,—замѣчаетъ Гончаровъ,— пришлось бы ограничить жизнь суетливымъ перебѣганьемъ отъ одной дневной заботы къ другой. Куда же дѣвать всѣ другія безчисленныя, и мрачныя, и свѣтлыя стороны жизни, картины не однихъ политическихъ, соціальныхъ, но и общечеловѣческихъ, разнороднѣйшихъ страстей, интересовъ, суетъ, волненій и горячекъ, скорбей и радостей. „Нѣтъ—будемъ держать школы старыхъ учителей и итти проложеннымъ ими путемъ, не отказываясь, конечно, отъ истинныхъ, законныхъ развитій, новыхъ шаговъ въ искусствѣ, хоть бы отъ того же самаго реализма, когда эти шаги не бу-

дутъ pas des géants, и когда онъ откажется отъ претензіи колебать основные законы искусства!"

Таково срединное положеніе, занятое Гончаровымъ въ столкновеніи между реалистами и романтиками. Онъ, какъ и во всемъ, только врагъ крайностей, не прочь признать нѣкоторыя достоинства за „новой правдой", но въ общемъ предпочитаетъ старую правду. Гончаровъ причисляетъ себя къ писателямъ фантазіи, къ врагамъ тенденціи. Между тѣмъ, ему не удалось удержаться на этой позиціи. Онъ не только иногда занятъ „суетливымъ перебѣганьемъ отъ одной дневной заботы къ другой", онъ, самъ того не замѣчая, сознается, что служитъ искусствомъ „злобѣ дня" и что идея у него нерѣдко „заслоняетъ образъ". Объясняя, почему онъ нѣмца (Штольца), а не русскаго поставилъ „въ противоположность Обломову", Гончаровъ замѣчаетъ, что, „изображая лѣнь и апатію во всей ея широтѣ и закоренѣлости, какъ стихійную русскую черту, и только одно это", онъ, выставивъ рядомъ русскаго же, какъ образецъ энергіи, знанія и труда, „впалъ бы въ нѣкоторое противорѣчіе съ самимъ собою, т.-е. съ своей *задачей*—изображать застой, сонъ, неподвижность". Это любопытное признаніе свидѣтельствуетъ о томъ, что Гончаровъ умѣлъ заслонять образъ идеей; онъ зналъ, что Штольцъ „слабъ, блѣденъ, что изъ него слишкомъ голо выглядываетъ идея". А что онъ умѣлъ сознательно искусствомъ служить злобѣ дня, видно изъ его комментарія къ „Обыкновенной исторіи": въ столкновеніи дяди и племянника выразился „намекъ на мотивъ, который едва только началъ разыгрываться въ самомъ бойкомъ центрѣ—въ Петербургѣ; мотивъ этотъ—слабое мерцаніе сознанія необходимости труда, настоящаго, нерутиннаго, а живого дѣла, въ борьбѣ съ всероссійскимъ застоемъ". Его авторская исповѣдь, да и самые романы, пересыпанные комментаріями автора,

свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ умѣлъ писать по плану, идея далеко не отсутствовала въ его замыслахъ, а умъ вовсе не легко уступалъ мѣсто сердцу и фантазіи.

Литературная дѣятельность Гончарова началась рано. Какъ мы знаемъ уже изъ біографіи Майкова, онъ принималъ участіе въ домашнихъ журналахъ, издававшихся въ семьѣ Майковыхъ. Для домашняго журнала „Лунныя ночи“ въ 1839 году онъ написалъ повѣсть „Счастливая ошибка“. Въ 1847 году въ „Современникѣ“ появилась его „Обыкновенная исторія“. Черезъ годъ въ томъ же журналѣ онъ напечаталъ разсказъ „Иванъ Саввичъ Поджабринъ“. Еще черезъ годъ появился „Сонъ Обломова“, отрывокъ изъ будущаго романа, обезсмертившаго имя Гончарова. Этотъ романъ Гончаровъ долго вынашивалъ, оставлялъ и вновь принимался за него, тѣмъ болѣе, что съ 1849 года его начинаетъ занимать новый романъ „Обрывъ“, когда онъ послѣ 14-лѣтняго отсутствія снова пріѣхалъ къ роднымъ на Волгу. Старыя воспоминанія нахлынули на него и мѣшали кончить „Обломова“, „котораго была написана первая часть, а остальныя гнѣздились въ головѣ“. Какъ мы уже упоминали, 1852—1854 гг. Гончаровъ провелъ въ кругосвѣтномъ плаваніи. Письма, въ которыхъ онъ сообщалъ свои дорожныя впечатлѣнія, печатались въ различныхъ журналахъ, а въ 1858 году, вышли отдѣльной книгой: „Фрегатъ-Паллада“, и только въ слѣдующемъ 1859 году, черезъ десять лѣтъ послѣ появленія отрывка „Сонъ Обломова“, появился въ печати цѣликомъ „Обломовъ“. Еще дольше вынашивалъ Гончаровъ „Обрывъ“, задуманный въ 1849 году и появившійся только въ 1869 году въ „Вѣстникѣ Европы“. Эти три романа составляютъ главное литературное богатство, оставленное Гончаровымъ. Послѣ „Обрыва“ онъ не писалъ уже крупныхъ вещей, и въ

появлявшихся время отъ времени статьяхъ онъ стремился подвести итоги своей жизни и своему творчеству, или отзывался на то или другое, большей частью литературное событіе. Такъ въ 1872 году онъ напечаталъ интересную статью „Милліонъ терзаній“, по поводу „Горя отъ ума“.—статью, которая до сихъ поръ считается одной изъ лучшихъ статей о грибоѣдовской піесѣ. Въ 1874 году появляется его статья о Бѣлинскомъ, затѣмъ—„Литературный вечеръ“, гдѣ онъ излагаетъ свои взгляды на искусство, а въ 1881 году—его авторская исповѣдь „Лучше поздно, чѣмъ никогда“, представляющая собою важнѣйшій документъ для оцѣнки воззрѣній и творчества Гончарова. Не менѣе важное значеніе въ этомъ отношеніи принадлежитъ его „Университетскимъ воспоминаніямъ“ и воспоминаніямъ о службѣ въ Симбирскѣ, подъ заглавіемъ „На родинѣ“, которыя были написаны въ 70-хъ гг., но появились въ 1887—1888 гг. Художественную литературу послѣ „Обрыва“ Гончаровъ оставилъ, и только въ концѣ жизни напечаталъ нѣсколько эскизовъ, подъ заглавіемъ „Слуги стараго вѣка“.

Гончаровъ не можетъ быть причисленъ къ числу объективныхъ писателей въ томъ смыслѣ, будто онъ писалъ безъ предвзятой идеи, будто онъ служилъ чистому искусству. Онъ былъ писателемъ-общественникомъ; и какъ ни старается онъ занять срединное положеніе въ борьбѣ между чистымъ и тенденціознымъ искусствомъ, какъ ни склоненъ онъ въ острые моменты борьбы стать на сторону перваго, въ дѣйствительности онъ тенденціозенъ, если подъ тенденціознымъ писателемъ разумѣть не проповѣдника и агитатора, а писателя, который смотритъ на развертывающіяся передъ нимъ событія, подъ опредѣленнымъ угломъ зрѣнія, сознательно освѣщаетъ ихъ подъ этимъ угломъ, задается опредѣленной цѣлью. Вотъ почему, приступая къ ана-

лизу его романовъ, слѣдуетъ вспомнить его собственныя слова: „Я упомянулъ выше, что вижу не три романа, а одинъ. Всѣ они связаны одною общею нитью, одною послѣдовательною идеею—перехода отъ одной эпохи русской жизни, которую я переживалъ, къ другой—и отраженіемъ ихъ явленій въ моихъ изображеніяхъ, портретахъ, сценахъ, мелкихъ явленіяхъ и т. д.". Рѣдкій писатель такъ хорошо объяснилъ себя самъ, какъ Гончаровъ. Писатели, по его собственному мнѣнію, плохіе критики своихъ произведеній. Но, если это вѣрно, то Гончаровъ былъ блестящимъ исключеніемъ.

Что представляетъ собою „Обыкновенная исторія"? Это—воплощеніе того общественнаго перелома, который совершался на глазахъ Гончарова. Это—прежде всего столкновеніе деревни и города, конфликтъ между идеологіей, выросшей въ усадебной обстановкѣ, и новой прозаической идеологіей, развивавшейся на почвѣ отношеній большого города. Во-вторыхъ, это—столкновеніе между романтизмомъ и реализмомъ, между умомъ и сердцемъ, дѣломъ и бездѣльемъ. Далѣе, это—побѣда города надъ деревней, торжество буржуазной идеологіи надъ дворянской. И, наконецъ, это—не полное торжество и не окончательная побѣда: племянникъ, правда, разбитъ на-голову и идетъ по стопамъ дяди, но дядя не имѣетъ вида торжествующаго побѣдителя; грустное сомнѣніе въ своей правотѣ проникаетъ въ его душу, и послѣдній его шагъ свидѣтельствуетъ о томъ, что не вся правда на его сторонѣ. Точно все сшито бѣлыми нитками, точно не художественное произведеніе, а изслѣдованіе о соотношеніи отдѣльныхъ группъ въ моментъ извѣстнаго соціальнаго перелома. Да и самъ Гончаровъ не скрываетъ своего замысла и, словно критикъ марксистскаго направленія, устанавливаетъ тѣ соціальныя ячейки, которыя онъ нашелъ въ современ-

номъ обществѣ и рѣшилъ обрисовать въ своемъ романѣ. Онъ указываетъ, что дядя—покровитель новаго начала, сознанія необходимости труда. „Онъ достигъ значительнаго положенія въ службѣ, онъ директоръ, тайный совѣтникъ, и, кромѣ того, онъ сдѣлался и заводчикомъ. Тогда, отъ 20-хъ до 40-хъ годовъ,—это была смѣлая новизна, чуть не униженіе (я не говорю о заводчикахъ-барахъ, у которыхъ заводы и фабрики входили въ число родовыхъ имѣній, были оброчныя статьи и которыми они сами не занимались). Тайные совѣтники мало рѣшались на это. Чинъ не позволялъ, а званіе купца не было лестно".

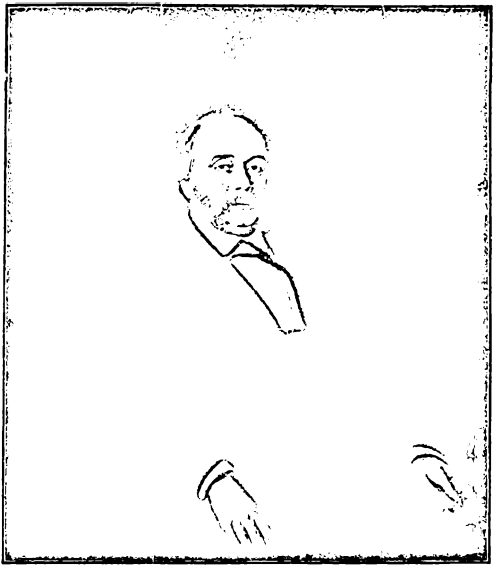
Фабула романа не сложна. Изъ провинціальной уютной обстановки Александръ Адуевъ попадаетъ въ Петербургъ, гдѣ сталкивается съ своимъ дядей Петромъ Адуевымъ, дѣльцомъ и виднымъ чиновникомъ. Дядя издѣвается надъ сантиментальными чувствами племянника, привезенными изъ деревни, безпощадно разбиваетъ его романтическія иллюзіи и помогаетъ ему выйти въ люди и пойти по своимъ стопамъ. Эта ломка не обходится для молодого Адуева безъ глубокихъ душевныхъ потрясеній. Онъ переживаетъ два романа. Въ первый разъ его бросаетъ любимая дѣвушка, во второй онъ самъ покидаетъ свою возлюбленную, онъ доходитъ до полнаго отчаянья, но въ концѣ-концовъ находитъ выходъ въ томъ, что идетъ по стопамъ дяди. И романъ заканчивается въ тотъ моментъ, когда онъ женится на богатой дѣвушкѣ и счастливо начинаетъ свою служебную карьеру, отрекшись отъ юношескихъ иллюзій.

Адуевы почти не нуждаются въ истолкованіи. Они такъ стараются сами себя объяснить и авторъ такъ охотно помогаетъ имъ въ этомъ, что нѣтъ надобности въ ихъ поступкахъ искать объясненія ихъ характеровъ. Ихъ міросозерцаніе ясно опредѣляется ихъ отноше-

ніемъ къ морали, къ любви, къ дружбѣ, къ фантазіи и долгу, и это отношеніе выясняется не въ дѣйствіяхъ ихъ, а въ опредѣленіяхъ, которыя они даютъ всѣмъ этимъ понятіямъ. Петръ Ивановичъ Адуевъ двадцати лѣтъ былъ отправленъ въ Петербургъ старшимъ своимъ братомъ. Гончаровъ опускаетъ, быть можетъ, наиболѣе интересный періодъ его жизни, тотъ періодъ, въ теченіе котораго юноша превратился въ крупнаго и богатаго бюрократа. Главная сторона его ума заключается въ томъ, что этотъ умъ не ищетъ смысла жизни, не задумывается надъ конечными цѣлями бытія. Онъ довольствуется ближайшими задачами. Жизнь для него процессъ, начало и конецъ котораго скрыты отъ насъ. Искать ихъ, это—пустая трата времени. Мы участвуемъ только въ движеніи ближайшаго момента, и должны дѣлать дѣло, за которымъ очутились по волѣ судьбы, не пытаясь дознаться, какое отношеніе существуетъ между этимъ дѣломъ и общимъ смысломъ бытія. И никто, лучше его самого, не опредѣлилъ въ немъ этой черты. „Онъ не ангелъ и не демонъ. Онъ думаетъ и чувствуетъ по-земному, полагаетъ, что если мы живемъ на землѣ, тамъ и не надо улетать съ нея на небо, гдѣ насъ теперь пока не спрашиваютъ, а заниматься человѣческими дѣлами, къ которымъ мы призваны. Оттого онъ вникаетъ во всѣ земныя дѣла и, между прочимъ, въ жизнь, какъ она есть, а не какъ бы намъ ея хотѣлось" Вотъ тотъ новый взглядъ, который просвѣщенная буржуазія противопоставила романтизму 40-хъ годовъ. Тамъ все, всякій душевный порывъ, всякій шагъ относили къ цѣлому, тамъ эти частныя явленія разсматривались какъ земное отраженіе Абсолютной идеи. Адуевъ не относитъ частнаго къ общему и міровому. Онъ цѣнитъ его и уважаетъ, какъ фактъ, уважаетъ уже за одно то, что оно существуетъ. Отсюда вытекала и его практическая житейская философія. Это—философія присно-

собленія къ явленіямъ дѣйствительности. Борьба противъ этихъ явленій во имя отвлеченныхъ идеаловъ и сверхчувственныхъ стремленій представляется ему нелѣпостью. Участіе въ „дѣлѣ“ безъ критики, приспособленіе къ нему безъ разсужденій есть лучшее разрѣшеніе вопроса о нашемъ и общественномъ счастьи: общество нуждается въ насъ, поэтому, занимаясь, мы одновременно служимъ обществу, но не забываемъ и себя: „дѣло доставляетъ деньги, а деньги—комфортъ“, который Петръ Ивановичъ очень любитъ. Такъ же просты и матеріальны его взгляды на любовь, бракъ и дружбу. Страсть, пламенные восторги, это—дѣйствіе электричества, влюбленные все равно, что всѣ лейденскія банки: оба заряжены. Эта любовь ему представляется дикой животной любовью. „Разумная любовь должна помнить, въ противномъ случаѣ это не любовь“. Вообще, онъ рекомендуетъ племяннику смотрѣть на любовь, какъ на развлеченіе и отнюдь не смѣшивать ее съ бракомъ. Любовь упала не съ неба. Какъ и все на землѣ, она не есть отраженіе чего-то надземнаго, а „создана вмѣстѣ съ людьми и для людей“. Жениться на той, въ кого влюбленъ,—глупо. Супружество супружествомъ, а любовь любовью. Жениться нужно не по разсчету, а съ разсчетомъ. Только этотъ разсчетъ долженъ состоять не въ однѣхъ деньгахъ. Спрашивается для чего же тогда вообще нуженъ бракъ? И на этотъ вопросъ онъ даетъ тотъ же матеріалистическій отвѣтъ. Нужно все, что удовлетворяетъ ту или другую существующую потребность. Если потребность имѣется на лицо, то первый вопросъ долженъ заключаться въ томъ, какъ ее удовлетворить, а не въ томъ, хороша ли она или дурна, гармонируетъ ли она или стоитъ въ противорѣчіи съ высшими цѣлями бытія. „Мужчина,—говоритъ онъ,—такъ созданъ, чтобы жить въ обществѣ женщины“—вотъ и все, никакія оцѣнки болѣе сложнаго и высокаго

характера ему недоступны. Вотъ почему и разсчетъ въ бракѣ долженъ заключаться въ томъ, чтобы эта потребность „жить въ обществѣ женщины“ была обезпечена наилучшимъ образомъ. „Любовь,—говоритъ онъ племяннику,—пройдетъ,и тогда женщина,которая казалась тебѣ идеаломъ совершенства, можетъ быть, покажется очень несовершенною, а дѣлать будетъ нечего. Любовь заслонитъ отъ тебя недостатокъ качествъ, нужныхъ для жены. Тогда-какъ, выбирая, ты хладнокровно разсудишь, имѣетъ ли такая-то или такая женщина качества, какія хочешь видѣть въ женѣ! Вотъ въ чемъ главный разсчетъ. И если отыщешь такую женщину, она непремѣнно должна нравиться тебѣ постоянно, потому что отвѣчаетъ твоимъ желаніямъ“. Такъ возникнутъ „близкія отношенія“, которыя потомъ образуютъ привычку. Результатомъ же „привычки и частыхъ сношеній“ является дружба. Въ разлукѣ и любовь и дружба исчезаютъ. Вѣчной любви и дружбы не существуетъ. Этимъ же матеріалистическимъ міросозерцаніемъ опредѣляется и взглядъ Адуева-дяди на славу, поэзію, фантазію и т. д. Все это его интересуетъ постольку, поскольку оно обезпечиваетъ возможно полное удовлетвореніе потребностей. Онъ не любитъ всѣхъ этихъ романтическихъ понятій, поскольку они мѣшаютъ настоящему серьезному дѣлу. Онъ очень доволенъ, что прежде отношеніе къ поэту, какъ къ чему-то высшему, смѣнилось дѣловымъ отношеніемъ. Теперь есть извѣстность, а славы что-то не слыхать, или она придумала другой способъ проявляться: кто лучше пишетъ, тому больше денегъ; кто хуже—не прогнѣвайся. „За то нынче порядочный писатель и живетъ порядочно, не мерзнетъ и не умираетъ съ голоду на чердакѣ, хоть за нимъ и не бѣгаютъ по улицамъ и не указываютъ на него пальцами, какъ на шута; поняли, что поэтъ не небожитель, а человѣкъ: такъ же глядитъ, ходитъ, думаетъ и дѣлаетъ глупости, какъ дру-



И. А. ГОНЧАРОВЪ.

гіе". Правда, у старшаго Адуева есть свои правила. Онъ заранѣе предупреждаетъ племянника, чтобы тотъ не просилъ у него денегъ, но въ случаѣ крайней необходимости готовъ ему помочь. При первомъ извѣстіи о пріѣздѣ Александра онъ просто рѣшилъ отдѣлаться отъ него, но, затѣмъ принявъ въ соображеніе всѣ обстоятельства дѣла, онъ разсчиталъ, что, пожалуй, придется отвѣчать передъ своей совѣстью, и беретъ племянника подъ свое покровительство. Онъ джентльмэнъ по отношенію къ своей женѣ и готовъ многимъ пожертвовать для ея удобства, спокойствія и счастья. Онъ по-своему любитъ племянника. Онъ знаетъ наизусть не одного Пушкина. Онъ читаетъ на двухъ языкахъ все, что выходитъ замѣчательнаго по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній, любитъ искусства, имѣетъ прекрасную коллекцію картинъ фламандской школы, часто бываетъ въ театрѣ и т. д. Но всѣ эти кажущіяся отступленія въ сторону безкорыстнаго чувства и эстетики не нарушаютъ стройности его матеріалистическаго и дѣлового міровоззрѣнія. Основа этого міровоззрѣнія—потребности его и людей его круга. Онѣ существуютъ, и этого достаточно; онѣ—фактъ, не подлежащій критикѣ; всѣ его дѣйствія направлены къ удовлетворенію ихъ; всѣ его идеи есть и обоснованіе, и оправданіе путей, ведущихъ къ ихъ удовлетворенію.

На противоположной точкѣ зрѣнія стоитъ младшій Адуевъ. Онъ—типичное дитя усадебной обстановки, барской праздности и патріархальной нѣги. Но онъ живетъ въ эпоху сотрясенія этого быта. Онъ мечется и ищетъ выхода не меньше Рудина и Лаврецкаго. Онъ живетъ въ эпоху, когда началось бѣгство баръ изъ деревни. Жизнь съ пеленокъ улыбалась ему; мать его баловала и лелѣяла; нянька пѣла ему, что онъ будетъ ходить въ золотѣ; профессора твердили, что онъ пойдетъ далеко, а по возвращеніи его домой ему улыбнулась дочь сосѣдки. О горѣ,

слезахъ, бѣдствіяхъ онъ зналъ только по слуху, какъ знаютъ о какой-нибудь заразѣ, которая не обнаружилась, но гдѣ-то глухо таится въ народѣ. Но прошли времена, когда барчуки росли въ деревнѣ, въ безпечномъ покоѣ, ѣли, пили, толстѣли и женились. „Посмотри-ка,—говорила ему мать,—какой красотой одѣлъ Богъ наши поля". Она перечисляетъ ему всѣ блага этого уголка. И тѣмъ не менѣе онъ хочетъ „бѣжать отъ этой благодати". Онъ видѣлъ гдѣ-то вдали обольстительные призраки. Правда, онъ не могъ разглядѣть ихъ, но его тянуло вонъ изъ деревни. Ему скоро тѣсенъ стали домашній міръ. Природу, ласки матери, благословеніе няньки и всей дворни, мягкую постель, вкусныя щеки и мурлыканье Васьки,—всѣ эти блага онъ всецѣло измѣнялъ на неизвѣстное, полное увлекательной и таинственной прелести. Даже любовь Софьи,—первая, нѣжная и розовая любовь не удерживала его. Что ему эта любовь? Онъ мечталъ о колоссальной страсти, которая не знаетъ никакихъ преградъ и совершаетъ громкіе подвиги. Онъ любилъ Софью пока маленькой любовью, въ ожиданіи большой. Мечталъ онъ и о пользѣ, которую принесетъ отечеству. Онъ прилежно и многому учился. Въ аттестатѣ его сказано было, что онъ знаетъ съ дюжину наукъ да съ полдюжины древнихъ и новыхъ языковъ. Всего же болѣе онъ мечталъ о славѣ писателя. Стихи его удивляли товарищей. Передъ нимъ разстилалось множество путей, и одинъ казался лучше другого.

Эти свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ, чрезвычайно любопытны. Настроеніе Адуева сходится въ одномъ пунктѣ съ настроеніями Рудиныхъ, Бельтовыхъ и тысячъ другихъ: хотѣлось дѣла, большого и захватывающаго, и для этого дѣла не было больше мѣста въ деревнѣ. И тоска, и разочарованіе Александра Адуева такъ сходны съ тоской всѣхъ этихъ лишнихъ людей, убѣдившихся въ томъ, что дѣло—не мечта, не поэзія, а

проза и притомъ проза скучная и суровая. Въ одномъ только разница: конецъ другой. Адуевъ нашелъ его не въ безцѣльной смерти, какъ Рудинъ, и не въ преждевременной духовной смерти, какъ Лаврецкій, а въ сліяніи съ восходящей силой и съ ея міропониманіемъ. Прежде чѣмъ перейти къ этому новому міровоззрѣнію, Адуевъ-младшій долго боролся съ дядей. Его взгляды были отрицаніемъ всѣхъ воззрѣній этого послѣдняго. Для дяди жизнь есть просто жизнь, раздѣляющаяся „поровну“ на добро и зло, на удовольствіе, удачу, здоровье, покой, потомъ на неудовольствіе, неудачу, безпокойство, болѣзни и пр. Для племянника основной вопросъ заключается въ выясненіи конечной цѣли бытія. Онъ не можетъ помириться съ мыслью, что начало и конецъ процесса жизни скрыты отъ насъ. Ему нужно знать „зачѣмъ мы созданы?“, „къ чему стремимся?“, тогда какъ дядя считаетъ эти вопросы праздными, помѣхой настоящему дѣлу. Для Адуева-младшаго всѣ видимыя явленія—отраженіе высшей цѣли. Вотъ почему онъ вѣритъ, въ противоположность дядюшкѣ, что поэтъ именно небожитель, а не просто человѣкъ, что „онъ заклейменъ особенной печатью: въ немъ таится присутствіе высшей силы“, что искусство не ремесло, а путь, приближающій человѣка къ небу. Въ его глазахъ любовь и дружба—„священныя чувства, упавшія какъ-будто нечаянно съ неба въ земную грязь“, и т. д.

„Обыкновенная исторія“—не только столкновеніе идеалистическаго міропониманія, родившагося подъ сѣнью усадебной праздности, съ матеріалистическими позитивными взглядами, которыя должна была выдвинуть выступавшая на сцену буржуазія. Это, какъ мы указали,—картина ранняго столкновенія города и деревни, почти символическая картина процесса поглощенія деревни городомъ. Это — первый тревожный крикъ при видѣ торжествующей городской культуры,

при видѣ бездушныхъ каменныхъ громадъ, пришедшихъ на смѣну деревенскому приволью. Карлейль, Диккенсъ и другіе поэты Запада видѣли въ торжествѣ города какъ бы воплощеніе механическихъ формъ жизни. Городъ это—живой образъ нивеллирующей силы промышленнаго строя жизни, уничтожающаго разночарювъ едва ли не первый въ русской литературѣ изобразилъ большой городъ съ этой стороны. Онъ мастербразилъ большой городъ съ этой стороны. Онъ мастерски передаетъ первыя впечатлѣнія Александра въ столицѣ. На него наводили тоску эти „однообразныя каменныя громады, которыя какъ колоссальныя гробницы, сплошною массою тянутся одна за другою". Вотъ кончается улица, сейчасъ будетъ приволье, глазамъ,—думалъ онъ,—или горка, или зелень, или развалившійся заборъ,—нѣтъ, опять начинается та же каменная ограда одинакихъ домовъ, съ четырьмя рядами оконъ. И эта улица кончилась, ее преграждаетъ опять то же, а тамъ новый порядокъ такихъ же домовъ. Заглянешь направо, налѣво—всюду обступили васъ, какъ рать исполиновъ, дома, дома и дома, камень и камень, все одно да одно... нѣтъ простора и выхода взгляду: заперты со всѣхъ сторонъ,—кажется, и мысли и чувства людскія тоже заперты...

Авторъ объективенъ и субъективенъ одновременно. Его объективность сказалась въ спокойствіи и добросовѣстности, съ которыми онъ изобразилъ начало одного изъ любопытнѣйшихъ моментовъ въ исторіи русской общественности. Его субъективность проглядываетъ сквозь безпристрастіе бытописателя: онъ сумѣлъ примириться съ мѣщанствомъ, съ которымъ не могли примириться Тургеневъ и Герценъ. Онъ охотно идетъ на выучку къ этому буржуазному міровоззрѣнію. Онъ привѣтствуетъ адуевщину, какъ настоящую жизнь, и если онъ не дошелъ до того, чтобы прямо преклониться пе-

редъ идеалами Адуева-дяди, то несомнѣнно, они представляются ему чѣмъ-то высшимъ по сравненію съ мечтами и идеалами племянника. Правда, Гончаровъ тѣсно связанъ съ усадебной Россіей, ему не легко разстаться съ ея вѣковыми представленіями. Онъ чувствуетъ, что было какое-то „но“ въ ученіи старшаго Адуева. Въ концѣ романа онъ заставляетъ его сказать: „Полно жить этой деревянной жизнью!“, заставляетъ его выйти въ отставку и продать заводъ, приносящій сорокъ тысячъ чистаго барыша. Когда племянникъ приходитъ къ нему съ извѣстіемъ о богатой партіи и карьерѣ, какая-то грустная нотка звучитъ въ поздравленіяхъ дяди: „Я сказалъ бы тебѣ: продолжай во всемъ итти по моимъ слѣдамъ, только...“ Это „только“, на которомъ обрывается рѣчь старшаго Адуева, тоже своего рода символъ. Это—зловѣщее предчувствіе, тревожное опасеніе, что не все гармонично и ясно въ той мѣщанской философіи, которую приносили въ даръ русскому обществу владѣльцы огромныхъ заводовъ, разрушая старый крѣпостническій укладъ жизни. Но что значили эти безпокойныя ноты среди ликованія людей инициативы и капитала! Дядино „только“ не могло нарушить шумныхъ привѣтствій, которыми все кругомъ встрѣчало новую карьеру, будущаго обладателя чиновъ и заводовъ. Да еще тетя Лизавета Александровна съ грустью промолвила, обращаясь къ новому любимцу счастья: „Тамъ вы поняли, растолковали себѣ жизнь; тамъ вы были прекрасны, умны, благородны... Зачѣмъ не остались такими?“ Не помирится и Ольга въ „Обломовѣ“ съ мѣщанской правдой Штольца. И долго еще русская женщина будетъ врываться съ своей возвышенной тоской въ міръ торжествующаго мѣщанства и прерывать его ликованія своими „зачѣмъ?“.

„Обломовъ“—величайшее изъ произведеній Гончарова. Въ сущности общественная коллизія, нарисован-

ная въ немъ, представляетъ собою болѣе глубокую и яркую картину того же процесса, который воплощенъ въ „Обыкновенной исторіи“ и къ которому Гончаревъ снова вернется въ своемъ „Обрывѣ“. Не трудно видѣть, что Обломовъ во многомъ напоминаетъ Адуева-младшаго, Штольцъ—Адуева-дядю, что столкновеніе Обломова и Штольца есть новая варіація на тему столкновенія обоихъ Адуевыхъ. Не трудно также видѣть, что авторъ во многомъ остался прежнимъ въ своемъ отношеніи къ обоимъ типамъ: вырождающимся отпрыскамъ праздныхъ поколѣній и новымъ бодрымъ представителямъ капитала, идущимъ имъ на смѣну. Но есть и глубокое различіе между обоими романами. Роману выпало на долю стать завершающимъ воплощеніемъ перваго типа. Длинная вереница образовъ, изображавшая процессъ зарожденія и развитія типа „лишняго человѣка“, закончилась Обломовымъ. Потускнѣлъ романтическій ореолъ, окружавшій этотъ образъ. Не только Онѣгины, Бельтовы, Рудины, Лаврецкіе, но еще младшій Адуевъ казался привлекательнымъ героемъ, и въ его спорахъ съ дядей часто симпатія автора на его сторонѣ, и его наивная мечта кажется чѣмъ-то болѣе значительнымъ, чѣмъ матеріальная правда дяди. И развязка романа какъ-будто говоритъ, что вмѣстѣ съ крушеніемъ стараго быта и его воззрѣній обществу утрачиваетъ и нѣчто важное, нужное. Обломовъ лишенъ этого послѣдняго налета очарованія. Общественная ничтожность его выставлена во всей своей потрясающей наготѣ. Если въ концѣ романа чувствуется, что авторъ какъ-будто и не вполнѣ вѣритъ въ совершенство Штольцевъ и ихъ правды, то зато скорби о сметри обломовщины уже нѣтъ. Если въ дѣлечествѣ и не кроется полное спасеніе, то въ Обломовыхъ нѣтъ никакого спасенія. Въ этомъ болѣе суровомъ отношеніи автора къ Обломову и заключается первое важное отличіе новаго романа отъ „Обык-

новенной исторіи". Дѣлецъ, чиновникъ, дитя симбирскаго торговаго міра, Гончаровъ сказался здѣсь вполнѣ. Рудинъ, это—„лишній человѣкъ" передъ мягкимъ судомъ своего же брата-дворянина. Обломовъ—„лишній человѣкъ" передъ безпощаднымъ судомъ промышленника. Недаромъ Рудину противопоставленъ только Лежневъ, а Обломову—уже Штольцъ.

Есть и другое важное различіе между Обломовымъ и его предшественниками. Въ немъ впервые ярко устанавливается реальная и общественная точка зрѣнія на происхожденіе обломовщины, на причины великаго зла. Противопоставивъ праздному барству дѣловую буржуазію, Гончаровъ подошелъ къ соціальному конфликту съ точки зрѣнія буржуазной идеологіи. „Триста Захаровъ"—вотъ основная причина, породившая обломовщину. Рудины и Лаврецкіе оплакивали свою ненужность, они искали причины своихъ страданій въ недостаткахъ своей личности или сваливали вину на окружающую ихъ среду. Никому изъ нихъ не пришло въ голову, что вся суть—въ томъ правѣ на праздность, которое обезпечивалось существованіемъ даровогo крестьянскаго труда. Да и авторъ не догадался просто и ясно указать на этотъ единственный реальный источникъ зла. Вмѣстѣ съ своими героями онъ погружался въ ихъ душу, трогательными и нѣжными красками рисовалъ ихъ любовныя страданія. Онъ самъ былъ близокъ къ нимъ, и если онъ осуждалъ ихъ, то осуждалъ такъ, какъ бранитъ самого себя и своихъ друзей за свои недостатки. Гончаровъ, представитель новой идеологіи, внесъ ее и въ самую трактовку вопроса. Связь между ихъ страданіями и ихъ соціальнымъ положеніемъ, между ихъ ненужностью и даровымъ содержаніемъ является центральнымъ моментомъ романа. Разрушительное дѣйствіе начинающейся промышленности на этотъ старый міръ выступаетъ ярко. Рудинъ и Лежневъ это—вѣра

въ то, что спасеніе одряхлѣвшему міру можетъ прійти отъ „своихъ“ же. Обломовъ и Штольцъ это—смертный приговоръ одряхлѣвшему міру, признаніе, что онъ не заключаетъ въ себѣ больше никакихъ элементовъ, обезпечивающихъ жизнеспособность, что только изъ другого міра можетъ прійти обновленіе.

Именно въ этомъ суровомъ реальномъ взглядѣ на Обломова и заключается огромное общественное значеніе романа. Обломовъ обрисованъ почти тѣми же чертами, какими обрисованы другіе лишніе люди, но эти черты, вносившія извѣстное очарованіе въ тѣ образы, не дѣлаютъ привлекательной фигуру Обломова. Подобно Онѣгину, Рудину, Бельтову, Обломовъ головой выше окружающихъ и даже Штольца по своимъ духовнымъ запросамъ. Прежде чѣмъ сдѣлать характеристику Обломова, остановимся на минуту на существующихъ взглядахъ. Какъ извѣстно, въ своей знаменитой статьѣ, („Что такое обломовщина?“) Добролюбовъ почти отождествляетъ Обломова съ предшествующими типами „лишнихъ людей“ не только 40-хъ, но даже 20-хъ годовъ. Онѣгинъ, Печоринъ, Рудинъ, Бельтовъ—все это обломовцы. Всѣ они умнѣе и гуманнѣе окружающихъ и всѣ не могутъ взяться за дѣло, всѣ они любятъ рисоваться, во всѣхъ заложены богатыя способности, которыя не претворяются въ дѣло. Всѣ они читаютъ и любятъ книги ни больше, ни меньше Обломова, и бездѣльничаетъ Обломовъ ничуть ни больше, ни меньше другихъ. Въ своей „Исторіи русской интеллигенціи“ проф. Овсянико-Куликовскій вноситъ поправку въ точку зрѣнія Добролюбова. Признавая въ общемъ мнѣніе Добролюбова вѣрнымъ, Овсянико-Куликовскій находитъ, что между Обломовымъ и его предшественниками существуетъ глубокое различіе. Главныя особенности, отличающія ихъ другъ отъ друга, сводятся къ слѣдующему. Они (т.-е. предшественники Обломова) стремились выра-

зить такъ или иначе то, что наполняло ихъ душу,—они жаждали обмѣна мысли и старались распространять свои идеи; они жили кружками, гдѣ было много шуму, споровъ, восторговъ, изліяній. Имѣть аудиторію, вліять на умы, волновать сердце силою мысли и рѣчи было для нихъ насущною душевною потребностью. Они были „ораторы“ и „пропагандисты“. Въ этомъ и состояла ихъ „дѣятельность“. Обломовъ же отличался, по мнѣнію автора, отъ лучшихъ людей 40-хъ годовъ тѣмъ, что не только не можетъ и не умѣетъ, но и не хочетъ „дѣйствовать“. Не говоря уже о какой бы то ни было практической дѣятельности, ему тягостна даже и та, которая сводится къ простому обнаруженію его мыслей и чувства. На всемъ протяженіи романа онъ только два или три раза оживился и пустился излагать свои „взгляды“, „убѣжденія“ и „идеалы“: въ спорѣ съ литераторомъ Пенкинымъ и въ разговорахъ съ Штольцемъ. Далѣе Овсянико-Куликовскій приводитъ изъ романа указанія на то, что серьезное чтеніе утомляло Обломова, что мыслителямъ не удалось расшевелить въ немъ жажду къ умозрительнымъ истинамъ, что голова его представляла сложный архивъ мертвыхъ дѣлъ, лицъ, эпохъ, цифръ, религій, ничѣмъ не связанныхъ политико-экономическихъ, математическихъ и другихъ истинъ, задачъ, положеній и т. д. Отсюда выводъ, что „косность мысли, апатія ума“ составляетъ „рѣзкое“ отличіе Обломова отъ „настоящихъ“ людей 40-хъ годовъ. Они—составляли цвѣтъ интеллигенціи, Обломовъ—не только не „цвѣтъ“, но его, строго говоря, даже трудно причислить къ настоящей интеллигенціи.

Всѣ эти различія, указываемыя Овсянико-Куликовскимъ, только кажущіяся. Или, пожалуй, различія дѣйствительныя, но только количественнаго, а не качественнаго характера. Обломовъ воплощаетъ тотъ же типъ, что и Рудинъ, только въ нѣсколько болѣе поздней стадіи

его развитія. Обломовъ также „ораторъ“ и „пропагандистъ“. Онъ тоже умѣлъ горячо говорить о своихъ „убѣжденіяхъ“, относить частныя явленія къ общему, умѣлъ даже читать и читать съ интересомъ и серьезно. Если онъ и забросилъ чтеніе, то вѣдь и Онѣгинъ поступилъ такъ же:

Какъ женщинъ, онъ оставилъ книги
И полку съ пыльной ихъ семьей
Задернулъ траурной тафтой.

Овсянико-Куликовскій, утверждая, что Обломовъ не стремился къ выработкѣ цѣльнаго философскаго міровоззрѣнія и не способенъ чувствовать необходимость объединяющей идеи, самъ же указываетъ на то, что Обломовъ, измѣнивъ службѣ, „началъ иначе рѣшать задачу своего существованія, вдумывался въ свое назначеніе“. И ему были знакомы „наслажденія высокихъ помышленій“ и „ганнибаловы клятвы“. „И для него насталъ счастливый, никому неизмѣняющій, всѣмъ улыбающійся моментъ жизни расцвѣтанія силъ, надеждъ на бытіе, желанія блага, доблести, дѣятельности, эпоха сильнаго біенія сердца, пульса, трепета, восторженныхъ рѣчей и сладкихъ слезъ. Умъ и сердце просвѣтлѣли: онъ стряхнулъ дремоту, душа запросила дѣятельности“. Чѣмъ не Рудинъ и вообще человѣкъ 40-хъ годовъ? И Обломовъ и Штольцъ „волновались, плакали, давали другъ другу торжественныя обѣщанія итти разумною свѣтлою дорогою“. Чѣмъ не „ганнибалова клява“? Различія не было по существу. Было только новое отношеніе со стороны автора. Одинъ и тотъ же типъ предсталъ передъ новымъ судьею. Потому и приговоръ вышелъ болѣе суровымъ. Обломовъ изображенъ во всѣхъ типичныхъ чертахъ лишняго человѣка, но авторъ не любуется на его бездѣлье, не вѣритъ его мечтамъ, не окрашиваетъ поэтическимъ свѣтомъ его внутреннія муки. И то, что прежде изображалось въ видѣ возвышенныхъ стремле-

ній и порывовъ, объявляется теперь просто праздностью и тунеядствомъ. Добролюбовъ правъ, утверждая, что въ сущности всѣ они „равно несостоятельны передъ силою враждебныхъ обстоятельствъ, всѣ равно погружаются въ ничтожество, когда имъ предстоитъ настоящая, серьезная дѣятельность". Тѣ представлены сильными натурами, задавленными средой, а Обломовъ—байбакомъ, который и при самыхъ лучшихъ обстоятельствахъ ничего не сдѣлаетъ. Если различіе въ чемъ-нибудь и есть, такъ только въ одномъ: то, что считалось силой, перестали считать за таковую.

Столь же невѣрнымъ представляется намъ и другое утвержденіе Овсянико-Куликовскаго, будто „самое рѣзкое отличіе Обломова отъ идеалистовъ 40-хъ годовъ—это то, что онъ крѣпостникъ". Если имѣть въ виду Рудина, Лаврецкаго и пр., то едва ли мы отыщемъ большое различіе между ихъ отношеніемъ къ крѣпостному праву и отношеніемъ къ таковому Обломова. Правда, Рудинъ и Лаврецкій, вѣроятно, не рѣшились бы громко повторить рѣчь Обломова о различіи между нимъ и „другимъ",—рѣчь, которой онъ отвѣчаетъ Захару на его неосторожное упоминаніе о „другихъ". Правда, ни въ „Рудинѣ", ни въ „Дворянскомъ гнѣздѣ" мы не встрѣтимъ упоминанія о „новыхъ мѣрахъ построже противъ лѣни и бродяжничества крестьянъ". Пожалуй, ни Рудинъ, ни Лаврецкій не произнесли бы и той фразы, съ которой Обломовъ обратился къ Штольцу въ отвѣтъ на его предложеніе направить дѣтей такъ, чтобы они сами добывали себѣ средства къ жизни: „Нѣтъ, что изъ дворянъ дѣлать мастеровыхъ!". Но значитъ ли это, что Обломовъ былъ крѣпостникомъ въ большей степени, чѣмъ Лаврецкій или Рудинъ? Мы не знаемъ, какъ велъ себя Лаврецкій, когда рѣшилъ заняться хозяйствомъ. Мы знаемъ одно, что ему не удалось бы прожить безъ даровою крестьянскаго труда, на которомъ строилось

и благополучіе Обломова. Мы можемъ думать, что ему не пришлось обойтись безъ „мѣръ построже противъ лѣни". Мы увѣрены, что и онъ не сумѣлъ бы сдѣлать изъ своихъ дѣтей мастеровыхъ или, иначе говоря, воспитать изъ нихъ людей труда и иниціативы. Ни откуда не видно, что они были „барами" въ меньшей степени, чѣмъ Обломовъ. Если они и были бѣдными, какъ Рудинъ, это не мѣняетъ дѣла, поскольку рѣчь идетъ объ ихъ психикѣ: Рудинъ все равно не можетъ жить своимъ трудомъ, и если не крестьянами, то онъ долженъ жить подаяніемъ, чѣмъ угодно, только не своимъ дѣломъ. Не заключается ли опять различіе между Обломовымъ и его предшественниками только въ отношеніи къ нимъ ихъ творцовъ. Тамъ, гдѣ Тургеневъ набрасываетъ романтическій покровъ, тамъ Гончаровъ смотритъ на вещи просто взглядомъ дѣльца и горожанина. Тѣ стороны явленія, о которыхъ безсознательно умалчиваетъ гуманный баринъ, эти стороны выдвигаетъ на первый планъ идеологъ буржуазіи. Явленіе осталось тѣмъ же, но отношеніе къ нему измѣнилось. Если крѣпостникомъ является тотъ, чье существованіе немыслимо внѣ крѣпостническаго уклада, то и Онѣгинъ, и Рудинъ, и Обломовъ—одинаково крѣпостники. Если же крѣпостникомъ является тотъ, кто сознательно отстаиваетъ крѣпостной порядокъ, тогда ни Онѣгинъ, ни Рудинъ, ни Обломовъ не были крѣпостниками. Самъ Овсянико-Куликовскій признаетъ, что Обломовъ „отнюдь не можетъ быть причисленъ къ тѣмъ, которые хотѣли и пытались отстаивать крѣпостное право".

Романъ Гончарова дѣйствительно имѣлъ огромное общественное культурно-историческое значеніе. Но значеніе это заключалось не въ открытіи новаго явленія, а въ освѣщеніи стараго съ новой точки зрѣнія. Праздный, мечтающій, ненужный для жизни баринъ-дворянинъ, освѣщаемый раньше мутнымъ свѣтомъ,—свѣтомъ, за-

жженнымъ дружеской и сочувствующей рукой,—этотъ баринъ предсталъ передъ новымъ болѣе суровымъ и враждебнымъ судьею. Отсюда дѣйствительно два глубокихъ отличительныхъ признака, отдѣляющихъ романъ Гончарова отъ прежнихъ романовъ: во-первыхъ, мечтательность и бездѣлье впервые заклеймлены писателемъ, во-вторыхъ, крѣпостной трудъ, какъ главный источникъ обломовщины, выдвинутъ на первый планъ.

Таково общественное значеніе этого типа. Что же онъ представлялъ изъ себя? Обломовъ, дворянинъ родомъ,—говоритъ о немъ авторъ,—коллежскій секретарь чиномъ, безвыѣздно живетъ двѣнадцатый годъ въ Петербургѣ. Сначала, при жизни родителей, жилъ потѣснѣе, помѣщался въ двухъ комнатахъ, довольствовался только вывезеннымъ изъ деревни слугой, Захаромъ; но по смерти отца и матери, онъ сталъ единственнымъ обладателемъ трехсотъ-пятидесяти душъ, доставшихся ему въ наслѣдство. Вмѣсто пяти онъ получалъ теперь отъ семи до десяти тысячъ рублей ассигнаціями дохода; тогда и жизнь его приняла другіе, болѣе широкіе размѣры. Онъ нанялъ квартиру побольше, прибавилъ къ своему штату еще повара и завелъ-было пару лошадей.

Таково общественное положеніе Обломова. Гончаровъ ясно понялъ, въ чемъ заключается сущность этого положенія, именно въ доходѣ 7—10 тысячъ рублей. Воспитаніе Обломова подготовляло его именно къ тому, чтобы жить байбакомъ на эти деньги, получавшіяся съ 350 рабовъ. Онъ росъ въ „благословенномъ уголкѣ земли“, въ „чудномъ краю“, гдѣ солнце „ярко и жарко свѣтитъ около полугода и потомъ удаляется оттуда не вдругъ, точно нехотя“. Няня ждала его пробужденія, мать осыпала его съ утра страстными поцѣлуями. Цѣлый штатъ родственниковъ и приживаловъ окружали его ласками и похвалами. Забота о пищѣ была первой и главной заботой въ Обломовкѣ, гдѣ телята и птица

достигали небывалой тучности, гдѣ были нескончаемые запасы вареній, соленій и печеній. Учился ребенокъ въ селѣ Верхлевкѣ, въ пяти верстахъ отъ Обломовки, у тамошняго управляющаго нѣмца Штольца, который завелъ небольшой пансіонъ для дѣтей окрестныхъ дворянъ. Но это ученье было въ дѣйствительности только пародіей на ученье. Каждый праздникъ мальчика брали домой. Но какъ часто въ понедѣльникъ, когда надо было оправляться къ нѣмцу, мать находила, что у Илюши „глаза не свѣжіе“ и заявляла: „посиди эту недѣльку дома“. Или оказывалось, что среди недѣли праздникъ, не стоило отвозить мальчика на два—три дня, и недѣля снова пропадала. Когда мальчикъ сталъ подрастать, няню смѣнилъ камердинеръ Захаръ, который также ждалъ его пробужденія у постели, натягивалъ ему, четырнадцатилѣтнему мальчику, чулки, надѣвалъ башмаки, и въ награду за это Илюша поддаетъ ему ногой въ носъ, чуть что покажется ему не такъ. Захочетъ ли чего Илья Ильичъ, ему стоитъ только мигнуть,—ужъ трое—четверо слугъ кидаются исполнять его желаніе. Иногда ему, рѣзвому мальчику, хочется броситься и продѣлать все самому, но „отецъ и мать, да три тетки въ пять голосовъ закричатъ: Зачѣмъ? Куда? А Васька, а Ванька, а Захарка, на что? Эй, Васька! Ванька! Захарка! Чего вы смотрите, розини? Вотъ я васъ!..“ Такъ въ живомъ и наблюдательномъ мальчикѣ убивалась энергія и мысль, и онъ постепенно привыкъ, что такъ покойнѣе, и самъ сталъ кричать: Ванька! Васька! подай то, дай другое! Обойтись безъ ненавистнаго ученья было нельзя, и Обломовъ учился какъ и другіе, т.-е. до пятнадцати лѣтъ въ пансіонѣ; потомъ старики Обломовы, послѣ долгой борьбы, рѣшились послать Илюшу въ Москву, гдѣ онъ, волей-неволей, прослѣдилъ курсъ науки до конца. Но ученье такъ и осталось для него „наказаніемъ, ниспосланнымъ небомъ за наши грѣхи“.

Не трудно понять, какой характеръ долженъ былъ получиться, какъ результатъ общественнаго положенія и воспитанія Обломова. Онъ былъ благодушнымъ и добрымъ человѣкомъ. Свѣтлое, нѣжное и лѣнивое дѣтство поселило въ немъ отвращеніе къ кипучей городской жизни, къ труду и дѣятельности, и благодаря этому открыло широкій просторъ мечтательности и фантазіи. Онъ, несомнѣнно, выше свѣтскаго франта Волохова, перебѣгающаго изъ салона въ салонъ, болтающаго тамъ банальныя вещи. Онъ не можетъ удовлетвориться этой пустой жизнью и радуется, что „нѣтъ у него такихъ пустыхъ желаній и мыслей, что онъ не мыкается, а лежитъ вонъ тутъ, сохраняя свое человѣческое достоинство". Несомнѣнно, онъ выше и типичнаго чиновника Судьбинскаго, который не знаетъ другихъ интересовъ, кромѣ повышеній, наградъ, прибавокъ или измѣненія формы обращенія въ оффиціальныхъ бумагахъ. И Обломовъ провожаетъ его восклицаніемъ: „А какъ мало тутъ человѣка нужно?" Но и Судьбинскому онъ противопоставилъ только бездѣлье и свой диванъ. „Онъ испыталъ чувство мирной радости, что онъ съ девяти до трехъ, съ восьми до девяти можетъ проспать у себя на диванѣ, и гордился, что не надо итти съ докладомъ, писать бумагъ, что есть просторъ его чувствамъ, воображенію". Онъ возвышается до высокаго паѳоса въ разговорѣ съ желчнымъ литераторомъ Пенкинымъ, когда требуетъ, чтобы литература давала человѣка даже въ падшемъ существѣ. Онъ протестуетъ противъ мысли, что негоднаго человѣка нужно извергнуть изъ общества: „Это значитъ, забыть, что въ этомъ негодномъ сосудѣ присутствовало высшее начало; что онъ испорченный человѣкъ, но все-же человѣкъ, т.-е., вы сами. Извергнуть! А какъ вы извергните изъ круга человѣчества, изъ лона природы, изъ милосердія Божія?"

Въ этихъ бесѣдахъ съ своими знакомыми Обломовъ

является въ выгодномъ свѣтѣ. Онъ, несомнѣнно, выше цѣлой головой тѣхъ, которые составляютъ петербургское общество. Природный умъ и извѣстная высота духовныхъ запросовъ не позволяетъ ему мириться на тѣхъ безсодержательныхъ формахъ жизни, которыя онъ видитъ кругомъ себя. Это превосходство надъ окружающими—его первая черта, роднящая его съ Онѣгинымъ, Рудинымъ и другими предшественниками. Но эта черта уже не идеализируется. Безплодность его ума и его запросовъ бичуются съ безпощадной жестокостью. Этого ума достаточно, чтобы критически отнестись къ мелкимъ интересамъ окружающихъ. Но его недостаточно, чтобы противопоставить имъ интересы и дѣятельность, достойные уваженія. Отсутствіе воли, вторая черта Обломова, приводитъ къ тому, что вмѣсто дѣла онъ довольствуется мечтами. Гончаровъ ярко выявляетъ, на какой почвѣ возникла эта мечтательность и эта неспособность къ дѣлу, приводившія къ лѣни и полному вырожденію духовныхъ и матеріальныхъ силъ дворянства. И здѣсь передъ нами столкновеніе города и деревни. Воспитанный въ нѣдрахъ провинціи, среди кроткихъ и теплыхъ нравовъ и обычаевъ родины, переходя въ теченіе двадцати лѣтъ изъ объятій въ объятія родныхъ, друзей и знакомыхъ, онъ до того былъ проникнутъ семейнымъ началомъ, что и будущая служба ему представлялась въ видѣ какого-то семейнаго занятія,—въ родѣ, напр., лѣниваго записыванія въ тетрадку прихода и расхода, какъ дѣлалъ его отецъ. Неудивительно, что, столкнувшись съ суровыми требованіями бюрократической дисциплины, онъ не вынесъ этого столкновенія своей мечты съ дѣйствительностью и предпочелъ оставаться въ сферѣ мечты. Недаромъ онъ предпочиталъ поэтовъ философамъ и ученымъ. Они легче уживались съ его лѣнью, не требовали напряженія и усилія воли, не мѣшали сну и обѣду. Онъ проникался иногда стремле

ніемъ исправить человѣчество, мысли выростали въ намѣренья, загоралась кровь, двигались мускулы, напрягались жилы, но все разрѣшалось тѣмъ, что „онъ, движимый нравственной силой, въ одну минуту быстро измѣнитъ двѣ—три позы, съ блистающими глазами привстанетъ до половины на постели, протянетъ руку, и вдохновенно озирается кругомъ“. Казалось, вотъ стремленіе осуществится, обратится въ подвигъ, дастъ чудеса и благія послѣдствія. Но промелькнуло утро, клонится къ вечеру день, а съ нимъ клонятся къ покою и утомленныя силы Обломова: бури и волненія смиряются въ душѣ, голова отрезвляется отъ думъ, кровь медленнѣе пробирается по жиламъ. Обломовъ тихо, задумчиво переворачивается на спину и, устремивъ печальный взглядъ въ окно, къ небу, съ грустью провожаетъ глазами солнце, великолѣпно садящееся за чей-то четырехъэтажный домъ. То возомнитъ онъ себя непобѣдимымъ полководцемъ, организующимъ новые крестовые походы. То онъ представляется себѣ великимъ мыслителемъ или художникомъ, кумиромъ толпы, пожинающимъ лавры.

Эта богатая внутренняя жизнь при полномъ отсутствіи внѣшней дѣятельности—какъ знакома она намъ по Герцену, Тургеневу, Толстому и т. д.! Только свѣтъ и тѣни стали иными. Мечты доведены до абсурда. Они, еще недавно казавшіяся красивыми, стали почти комическими, а дѣло, еще недавно неясное, прояснилось, люди дѣла выступили съ опредѣленными требованіями, съ ясной программой. Тѣ же образы, но въ новомъ освѣщеніи, старое преступленіе, но передъ новымъ судомъ. Комическія формы пріобрѣла мечтательность лишняго человѣка, въ комическія же формы облеклись его лѣнь и бездѣлье. Рудины и Бельтовы по крайней мѣрѣ двигались, умѣли хоть бороться съ мелочами жизни. Обломовъ не способенъ и на это. Переѣхать на

новую квартиру для него непосильная задача, вырастающая въ грандіозное по своей сложности дѣло. Написать письмо управляющему онъ не въ силахъ, потому что для этого нужны чернила, бумага; первыя высохли, второй нѣтъ, а заветеи все это, понукать Захара, установить порядокъ,—на это у Обломова никогда не хватитъ силъ.

Если не было силъ для мелочей, то могли ли найтись онѣ для большого дѣла, для поддержанія того, что составляло самую основу благополучія Обломова,—для поддержанія и возрожденія его имѣнія. Староста обворовывалъ его, сокращая его доходы и ссылаясь на неурожаи, на побѣги крестьянъ и т. д. Когда предъ Обломовымъ вырисовывалось болѣе или менѣе конкретное дѣло, въ которомъ онъ дѣйствительно могъ бы примѣнить свои силы, то оно всегда рисовалось ему въ видѣ сельскаго хозяйства. И здѣсь ярко сказываются тѣсныя узы, связующія его съ деревней. Ему чужды дѣла Штольца. Служба и промышленныя предпріятія не могутъ захватить его. Но если онъ живетъ какой-нибудь болѣе или менѣе реальной мечтой, то это—„планомъ", съ которымъ онъ носится и котораго, конечно, никогда не осуществитъ. Это—планъ устройства имѣнія и крестьянъ. Правда, и Лаврецкій рѣшилъ „устроить" своихъ крестьянъ и даже, по словамъ Тургенева, насколько могъ, уличшилъ ихъ положеніе. Но Гончаровъ не такъ довѣрчивъ, Тургеневъ ограничился голымъ сообщеніемъ объ этомъ и не показалъ, какъ произошло это улучшеніе. Гончаровъ просто посмѣялся надъ этой затѣей и показалъ, какъ „планъ" улучшенія такъ и остался планомъ.

Лѣнь Обломова, его праздность и неприго'ность къ дѣлу—не просто пороки. Это—свойства, возведенныя имъ въ принципъ. И въ Рудинѣ и въ Лаврецкомъ въ концѣ-концовъ эти пороки существовали. Но тѣ не

признавались въ нихъ, тѣ не сознавали, что это—привилегія, съ которой они сжились и съ которой они не могутъ разстаться. Они еще не чувствуютъ, что ходъ исторіи вырываетъ изъ-подъ ихъ ногъ почву, отнимаетъ у нихъ право на праздность, требуетъ вступленія въ ряды борющихся за существованіе. Обломовъ инстинктивно чувствуетъ, что эта привилегія—его единственная надежда, что съ ея исчезновеніемъ умретъ и онъ, и люди его склада. Вотъ почему онъ откровеннѣе. Онъ—не крѣпостникъ въ противоположность Рудину и Бельтову, какъ думаетъ Овсянико-Куликовскій. Онъ—крѣпостникъ вмѣстѣ съ ними въ томъ смыслѣ, что и онъ, и они, и подобные имъ типы немыслимы внѣ крѣпостного права. Обломовъ воплощаетъ ту стадію въ развитіи этого типа, когда положеніе его стало болѣе трагическимъ, когда уничтоженіе доходовъ съ Обломовки стало для него равносильно смерти. Вотъ почему Обломовъ открыто цѣпляется за этотъ ускользающій источникъ жизни. Вотъ почему онъ не стѣсняется открыто защищать то, что неясно говорило въ душѣ Рудиныхъ. Вотъ почему Обломовъ, обыкновенно спокойный и корректный, вышелъ изъ себя, когда Захаръ осмѣлился сопоставить его съ „другими". Безсознательно Захаръ этимъ сопоставленіемъ выразилъ смыслъ времени, затронулъ больной вопросъ, напомнилъ о начинающемся крушеніи привилегій того класса, вырождающимся отпрыскомъ котораго былъ Обломовъ. Въ яростной отповѣди Обломова заключался отчаянный вопль передъ надвигающейся грозой, болѣзненное стремленіе спасти то, чего уже нельзя было спасти, удержать свое право на праздность, на даровой трудъ рабовъ. Обломовъ выражалъ прочно укоренившееся міросозерцаніе ряда поколѣній, когда бросалъ Захару въ лицо эти реплики: „Я „другой"! Да развѣ я мечусь, развѣ работаю? Мало ѣмъ, что ли? Худощавъ или жалокъ на видъ? Развѣ не

достаетъ мнѣ чего-нибудь? Кажется, подать, сдѣлать— есть кому! Я ни разу не натянулъ себѣ чулокъ на ноги, какъ живу, слава Богу! Стану ли я безпокоиться? Изъ чего мнѣ? И кому я это говорю? Не ты ли съ дѣтства ходилъ за мною? Ты все это знаешь, видѣлъ, что я воспитанъ нѣжно, что я ни холода, ни голода никогда не терпѣлъ, нужды не зналъ, хлѣба себѣ не зарабатывалъ и вообще чернымъ дѣломъ не занимался". Чуялъ Обломовъ, что этотъ „другой" и есть тотъ, кто уничтожитъ его, что „другой" давно бы сдѣлалъ всѣ его дѣла, и „страшно" становилось ему въ ясныя сознательныя минуты его жизни, и грызла его зависть къ полной и широкой жизни „другихъ". Онъ болѣзненно чувствовалъ, что въ немъ „зарыто, какъ въ могилѣ, какое-то хорошее свѣтлое начало... какъ золото въ нѣдрахъ горы". Такія же погубленныя „силы необъятныя" чувствовали въ себѣ и Печоринъ, и всѣ „лишніе люди". И если чѣмъ выдѣляется среди нихъ Обломовъ, то только тѣмъ, что соціальный кризисъ, жертвой котораго они были, въ романѣ Гончарова выступаетъ во всемъ своемъ трагизмѣ, потому что онъ впервые изображенъ новымъ человѣкомъ. Впервые вопросъ такъ открыто поставленъ на соціальную почву, и такъ опредѣленно протянуты нити, связующія типъ Обломова съ экономической жизнью его времени. Обломовъ—задерживающая косная сила. Онъ—не дурной человѣкъ, даже добрый и просвѣщенный, но онъ инстинктивный врагъ прогресса. Съ ужасомъ слушаетъ онъ сообщеніе Штольца о томъ, что въ сосѣднемъ Верхлевѣ предполагаютъ устроить пристань, проведутъ шоссе, и Обломовка будетъ недалеко отъ большой дороги, причемъ въ городѣ учреждаютъ ярмарку. Ему не подъ силу извлечь тѣ выгоды, которыя можно было бы извлечь изъ Обломовки въ виду возникающей рядомъ оживленной торговой жизни. Онъ боится разврата,

который внесетъ въ крестьянскую среду сосѣдство города. Бороться съ вреднымъ вліяніемъ его посредствомъ грамотности онъ не умѣетъ, и онъ убѣжденъ, что „грамотность вредна мужику". Словомъ, въ лицѣ Обломова мечтательный и возвышенный усадебный идеализмъ высказался до конца. Когда онъ сталъ лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, когда пришлось спуститься съ облаковъ и занять опредѣленную общественную позицію, эта мечтательность невольно сближалась съ силами, стоявшими не на сторонѣ прогресса. Только эти силы стремились сохранить порядокъ, обезпечивающій существованіе Обломовыхъ.

И въ своемъ романѣ, въ своей любви къ Ольгѣ Обломовъ проявилъ тѣ же качества своей души. Ольга —одинъ изъ прелестнѣйшихъ образовъ, созданныхъ русской поэзіей. Въ ту эпоху эта поэзія страстно искала идеальнаго героя,—героя, въ которомъ гармонически слились бы лучшія завоеванія прошлаго и прекрасныя черты будущаго, возвышенный идеализмъ просвѣщеннаго барства и могучая энергія новыхъ дѣловыхъ людей. Возможно ли было такое соединеніе? Въ жизни не было этихъ героевъ. Но русская дѣвушка требовала ихъ. Она восторженно шла за благородной мечтой, но она не довольствовалась одной мечтой и требовала дѣла. Она восторгалась людьми дѣла, но ей было мало только дѣла. Она требовала благородной мечты, которая придавала бы этому дѣлу высшій смыслъ. Наташа полюбила Рудина, увлекшаго ее своей восторженностью, но онъ сталъ незначительнымъ для нея, когда она убѣдилась, что за этой восторженностью не скрыто реальное дѣло. Ольга—тотъ же типъ. Она любила лучшее въ Обломовѣ и лучшее въ Штольцѣ, но оба были недостаточны для нея. Ее не удовлетворяли возвышенныя стремленія безъ дѣла, ни дѣло безъ возвышенныхъ стремленій.

Ея лучшая черта—правдивость и естественная простота. Ни жеманства, никакой лжи, никакой мишуры, никакого кокетства, — говоритъ о ней авторъ. Подобно Татьянѣ, она не стыдится своего чувства, смотритъ на него серьезно и не считаетъ нужнымъ скрывать его или прибѣгать къ обычной въ подобныхъ случаяхъ игрѣ. Она—женщина прежде всего. У нея нѣтъ цѣли внѣ любви и внѣ ея избранника. Для нея любить, это значитъ найти смыслъ жизни. До того, какъ полюбила, она—наивная дѣвочка. Полюбивъ, она въ одинъ день пріобрѣла всѣ тѣ знанія и все то богатство души, которыхъ мужчина достигаетъ въ теченіе двадцати пяти лѣтъ „при помощи двадцати пяти профессоровъ, библіотекъ, послѣ шатанья по свѣту, иногда даже съ помощью нѣкоторой утраты нравственнаго аромата души, свѣжести мысли и волосъ", т.-е., она вступила въ сферу сознанія. Жизнь ея сразу наполнилась, она жила въ новой сферѣ. Она дѣлала то же, что прежде, но дѣлала все иначе. Она по-прежнему ѣздила во французскій спектакль, но содержаніе пьесы получало теперь какую-то связь съ ея жизнью, читала книгу, „ и въ книгѣ непремѣнно были строки съ искрами ея ума, кое-гдѣ мелькалъ огонь ея чувствъ, записаны были сказанныя вчера слова, какъ-будто авторъ подслушалъ, какъ теперь бьется у нея сердце". Въ лѣсу тѣ же деревья, но въ шумѣ ихъ явился особый смыслъ, между ними и ею водворилось живое согласіе. Любовь дала смыслъ и содержаніе ея жизни. Такая любовь не допускаетъ игры. Ольга почти первая признается Обломову въ тотъ моментъ, когда онъ еще колеблется, когда онъ еще переходитъ отъ страстныхъ признаній къ страху передъ своимъ чувствомъ. Если она и позволяла себѣ прибѣгать къ кокетству, выступала „какъ всякая женщина въ роли мучительницы", то дѣлала это „менѣе другихъ и безсознательно", но „больше и

чаще всего она толкала его впередъ, дальше, зная, что онъ самъ не сдѣлаетъ ни шагу и останется неподвиженъ тамъ, гдѣ она оставитъ его".

Но отдавая беззавѣтно свою жизнь любимому человѣку, Ольга требуетъ взамѣнъ многаго отъ него. Для нея любить, это—прежде всего требовать. Какъ ницшеанская идеальная женщина, она готова быть „отдохновеніемъ воина", но только воина. Какъ ибсеновскія героини, она—вся для избранника, но для избранника съ великими боевыми задачами. Она полюбила Обломова за богатыя возможности, скрытыя въ немъ. Она ошиблась, увѣровавъ, что эти возможности претворятся въ великое дѣло. Но любить—для нея значитъ требовать этого претворенія, служить ему. Въ ея головѣ развивался подробный планъ, какъ она отучитъ Обломова спать послѣ обѣда, не позволитъ ему даже прилечь на диванѣ, „прикажетъ" ему читать книги и газеты, докончитъ планъ устройства имѣнія. Она укажетъ ему цѣль, заставитъ его снять полюбить все, что онъ разлюбилъ, и Штольцъ не узнаетъ его. И все это чудо сдѣлаетъ она, такая робкая, молчаливая, которой до сихъ поръ еще никто не слушался, которая еще не начала жить. Онъ будетъ жить, дѣйствовать, благословлять жизнь и ее. „Возвратить человѣка къ жизни—сколько славы доктору, когда онъ спасетъ безнадежно больного! А спасти нравственно погибающій умъ, душу?.. Она даже вздрагивала отъ гордаго, радостнаго трепета; считала это урокомъ, назначеннымъ свыше". И Ольга инстинктивно дѣйствовала въ этомъ направленіи. Ея вліяніе рѣзко измѣнило Обломова. Она стала его грознымъ судьей. Онъ не смѣлъ въ ея присутствіи считать свое существованіе ненужнымъ, потому что она слушала подобныя заявленія „молча, съ строгимъ взглядомъ", и „въ сдвинутыхъ бровяхъ ея таилась суровость", а „въ линіи губъ, какъ змѣй,

ползала—не то недовѣрчивость, не то пренебреженіе". Признаваясь ему въ любви, она заявляетъ, что она—не вся жизнь для него, а только половина, что онъ долженъ искать другую, для того, чтобы не потерять первую. Ея любовь утратитъ тотъ, кто въ этой любви сосредоточилъ весь интересъ своей жизни. Она колола его легкими сарказмами за праздно убитые годы, изрекала суровый приговоръ, затѣмъ, по мѣрѣ сближенія съ нимъ, отъ сарказмовъ надъ вялымъ и дряблымъ существованіемъ Обломова она перешла къ деспотическому проявленію воли, отважно напомнила ему цѣль жизни и обязанностей и строго требовала движенія, безпрестанно вызывала наружу его умъ, то запутывая его въ тонкій жизненный, знакомый ей вопросъ, то сама шла къ нему съ вопросомъ о чемъ-нибудь неясномъ, недоступномъ ей. И онъ бился, ломалъ голову, изворачивался, чтобы помочь ей разъяснить какой-нибудь узелъ, не то такъ геройски разсѣчь его. „Для меня любовь,—говоритъ она,—все равно, что... жизнь, а жизнь—долгъ, обязанность, слѣдовательно, любовь—тоже долгъ".

И на эту любовь, полную глубокаго смысла и содержанія, Обломовъ отвѣтилъ совершенно въ обломовскомъ духѣ. Даже въ разгаръ его страсти, даже въ первые дни ея чувство его столкнулось съ его лѣнью. Ему хотѣлось испытывать только „теплоту любви, но не испытывать ея тревогъ". Онъ почувствовалъ, что, „куда ни уйди", жизнь „трогаетъ, такъ и жжетъ". Его тяготило, что въ его жизнь „вдругъ втѣснилось" такъ много „движенія, занятій". И онъ рѣшилъ, что „любовь—претрудная школа жизни". Словомъ, какъ Онѣгинъ, Печоринъ и Рудинъ, онъ чувствовалъ инстинктивный страхъ передъ обязанностями, налагаемыми любовью. Далѣе, его чувство вскорѣ было отравлено еще болѣе: привычка къ размышленію и анализу, не-

способность къ непосредственнымъ переживаніямъ и чувствамъ привели къ тому, что сомнѣнія разрушила его любовь. Онъ пересмотрѣлъ свою жизнь и рѣшилъ, что онъ не можетъ въ своемъ теперешнемъ видѣ представлять интересъ для Ольги, что она не можетъ любить его, что ея любовь—только предчувствіе любви и что настоящее чувство рано или поздно проснется. Въ этой кажущейся скромности и добросовѣстности было много грубаго мужского эгоизма и той же лѣни. Это былъ страхъ передъ возможностью риска, эгоистическое желаніе обезпечить себѣ безмятежное, лѣнивое существованіе въ будущемъ,—существованіе, свободное отъ тревогъ и возможныхъ потрясеній. Его письмо къ Ольгѣ исполнено той фальши, которая была скрыта во всемъ существованіи Обломова. Это—попытка оправдать свою эгоистическую лѣнь тѣми же альтруистическими и важными соображеніями, которыми онъ оправдывалъ ее и передъ собою, и передъ Захаромъ, и передъ всѣми окружающими. Онъ хочетъ доказать Ольгѣ, что отрекается отъ нея не въ своихъ, а въ ея интересахъ, что жертвуетъ своей любовью ради ея счастья и покоя. Въ качествѣ болѣе опытнаго человѣка онъ знаетъ, что она заблуждается и принимаетъ за любовь ненастоящее чувство. Въ дѣйствительности Обломовъ продѣлалъ то, что продѣлывали всѣ лишніе люди. Онъ не умѣлъ любить беззавѣтно, не умѣлъ и не хотѣлъ жертвовать ничѣмъ. Онъ рисовался и ждалъ тѣхъ слезъ, которыми и отвѣтила Ольга на его письмо. Ея любовь была для него игрой, которая замѣняла ему настоящее чувство, подобно тому, какъ его „планъ“ замѣнялъ ему дѣйствительное дѣло. Неспособный ни къ чему, живой трупъ, Обломовъ инстинктивно искалъ утѣшенія въ воображаемой жизни. Ольгѣ ничего не стоило разбить жалкіе софизмы Обломова: „Вы боитесь упасть „на дно бездны“, васъ пугаетъ будущая обида,

что я разлюблю васъ!.. „Мнѣ будетъ худо“, пишете вы... Да, вѣдь, мнѣ тогда будетъ хорошо, если я полюблю другого, значитъ, я буду счастлива! А вы говорите, что „предвидите мое счастье впереди и готовы пожертвовать для меня всѣмъ, даже жизнью?“ Такъ просто и ясно объяснила ему Ольга, что оберегалъ онъ только свой покой, а не ея счастье, что эгоизмъ, а не жертва, лежалъ въ основѣ его отреченія. Она не побоялась отдать ему всю жизнь, она не задавалась вопросомъ о томъ, не вернется ли онъ современемъ снова къ своему халату и не разлюбитъ ли ея. Она не боялась ошибки и не страшилась возможныхъ въ будущемъ слезъ: „Ложитесь опять на спину—не ошибетесь, не упадете въ бездну“. Въ исторіи обломовской любви, быть можетъ, самое интересное—это изумительная послѣдовательность обломовской натуры. Въ своемъ романѣ Обломовъ велъ себя точь-въ-точь такъ же, какъ во всемъ. Онъ не хотѣлъ тревоги и риска, и „лежанье на спинѣ“, какъ и всегда, показалось ему и въ данномъ случаѣ самымъ испытаннымъ и вѣрнымъ средствомъ спасенія. Только послѣ отповѣди Ольги сознаніе на минуту осѣнило его, и онъ понялъ, что его любовь, это—частный случай его общаго отношенія къ жизни. „Вѣдь это не одна любовь, вѣдь вся жизнь такова... и если отталкивать всякій случай, какъ ошибку, когда же будетъ не ошибка?“

Обломову въ качествѣ положительнаго образа противопоставленъ Штольцъ. Этотъ образъ завершаетъ собою безконечную вереницу типовъ, въ которыхъ сказалось стремленіе къ идеализаціи просвѣщеннаго предпринимательства. Гончаровъ рѣзко выдѣляетъ черты, которыми Штольцъ отдѣляется отъ Обломова. Воспитаніе Ильи было систематическимъ уничтоженіемъ въ немъ воли, инициативы и способности къ дѣйствію. Напротивъ того, воспитаніе Андрея было построено на

развитіи этихъ качествъ. Сынъ управляющаго, Андрей съ дѣтства былъ предоставленъ себѣ. Отецъ-нѣмецъ не боялся, когда сынъ его возвращался домой съ разбитымъ носомъ или въ изорванномъ платьѣ послѣ драки съ мальчиками. Ребенкомъ онъ уже ѣздилъ съ отцомъ къ купцамъ и на фабрики, смотрѣлъ, какъ добываютъ поташъ, деготь. Четырнадцати лѣтъ онъ уже одинъ отправлялся въ городъ съ порученіями отца. Давъ ему университетское образованіе, отецъ рѣшилъ, что дома ему дѣлать больше нечего, и отправилъ его въ Петербургъ, снабдивъ 350—400 рублями и сообщивъ, что больше онъ отъ него ни копейки не получитъ. Штольцъ дѣйствительно къ тридцати годамъ нажилъ домъ и деньги и участвовалъ въ какой-то компаніи, отправлявшей товары за границу. Если Обломовъ во многомъ напоминаетъ Адуева-младшаго до его превращенія, то Штольцъ близокъ къ дядѣ. Обломовъ живетъ воображеніемъ и не способенъ къ дѣлу. Штольцъ живетъ почти однимъ дѣломъ и не способенъ къ мечтѣ. Онъ весь составленъ изъ костей, мускуловъ и нервовъ, какъ кровная англійская лошадь. Какъ въ организмѣ нѣтъ у него ничего лишняго, такъ и въ нравственныхъ отправленіяхъ своей жизни онъ искалъ равновѣсія практическихъ сторонъ съ тонкими потребностями духа. Двѣ стороны или параллельно, перекрещиваясь и перевиваясь на пути, но никогда не запутываясь въ тяжелые, неразрѣшимые узлы. „Мечтѣ, загадочному, таинственному,—говоритъ о немъ дальше авторъ,—не было мѣста въ его душѣ. То, что не подвергалось анализу опыта, практической истины, было въ глазахъ его оптическій обманъ, то или другое отраженіе лучей и красокъ на сѣткѣ органа зрѣнія, или же, наконецъ, фактъ, до котораго еще не дошла очередь опыта... Онъ упрямо останавливался у порога тайны, не обнаруживая ни вѣры ребенка, ни сомнѣнія фата,

а ожидалъ появленія закона, а съ нимъ и ключа къ ней". Словомъ, онъ—воплощеніе позитивнаго, почти чисто-матеріалистическаго пониманія въ противоположность идеализму и мечтательности 40-хъ годовъ.

Уже не разъ указывалось на то, что Штольцъ не яркій художественный образъ. Его воззрѣнія и характеръ выясняются изъ описаній автора, а не въ его собственныхъ дѣйствіяхъ. Мы на слово должны вѣрить Гончарову, что Штольцъ былъ энергиченъ и предпріимчивъ, что онъ сумѣлъ устроить дѣла Обломова, нажилъ состояніе, примѣнялъ къ жизни свои трезвые просвѣщенные взгляды, умѣлъ любить и цѣнить искусство и т. д. Штольцъ не показанъ, а разсказанъ Гончаровымъ. Онъ не размышляетъ о назначеніи человѣка, о конечной цѣли борьбы и труда, выпавшихъ ему на долю. Онъ довольствуется, какъ и Адуевъ-дядя, выполненіемъ той роли, въ которой засталъ себя. Справедливымъ обличеніямъ Обломова, не мирящагося съ безсодержательнымъ и безцѣльнымъ движеніемъ столичной жизни, онъ не противопоставляетъ никакихъ возраженій, никакихъ идеаловъ. На вопросъ Обломова: „для чего мучиться весь вѣкъ?"—онъ отвѣчаетъ: „Для самого труда, больше ни для чего. Трудъ—образъ, содержаніе, стихія и цѣль жизни, по крайней мѣрѣ моей".

Гдѣ же истина? За кѣмъ будущее? За Обломовымъ или за Штольцемъ? Самый вопросъ этотъ можетъ показаться страннымъ. Можно ли сомнѣваться въ томъ, что Гончаровъ разъ навсегда похоронилъ обломовщину? И тѣмъ не менѣе въ концѣ романа все еще звучатъ грустныя нотки, и кажется, будто умирающая обломовщина уноситъ съ собою что-то цѣнное и дорогое и будто не всю истину знаютъ Штольцы. Ольга вышла замужъ за Штольца. Въ ихъ жизнь, полную содержанія и смысла, иногда врываются какія-то тревожныя думы, и именно въ эти минуты воскресаетъ образъ Обломова.

Всякій разъ, когда автору хочется крикнуть, что и въ философіи Штольцевъ—не вся истина, что въ мѣщанской дѣловой жизни безъ возвышенной мечты нѣтъ полнаго удовлетворенія, онъ оглядывается на безповоротно осужденнаго имъ Обломова. На высотѣ своего благополучія Ольга говоритъ про Обломова: „...есть что-то, что я люблю въ немъ, чему я, кажется, остаюсь вѣрна...“ Гончарову точно жаль своего рѣзкаго приговора надъ Обломовымъ, и въ уста Штольца онъ неожиданно влагаетъ страстный диѳирамбъ Обломову, такъ плохо согласующіяся съ общимъ настроеніемъ автора: „Это хрустальная, прозрачная душа; такихъ людей мало; они рѣдки; это перлы въ толпѣ! Его сердца не подкупить ничѣмъ; на него всюду и вездѣ можно положиться... Много людей я зналъ съ высокими качествами, но никогда не встрѣчалъ сердца чище, свѣтлѣе и проще; многихъ любилъ я, но никого такъ прочно и горячо, какъ Обломова. Узнавъ разъ, его разлюбить нельзя“. Да и въ счастьѣ, которое обрѣла Ольга съ Штольцемъ, было что-то недоконченное. Помирится ли она на этомъ счастьѣ? „Мнѣ грустно.. бываетъ иногда... Вдругъ какъ-будто найдетъ на меня что-нибудь, какая-то хандра... мнѣ жизнь покажется.. какъ-будто не все въ ней есть... все тянетъ меня куда-то еще; я дѣлаюсь ничемъ недовольна“. Тоска по мечтѣ,—по той мечтѣ, которая какъ-никакъ жила въ обстановкѣ обломовцевъ, по которой не могло быть мѣста среди Штольцевъ. „Мы,—отвѣчалъ ей Штольцъ, —не титаны съ тобой, мы не пойдемъ, съ Манфредами и Фаустами, на дерзкую борьбу съ мятежными вопросами, не примемъ ихъ вызова, склонимъ головы и смиренно переживемъ трудную минуту, и опять потомъ улыбнется жизнь, счастье и...“

Въ „Обломовѣ“ та же ситуація, тѣ же коллизіи и тѣ же тезисы, что и въ „Обыкновенной исторіи“.

Тотъ же привѣтъ просвѣщенной буржуазіи, тотъ же упрекъ праздному и мечтательному барству, то же стремленіе къ синтезу лучшихъ сторонъ того и другого,—къ синтезу возвышенной мечты и дѣловитый энергіи. Если есть что новаго въ старой ситуаціи, то только извѣстное грустное предчувствіе невозможности этого синтеза. Въ первомъ романѣ Гончаровъ превратилъ Адуева-младшаго въ Адуева-старшаго. Теперь ужъ онъ знаетъ навѣрное, что Обломову никогда не стать Штольцемъ. Тамъ, въ „Обыкновенной исторіи", онъ съ легкимъ сердцемъ надѣлилъ дядю нѣкоторыми чертами, которыя ему нравились въ старомъ барствѣ. Штольцъ вышелъ болѣе опредѣленнымъ. Гончаровъ словно чувствуетъ, что ему не перенять того, что погибало вмѣстѣ съ старымъ укладомъ, не быть носителемъ полной истины. И тамъ, и здѣсь женщина становится судьею столкнувшихся міропониманій. Неудовлетворенность Ольги, это—та же неудовлетворенность Адуевой. И грустная дума Ольги объ Обломовѣ—та же печаль Адуевой о прежнемъ мечтательномъ, сантиментальномъ племянникѣ.

Основной вопросъ, занимавшій Гончарова, такъ и остался нерѣшеннымъ. „Сколько Штольцевъ должно явиться подъ русскими именами!" Вполнѣ ли былъ увѣренъ Гончаровъ, когда писалъ эту фразу, въ томъ, что Штольцы—настоящіе люди, что въ нихъ спасеніе Россіи. Онъ привѣтствовалъ ихъ, онъ противопоставлялъ ихъ умирающей обломовщинѣ, какъ новую, истинную силу. Но было что-то, что повременамъ какъ-будто нарушало его вѣру въ спасительное вліяніе капитализма. Въ это время уже начинали заявлять о себѣ новыя силы, которыя одинаково были враждебны и усадебному барству, и капиталистической буржуазіи. И когда эти разрушительныя силы выступили на сцену, Гончаровъ отнесся къ нимъ враждебно. Онъ

даже готовъ повернуть назадъ и ухватиться за усадебное барство, какъ истинный устой честной и нормальной жизни, готовъ идеализировать то, въ чемъ видѣлъ одну безнадежную обломовщину. Именно въ этомъ новомъ настроеніи разсматриваетъ Гончаровъ прежніе вопросы въ своемъ третьемъ романѣ „Обрывъ". Гончаровъ самъ (въ статьѣ „Лучше поздно, чѣмъ никогда") заявляетъ, что всѣ три романа, „особенно „Обломовъ" и „Обрывъ", тѣсно и послѣдовательно связаны между собою, какъ связаны отразившіеся въ нихъ, какъ въ каплѣ воды, періоды русской жизни".

Что такое Райскій? Никто лучше самого Гончарова не отвѣтилъ на этотъ вопросъ: „Да все Обломовъ, то-есть прямой, ближайшій его сынъ, герой эпохи Пробужденія". Это—Обломовъ, пожелавшій проснуться, Обломовъ, котораго коснулись новыя вѣянья. „Онъ умомъ и совѣстью,—говоритъ Гончаровъ,—принялъ новыя животворныя сѣмена, но остатки еще не вымершей обломовщины мѣшаютъ ему обратить усвоенныя понятія въ дѣло". И опять лучше всего самъ же авторъ опредѣлилъ общественныя условія, породившія Райскаго. Это — все то же вѣковое зло —крѣпостное право: „Бабушкѣ онъ уступаетъ, потому что и самъ хотя и воюетъ противъ изнѣженности, барства стараго быта, но охотно спитъ на мягкой постели, хорошо ѣстъ и даже, какъ прямой сынъ Обломова, даетъ, ворча, снимать съ себя Егору сапоги (Обломовъ требовалъ, чтобы Захаръ натягивалъ на него чулки). Самъ онъ живетъ подъ игомъ, еще неотмѣненнаго, крѣпостного права и сложившихся при немъ нравовъ и оттого воюетъ только на словахъ, а не на дѣлѣ: совѣтуетъ бабушкѣ отпустить мужиковъ на всѣ четыре стороны и предоставить имъ дѣлать, что они хотятъ, а самъ въ дѣло не вмѣшивается, хотя имѣніе—его". Если Райскій—преемникъ Обломова, то одно можно

сказать, что Гончаровъ относится къ нему уже не съ тѣмъ безпощаднымъ осужденіемъ, какъ къ его предшественнику. Въ „Обрывѣ“ есть и свой Штольцъ. Это — Тушинъ. Гончаровъ считаетъ его „намекомъ на настоящее новое поколѣніе, на лучшее его большинство“. Но удивительно, что типъ Штольца не только не выросъ и не развился въ новомъ романѣ, но какъ бы отодвинулся на второй планъ. Самъ авторъ считаетъ Тушина „фигурой блѣдной и неясной“. И во всякомъ случаѣ онъ не рѣшается уже выставлять этотъ типъ въ качествѣ единственнаго спасителя Россіи, а тѣмъ болѣе противопоставлять его старому барству, какъ нѣчто живое, чему-то мертвому. Напротивъ, бабушка и ея царство выставлены въ видѣ разумной жизненной организаціи. Они не только не противоположны Тушину, но, напротивъ, говорятъ на одномъ языкѣ, часто дѣйствуютъ заодно и взаимно уважаютъ воззрѣнія другъ друга. Нѣтъ большой пропасти, которая отдѣляла Обломова отъ Штольца. Старое барство и просвѣщенный предприниматель сблизились между собою, причемъ уступка сдѣлана скорѣе въ сторону перваго, чѣмъ второго. Зато снисходительный ко всѣмъ Гончаровъ обрушивается на новаго врага,— обрушивается съ рѣдкой для его объективнаго таланта страстностью. Фигура Марка Волохова—почти единственный образъ, который Гончаровъ нарисовалъ такъ открыто-тенденціозно. Какая же общественная группа рисовалась воображенію Гончарова, когда онъ набрасывалъ портретъ Марка Волохова? Можно, конечно, видѣть въ немъ обличеніе крайностей русскаго ранняго соціализма и радикализма вообще. Но, когда читаешь толкованіе этого образа, предложенное самимъ авторомъ, то невольно приходишь къ заключенію, что рѣчь идетъ не о крайностяхъ; въ русскомъ радикализмѣ Гончаровъ вообще едва ли усмотрѣлъ что-нибудь кромѣ того, что

пытался обличить въ фигурѣ Волохова. Обличитель барскаго бездѣлья, апологетъ просвѣщенной буржуазіи, Гончаровъ не видѣлъ и не хотѣлъ ничего положительнаго видѣть въ начинающемся соціалистическомъ движеніи. Если въ „Обломовѣ“ онъ противопоставилъ обломовщину и Штольца другъ другу, то въ „Обрывѣ“ отдѣляющая ихъ пропасть быстро заполнилась передъ лицомъ новаго врага. Маркъ Волоховъ— для него воплощеніе „новой лжи“. Все нелегальное, все немирившееся съ медлительнымъ ходомъ реформы,— все это рисуется Гончарову въ лицѣ Марка Волохова. Ничего, кромѣ грубости и цинизма, онъ не замѣтилъ тамъ. Онъ не нашелъ тамъ ни одного положительнаго образа, который можно было бы противопоставить крайности нигилизма. Быть можетъ, ни въ чемъ буржуазный складъ души Гончарова не сказался такъ ярко, какъ именно въ этомъ отношеніи къ радикальнымъ теченіямъ русской общественной жизни. Лучше вернуться къ обломовскимъ традиціямъ (воплощеннымъ теперь въ лицѣ болѣе привлекательной, чѣмъ Обломовъ, „бабушки“), чѣмъ итти за Волоховыми. Если буржуазіи предстоитъ выборъ между реакціей (потому что обломовщина, хотя бы и въ видѣ бабушки, все-таки реакція) и радикализмомъ (потому что Волоховъ, даже и въ тенденціозномъ изображеніи Гончарова,—все-таки радикалъ), то она, либеральная и постепеновская, предпочтетъ реакцію слишкомъ быстрой ломкѣ. Что Волоховъ былъ для Гончарова воплощеніемъ всѣхъ радикальныхъ стремленій русскаго общества, видно изъ его собственныхъ словъ: „Волоховъ не соціалистъ, не доктринеръ, не демократъ. Онъ радикалъ и кандидатъ въ демагоги: онъ съ почвы праздной теоріи безусловнаго отрицанія, готовъ перейти къ дѣйствію и перешелъ бы, если бы у насъ была возможна широкая пропаганда коммунизма, то-есть интернаціональная

подземная работа и т. п. Въ Примѣчаніи къ этимъ строкамъ авторъ добавляетъ: „Къ несчастью, это оказалось возможнымъ въ извѣстной степени и у насъ, какъ это подтвердилось съ тѣхъ поръ, т.-е. съ 1875 года, когда были писаны эти строки". И страницей ниже добавляетъ: „Сколько было слуховъ о какихъ-то фаланстеріяхъ, куда уходили гнѣздиться разныя Вѣры". Словомъ, и коммунизмъ, и народовольчество, и фурьеризмъ,—радикальныя теченія, родившіяся до и послѣ Волохова,—все это въ глазахъ Гончарова только демагогія, все это вылилось въ одинъ отталкивающій образъ Волохова, и даже черезъ много лѣтъ, разбираясь въ этой фигурѣ, Гончаровъ не измѣнилъ своего мнѣнія объ этихъ теченіяхъ и остался при убѣжденіи, что Волоховымъ исчерпано все, что можно было сказать о нихъ. Таковы общественныя предпосылки послѣдняго романа Гончарова.

Центральная фигура романа—Райскій. Это—натура артистическая и впечатлительная. Если онъ—сынъ Обломова, тотъ же лишній праздный человѣкъ, непригодный ни къ службѣ, ни къ сельскому хозяйству, ни къ промышленнымъ и торговымъ предпріятіямъ,—то его по крайней мѣрѣ коснулось и даже глубоко задѣло то новое, что поднималось отовсюду въ русской жизни. Первое дуновеніе начинающихся реформъ, идейное броженіе и эстетическіе интересы,—все это не чуждо Райскому. Жажда дѣла, стремленіе опредѣлить свое мѣсто въ жизни, внести въ нее нѣчто, стремленіе установить общее міровоззрѣніе и на основаніи его вывести для себя и другихъ—необходимое дѣло, наконецъ, вмѣшательство въ жизнь,—вмѣшательство, правда, скорѣе случайное, чѣмъ систематическое,—все это выгодно отличаетъ Райскаго отъ Обломова. Роднитъ ихъ общая черта: и тотъ, и другой неспособны довести до конца ни одно дѣло. Обломовъ останавливается въ

самомъ началѣ. Онъ не напишетъ своего „плана“, потому что не отыщетъ пера. Райскій, навѣрное, отыскалъ бы перо, написалъ бы планъ и даже пріѣхалъ бы съ нимъ въ деревню, но здѣсь скоро соскучился бы и бросилъ бы дѣло на срединѣ. Результатъ получился бы одинаковый. Во всякомъ случаѣ въ Райскомъ больше активности. Ища дѣла, онъ обращается къ искусству. И это не ново. Младшій Адуевъ мечталъ быть великимъ поэтомъ. Даже Обломову были свойственны мечты о литературной славѣ. Искусство было, пожалуй, единственнымъ выходомъ и единственнымъ утѣшеніемъ для баръ, непривычныхъ къ труду, не желавшихъ опуститься до обломовщины. Оно казалось дѣломъ таланта, а не труда, единственной благородной сферой дѣятельности, въ которой можно обойтись безъ черной работы,—дѣломъ, которое не связано съ заработкомъ. „Искусство,—говоритъ Гончаровъ,—было все еще роскошью, забавой для богатыхъ, горькою нуждою для бѣдныхъ; литература, за исключеніемъ крупныхъ талантовъ, была дѣломъ подозрительнымъ. За писателями признавалось ихъ значеніе, когда они достигали виднаго положенія въ обществѣ путемъ службы“. Для профессіональныхъ служителей искусства и литературы ихъ дѣятельность была средствомъ заработка. А кому не было нужды, тѣ дилеттантствовали. Даже такой неподдѣльный огромный талантъ, какъ Тютчевъ, съ барской небрежностью написалъ нѣсколько десятковъ стихотвореній и очень мало заботился объ ихъ судьбѣ.

Райскій принадлежитъ къ числу этихъ диллетантовъ, обезпеченныхъ, чуткихъ и впечатлительныхъ, но не глубокихъ, не усидчивыхъ и не упорныхъ. Его хватаетъ на то, чтобы протестовать противъ рутины, традицій, правилъ. Но его слишкомъ мало, чтобы противопоставить старому новую систему воззрѣній. И онъ

совершенно насуетъ, когда самому на дѣлѣ приходится выйти изъ сферы традицій и рутины. Познакомившись съ Бѣловодовой, молодой женщиной изъ богатой аристократической семьи, Райскій съ страстнымъ увлеченіемъ отдается первому „дѣлу“: борьбѣ съ „правилами“, въ которыхъ выросла и живетъ Бѣловодова. Эта спокойная, красивая и умная женщина, прекрасно воспитанная и тактичная, выводитъ его изъ себя. Его возмущаетъ, что она не слыхала о томъ, что „есть на свѣтѣ страсти, тревоги, дикая игра событій и чувствъ, доводящія до проклятій, стирающія это сіяніе съ лица“. Онъ кричитъ ей въ пламенныхъ монологахъ о томъ, что „міръ идетъ къ счастью, къ успѣху, къ совершенству“, а она коснѣетъ въ правилахъ тетушекъ, бабушекъ, дѣдушекъ, „всѣхъ этихъ полиняляхъ гос подъ въ робронахъ, манжетахъ“. Умная Бѣловодова безъ труда разоблачаетъ внутреннюю фальшь проповѣди Райскаго: она проситъ указать его, „что дѣлать?“ вмѣсто того, что она дѣлаетъ; она спрашиваетъ его, почему онъ самъ вѣчно скучаетъ и бездѣльничаетъ, разъ онъ достигъ того развитія, котораго добивается для нея. Райскій съ паѳосомъ разсказываетъ ей объ измученныхъ деревенскихъ бабахъ, о голодныхъ крестьянскихъ дѣтяхъ и т. д.; впрочемъ, тутъ же признается, что и онъ ничего не сдѣлалъ, не можетъ и не умѣетъ дѣлать для своихъ мужиковъ, что онъ не силенъ въ соціализмѣ и коммунизмѣ, въ „политической и всякой экономіи“, что въ общемъ онъ хотѣлъ только „разбудить“ ее, а научить, „что дѣлать?“ онъ не умѣетъ.

Дилеттантизмъ—не единственная черта Райскаго. Онъ любознателенъ. Не обладая достаточными силами для активнаго дѣла, онъ любитъ изучать жизнь и попадающихся ему людей. Въ самой борьбѣ его съ Бѣловодовой имъ больше всего руководило любопытство. Ему до боли хотѣлось узнать, почему она не скучаетъ

и не томится жизнью, какъ онъ, если она дѣйствительно „выше міра и страстей“. Въ школѣ его глаза перебѣгали отъ одного школьника къ другому, онъ старался проникнуть въ душу каждаго и рисовалъ въ своемъ воображеніи внутренній міръ. Его любовь почти всегда возбуждается и движется любопытствомъ. Онъ чуть не увлекся Марѳинькой, но она была слишкомъ несложная натура, онъ скоро понялъ ее всю и перешелъ къ Вѣрѣ,—натурѣ болѣе сложной и загадочной. Потому и чувство его къ Вѣрѣ оказалось болѣе сильнымъ и мучительнымъ. Онъ не зналъ ея „тайны“. И въ страстномъ желаніи угадать эту тайну, находило себѣ пищу его чувство. Въ безсонныя ночи, въ минуты безумныхъ любовныхъ страданій онъ острѣе всего чувствовалъ муки неудовлетвореннаго любопытства и метался въ безплодномъ усиліи объяснить тотъ или иной непонятный поступокъ Вѣры.

Райскій—художникъ прежде всего. Искусства давались ему лучше наукъ. Онъ обладалъ богатой фантазіей. Поэты вызывали въ его воображеніи фантастическіе міры. Онъ дополнялъ прочитанное созданіями собственнаго воображенія. Прочитавъ „Освобожденный Іерусалимъ“, онъ грезилъ о далекихъ странахъ, о необыкновенныхъ людяхъ въ латахъ, каменистыхъ пустыняхъ Палестины, блиставшихъ своей сухой, страшной красотой. Дѣйствительная жизнь мало увлекала его въ свой потокъ и своей веселой стороной и суровой дѣятельностью. Позоветъ ли его опекунъ посмотрѣть, какъ молотятъ рожь или какъ валяютъ сукно на фабрикѣ, какъ бѣлятъ полотна,—онъ увертывался и забирался на бельведеръ смотрѣть оттуда въ лѣсъ, или въ чащѣ глядѣлъ, какъ возятся насѣкомыя, куда порхнула птичка, или жадно слушалъ разсказъ полоумнаго старика про „Пугача“, про жестокія казни и муки. И это богатое воображеніе, наблюдательность,

несомнѣнный талантъ художника, погибли благодаря тому же дилеттантизму, той же неспособности къ усидчивому труду. Его первый опытъ вызвалъ замѣчаніе учителя, быть можетъ, лучше всего опредѣлившаго его будущую судьбу. „А, хорошо, братъ, только видишь, что значитъ впередъ забѣгать: лобъ и носъ— хоть куда, а ухо вонъ гдѣ посадилъ, да и волосы точно мочала вышли". Такъ и остался Райскій на всю жизнь безплоднымъ талантомъ: задумаетъ хорошо, выполнитъ часть замысла вдохновенно, но волосы мочалой выйдутъ или ухо не на мѣстѣ сядетъ—и погибла картина. Такъ потерпѣли фіаско всѣ его порывы отдаться разнымъ видамъ искусства, которыми онъ поочередно увлекался. Первый шагъ свидѣтельствовалъ о талантѣ. Но какъ только онъ принимался за изученіе техники, недѣля—другая усидчиваго труда вызывала утомленіе и даже поселяла отвращеніе къ дѣлу. Въ этихъ безплодныхъ попыткахъ Райскаго Гончаровъ какъ бы дорисовалъ намѣченную себѣ картину столкновенія между двумя мірами старымъ, мечтательнымъ, барскимъ, и новымъ суровымъ, промышленнымъ, вѣками. Вмѣстѣ съ конфликтомъ деревни и города, праздности и труда, возникъ конфликтъ таланта и выучки, непосредственности и искусства, вдохновенія и техники. Послѣдняя стала настолько сложна, что относительное значеніе ея и таланта сильно измѣнилось въ пользу первой. Гончаровъ, ранній и чуткій изобразитель духовнаго перелома, совершавшагося съ начинающимся торжествомъ буржуазіи, не могъ не отмѣтить и этого важнаго явленія. Развитіе техники и промышленности должно было отразиться на судьбахъ искусства. Наука вторгнулась въ искусство, знаніе, умѣніе становится чуть ли не болѣе важнымъ факторомъ художественнаго произведенія, чѣмъ талантъ. Картина безплодныхъ усилій Райскаго не произведетъ

ли впечатлѣніе намѣреннаго славословія выучкѣ, техникѣ и дисциплинѣ передъ непосредственнымъ вдохновеніемъ и недисциплинированнымъ дарованіемъ?

Образъ Райскаго соткань изъ самыхъ разнообразныхъ нитей. Это—образъ сложный, измѣнчивый, почти неуловимый. Самыя противоположныя настроенія и чувства владѣютъ его душой. Отзывчивость къ новымъ гуманнымъ и даже демократическимъ идеямъ уживается рядомъ съ полнымъ равнодушіемъ къ тѣмъ безобразіямъ, которыя творятся въ деревнѣ. Насмѣшки надъ наивными представленіями бабушки, надъ всѣмъ патріархальнымъ усадебнымъ укладомъ чередуются съ порывами глубокаго преклоненія передъ бабушкой и ея вѣрованіями, чуть ли не съ готовностью увѣровать въ спасительность стараго порядка. Онъ можетъ проявить даже гражданское мужество, нанести публичное оскорбленіе всесильному Нилу Андреевичу или скомпрометтировать себя сношеніями съ Маркомъ Волоховымъ. Но и скандалъ съ Тычковымъ, и Маркъ Волоховъ занимаютъ его какъ художника. Это — эпизодическія фигуры для романа, который онъ пишетъ. Никакого политическаго или общественнаго значенія своимъ выступленіямъ онъ не придаетъ и скоро забываетъ о нихъ. „Подъ руку попался какъ Опенкинъ!“—говорилъ онъ, вспоминая столкновеніе съ Тычковымъ, дописывая послѣднюю строку и не предвидя ему болѣе роли между своими героями. Райскій любитъ своего стараго друга Козлова, бѣдняка-учителя, идеалиста. Онъ приходитъ въ негодованіе, когда случайно узнаетъ о томъ, какъ измѣняетъ Козлову его жена съ французомъ Шарлемъ. Онъ является къ ней, чтобы уберечь честь своего друга и объяснить ей низость ея поступка, и подъ вліяніемъ ея ласкъ самъ обманываетъ своего друга, совершаетъ самъ поступокъ, за который часъ тому назадъ готовъ былъ метать громы на другихъ.

Райскій, по существу, кончилъ тѣмъ же, чѣмъ кончали всѣ лишніе люди,—скитаніемъ по міру, исканіемъ новыхъ впечатлѣній. Пушкинъ былъ правдивѣе всѣхъ. Онъ такъ и разстался съ Онѣгинымъ передъ новыми скитаніями. Тургеневъ хотѣлъ найти какой-нибудь конецъ для Рудина и придумалъ ему случайную смерть на баррикадѣ среди его странствованій. Отъ Лаврецкаго онъ отдѣлался глухимъ заявленіемъ, что тотъ занялся сельскимъ хозяйствомъ. Гончаровъ кончаетъ исторію Райскаго такъ: „Райскій, живо принимая впечатлѣнія, мѣняя одно на другое, бросаясь отъ искусства къ природѣ, къ новымъ людямъ, новымъ встрѣчамъ,—чувствовалъ, что три самыя дорогія воспоминанія, бабушка, Вѣра, Марѳинька,—сопутствуютъ ему всюду... И вездѣ, среди этой горячей артистической жизни, онъ не измѣнялъ своей семьѣ, своей группѣ, не вросталъ въ чужую почву, все чувствовалъ себя гостемъ и пришельцемъ тамъ. Часто, въ часы досуга отъ работъ и отрезвленія отъ новыхъ сильныхъ впечатлѣній раздражительныхъ красокъ юга—его тянуло назадъ, домой. Ему хотѣлось бы набраться этой вѣчной красоты природы и искусства, пропитаться насквозь духомъ окаменѣлыхъ преданій и унести все съ собою туда въ свою Малиновку... За нимъ все стояли и горячо звали къ себѣ—его три фигуры: его Вѣра, его Марѳинька, бабушка. А за ними стояла и сильнѣе ихъ влекла его къ себѣ—еще другая, исполинская фигура, другая великая „бабушка"—Россія". Райскій не умретъ раньше своей физической смерти, какъ случилось съ Лаврецкимъ и Обломовымъ, Его спасаетъ его впечатлительность. Онъ заглушаетъ грозный вопросъ „что дѣлать?" при помощи быстрой смѣны впечатлѣній,—благо опекунъ прислалъ ему „большой купъ" за заложенное имѣніе и этимъ на долго обезпечилъ возможность такой смѣны. Но блужданіе по европейскимъ картиннымъ галлереямъ не есть рѣшеніе

вопроса. И хотя сильнѣе всѣхъ влекла его къ себѣ „великая бабушка—Россія“, но лучше не возвращаться Райскому къ ней, потому что здѣсь ясной станетъ „ненужность“ его для этой бабушки; лучше оставаться ему среди художественныхъ сокровищъ Запада: по крайней мѣрѣ они даютъ забвеніе и разгоняютъ неотвязчивыя думы.

Гончаровъ располагаетъ фигуры съ удивительнымъ тактомъ, такъ что въ общемъ онѣ являются дополненіемъ къ главному герою и всѣ вмѣстѣ образуютъ мѣткій снимокъ соціальнаго момента. Райскій—мечущійся герой, перебѣгающій отъ одного міра къ другому. Бабушка—воплощеніе стараго міра въ его лучшихъ основахъ. Бабушка строго дѣлила человѣчество на „людей“ и господъ, и этого различія ничто не могло истребить. Она требовала уваженія къ старости и безусловной покорности ей. Даже, когда видѣла правду въ поступкахъ и дѣйствіяхъ „молодого“, она не считала возможнымъ признаться въ этомъ, чтобы онъ не зазнался. Она была въ мѣру строга, въ мѣру снисходительна, человѣколюбива, но все въ размѣрахъ барскихъ понятій. Словомъ, это была властная женщина, но отпрыскъ той эпохи, когда помѣщичья „власть“ гармонировала съ потребностями среды, являлась единственной формой, въ которую могъ отлиться общественный укладъ деревни, формой общежитія, опредѣлявшей общее благополучіе и порядокъ. Въ эпоху перелома и разброда Гончаровъ какъ бы хочетъ ухватиться за эту старую гармонію, въ которую вторглись новыя потребности и представленія и безпощадно разрушили ее. Горизонтъ бабушки кончался съ одной стороны—полями, съ другой—Волгой и ея горами, съ третьей—городомъ, а съ четвертой—дорогой въ міръ, до котораго ей нѣтъ дѣла. Бабушка умна и самостоятельна. Она горячо защищаетъ свой порядокъ преданіями, пословицами, но она умѣла опираться на

свою природную логику, когда противорѣчія жизни требовали новыхъ рѣшеній. Жизнь ея покоилась на простыхъ и прочныхъ основахъ. Въ семьѣ она—деспотъ, но ея „деспотизмъ“ построенъ на почвѣ нѣжнѣйшей любви и неустаннаго попеченія о счастьѣ любимыхъ ею сиротъ. Новаго вѣка и новыхъ идей она не признаетъ, но никто не умѣлъ съ такимъ тактомъ и терпимостью давать просторъ этимъ новымъ идеямъ въ своемъ домѣ, такъ уважать чужія чувства и мысли. Внучки обожаютъ ее. Марѳинька ни шагу не сдѣлаетъ безъ нея, и обѣ онѣ—и покорная Марѳинька, и гордая своевольная Вѣра,—не будутъ счастливы, если бабушка не благословитъ ихъ. Но она не навязывала имъ свою волю. „Кто навязывалъ: спроси ее,—говоритъ она Райскому о Марѳинькѣ.—Если-бъ онѣ у меня были запуганныя или забитыя, какія-нибудь несчастныя, а ты видишь, что онѣ живутъ у меня какъ птички, дѣлаютъ, что хотятъ“.

Марѳинька—очаровательное воплощеніе душевной гармоніи, которая складывалась въ эпоху, когда еще ничто не колебало усадебнаго быта. Это—созданіе патріархальнаго уклада, не знающее сомнѣній и разъѣдающаго анализа. Дитя традиціи, она не стремится никуда впередъ и полной грудью вдыхаетъ радости деревенской жизни. Ея желанія вращаются въ кругу ея быта: она любитъ, чтобы святая недѣля была сухая, любитъ святки, сильный морозъ, чтобы сани скрипѣли и за носъ щипало. Любитъ катанье и танцы, толпу, праздники, пріѣздъ гостей и выѣзды съ визитами до страсти. Любитъ, чтобы много вишенъ уродилось и арбузы были большіе и яблокъ народилось бы столько, какъ ни у кого въ садахъ. Для нея не существуетъ „проклятыхъ“, да и вообще никакихъ „вопросовъ“. Ихъ всѣ рѣшаетъ за нее бабушка. А отвѣтъ на вопросы о назначеніи человѣка, о цѣли и смыслѣ жизни, о добрѣ и злѣ она находитъ въ проповѣдяхъ отца Василія, у котораго все

ясно и опредѣленно. Если есть у нея горе, такъ только одно: не удается ей дойти вполнѣ до идеаловъ, провозглашаемыхъ отцомъ Василіемъ, не удается дойти до того, чтобы никогда не сердиться, любить всѣхъ больше себя, отдать все бѣднымъ и т. д. Но она находитъ утѣшеніе въ томъ, что старается приблизиться къ этимъ идеаламъ, выпрашиваетъ у бабушки корову или лошадь для крестьянина, сама возитъ лѣкаря къ больной бабѣ, раздаетъ пряники и орѣхи крестьянскимъ дѣтямъ. Ея романъ съ Викентьевымъ—безбурный романъ, свѣтлая идиллія, точно выхваченная изъ безыскусственныхъ эпическихъ сказаній. Марѳинька выйдетъ замужъ, она будетъ прекрасной хозяйкой, воспитаетъ дѣтей въ „правилахъ". Ея жизнь пройдетъ безъ бурь и потрясеній, если вихорь новой жизни не разнесетъ той обстановки, въ которой рождались и цвѣли эти яркіе душистые цвѣты дѣвственной природы.

Другое дѣло—Вѣра. Въ ней нѣтъ первобытной душевной гармоніи. Дуновеніе новой жизни коснулось ее и поселило бурю въ ея душѣ. Ей мало цѣльнаго и простого ученія отца Василія. Она стремится въ даль, къ какой-то иной жизни. Это послѣдняя ступень того типа, который выведенъ Гончаровымъ сначала въ лицѣ Адуевой, потомъ въ лицѣ Ольги и, наконецъ, въ лицѣ Вѣры. Это—одна изъ тѣхъ удивительныхъ русскихъ дѣвушекъ, которыя не мирятся на маломъ, ищутъ воплощенія возвышенной мечты своей и такъ пламенно ищутъ, что не всегда могутъ разслышать фальшивыя ноты и отличить истинный блескъ отъ поддѣльнаго. Она готова пойти за Волоховымъ, потому что ея не удовлетворяетъ старый укладъ жизни и старый кругъ воззрѣній. Ей, какъ правильно замѣтилъ Райскій, по плечу новыя понятія, пробивающіяся въ общественное сознаніе. Она стала неизмѣримо выше круга, гдѣ жила. Но, какъ Адуева и Ольга, она не можетъ найти новаго, его кон-

кретнаго воплощенія. Она какъ-будто олицетворяетъ идеалы самого Гончарова,—идеалы, въ которыхъ старая мечтательность и идеализмъ сливаются въ одно нераздѣльное цѣлое съ энергичной ломкой старыхъ устоевъ жизни. Вѣру не удовлетворитъ Райскій: она ясно видитъ безплодность его мечты, противорѣчіе между его словомъ и его дѣломъ. Но ея не удовлетворитъ и Волоховъ. Она не перенесетъ этой грубой ломки вѣковыхъ святынь, этого цинничнаго издѣвательства надъ мечтой и традиціей. И въ то же время она умѣетъ цѣнить лучшее въ обоихъ: въ Райскомъ—его благородство и честность, его уваженіе къ традиціи, въ Волоховѣ—незавимость ума, гордость и презрѣніе ко всему, что горитъ фальшивымъ, а не настоящимъ свѣтомъ. Правда, при ближайшемъ знакомствѣ Вѣры съ Волоховымъ выяснилось, что ихъ воззрѣнія кореннымъ образомъ расходятся. Она признаетъ любовь только „на всю жизнь". Онъ не связываетъ себя никакими обѣщаніями и признаетъ только свободную любовь,—любовь, длящуюся только до тѣхъ поръ, пока не исчезнетъ его влеченіе къ Вѣрѣ и не потянетъ его къ другой женщинѣ. Вѣра съ отвращеніемъ относится къ этой „любви на срокъ". Для него это—законъ природы. Вѣра убѣждена, что женщина создана прежде всего для семьи. „Я не волчица, а женщина",—говоритъ Вѣра. „Ну пусть для семьи, что же? Въ чемъ тутъ помѣха намъ? Надо кормить и воспитать дѣтей? Это ужъ не любовь, а особая забота, дѣло нянекъ, старыхъ бабъ?" Въ его глазахъ, „любовь—счастье, данное человѣку природой", счастье безъ обязательствъ, безъ стѣсненій. Вѣра, напротивъ, убѣждена, что „счастье это ведетъ за собой долгъ". Что же заставило Вѣру полюбить Волохова? Она сама напоминаетъ Марку исторію этой любви: „Помните, какъ все это случилось?—Мнѣ сначала было жалко васъ. Вы здѣсь одни, васъ не понималъ никто, всѣ убѣгали. Участіе привлекло

меня на вашу сторону. Я видѣла что-то странное, распущенное. Вы не дорожили ничѣмъ—даже приличіями, были небрежны въ мысляхъ, неосторожны въ разговорахъ, играли жизнью, сорили умомъ, никого и ничего не уважали ни во что не вѣрили, и учили тому же другихъ, напрашиваясь на непріятности, хвастались удалью. Я изъ любопытства слѣдила за вами, позволила вамъ приходить къ себѣ, брала у васъ книги,—видѣла умъ, какую-то силу... Но все это шло стороной отъ жизни... Потомъ... я забрала себѣ въ голову (какъ я каюсь въ этомъ!), что... Я говорила себѣ часто: сдѣлаю, что онъ будетъ дорожить жизнью... сначала для меня, а потомъ и для жизни, будетъ уважать, сначала опять меня, а потомъ и другое въ жизни, будетъ вѣрить... мнѣ, а потомъ... Я хотѣла, чтобы вы жили, чтобы стали лучше, выше всѣхъ, ссорилась съ вами за безпорядочную жизнь. Вы поддавались моему вліянію... И я тоже поддавалась вашему: ума, смѣлости, захватила было нѣсколько... софизмовъ...". Когда она „увидала софизмы", было поздно уже бросить Марка. Исторія любви Вѣры напоминаетъ исторію любви Ольги къ Обломову. Какъ Ольга полюбила „выдуманнаго" Обломова, такъ и Вѣра любила въ Волоховѣ возможнаго Волохова. Обѣ увлеклись мыслью о „спасеніи" любимаго человѣка, и обѣимъ не легко было разстаться съ своей мечтой. И обѣ въ сущности кончили одинаково, помирились или помирятся на какомъ-то недоконченномъ счастьи, одна—съ Штольцемъ, другая—съ Тушинымъ, и обѣ такъ и сохранятъ навсегда грустную задумчивость и скрытую тоску о необрѣтенномъ идеалѣ.

Маркъ Волоховъ—тенденціозная фигура. Онъ выведенъ какъ-будто нарочно для того, чтобы какъ можно ярче нарисовать превосходство бабушкиныхъ „правилъ" надъ новыми идеями. Сцена между Тушинымъ и Волоховымъ—символическая сцена. Тушинъ въ ней идеа-

лепъ, Волоховъ—нелѣпъ. Согласіе Волохова жениться на Вѣрѣ, полное въ сущности отреченіе его отъ своихъ принциповъ и полная побѣда Вѣры—за всѣмъ этимъ ясно чувствуется авторъ,воплощающій въ образы мысль о несостоятельности волоховской проповѣди и о превосходствѣ старыхъ испытанныхъ формъ жизни. Не будемъ останавливаться на вопросѣ о томъ, насколько правдиво и психологически вѣрно изображенъ Волоховъ. Послѣдующая исторія русскаго общества показала, что въ „новыхъ" людяхъ было кое-что кромѣ голаго цинизма и отрицанія, что многое изъ того, что они проповѣдывали, вошло въ сознаніе русскаго общества и дало плодотворные результаты. Гончаровъ хотѣлъ отмѣтить въ этихъ людяхъ одно: ихъ ученіе въ примѣненіи на практикѣ ведетъ къ страданію окружающихъ, послѣдствія проповѣдуемой ими свободы обрушиваются не на нихъ, а на тѣхъ, кто соприкасается съ ними, изъ сложныхъ отношеній жизни они, слѣдуя своей проповѣди, выйдутъ незатронутыми и, такимъ образомъ, въ конечномъ итогѣ, эта проповѣдь есть не что иное, какъ оправданіе ихъ эгоизма. Если же они столкнутся съ натурой сильной, не поддающейся ихъ идеямъ, имъ остается одно—впасть въ противорѣчіе съ своими теоріями, отречься отъ нихъ и подчиниться общепринятому порядку жизни. Тотъ „молотъ", который стучитъ въ мозгу Волохова послѣ разговора съ Тушинымъ,—этотъ молотъ держитъ рука автора. „Изъ логики и честности,—говорилъ ему отрезвившееся отъ пьянаго самолюбія сознаніе,—ты сдѣлалъ двѣ ширмы, чтобы укрываться за нихъ съ своей „новой силой", оставивъ безсильную женщину раздѣлываться за свое и за твое увлеченіе,обѣщавъ ей только одно: „уйти,не унося съ собой никакихъ „долговъ", „правилъ" и „обязанностей... оставля ее нести ихъ одну"... „Ты не пощадилъ ее „честно", когда она падала въ безсиліи, не сладилъ

потомъ „логично“ съ страстью, а пошелъ искать удовлетворенія ей, поддаваясь „нечестно“ отвергаемому твоимъ „разумомъ“ обряду, и впереди заботливо сулилъ— одну разлуку! Манилъ за собой и... договаривался! „Вотъ что ты сдѣлалъ!“—стукнулъ ему въ голову молотъ еще разъ“. Гончаровъ, представитель опредѣленной идеологіи, не могъ отвестись къ Волоховымъ иначе. Подъ тѣмъ угломъ зрѣнія, подъ которымъ смотрѣлъ на міръ просвѣщенный, полубаринъ-полузаводчикъ, трудно было думать о коренномъ пересмотрѣ общественныхъ воззрѣній, о рѣшительной перестройкѣ формъ жизни, словомъ, совершить тѣ измѣненія, при которыхъ міровоззрѣніе Волохова могло бы показаться не столь безнадежнымъ, какимъ оно казалось автору „Обрыва“.

Тушинъ—вѣнецъ того зданія, которое тщательно воздвигалъ всю свою жизнь Гончаровъ. Это новая варіація Штольца, новый синтезъ дворянскаго благородства и буржуазной дѣловитости. Онъ „раздѣляетъ“ взгляды бабушки, но онъ же ведетъ по-новому свое хозяйство, въ которомъ всюду видны „слѣды движенія, работъ, ухода, науки“. Пильный заводъ показался Райскому „чѣмъ-то небывалымъ, по обширности и роскоши строеній, гдѣ удобство и изящество дѣлали его похожимъ на образцовое англійское заведеніе; машины изъ блестящей стали и мѣди были въ своемъ родѣ образцовыми произведеніями“. Самъ Тушинъ былъ первымъ работникомъ, онъ входилъ во всѣ мелочи, лазилъ въ машину и т. д. И снова приходится на-слово вѣрить автору, какъ приходилось вѣрить по поводу удивительныхъ дѣлъ, созданныхъ Штольцомъ. Въ Тушинѣ авторъ усматриваетъ „равновѣсіе силы ума съ суммою тѣхъ качествъ, которыя составляютъ силу души и воли“; и то, и другое, и третье слито у него тѣсно одно съ другимъ и ничто не выдается, не просится впередъ, не сверкаетъ, не ослѣпляетъ, а тянетъ къ себѣ медленно,

по прочно". У него не было разлада, словомъ, онъ воплощаетъ ту гармонію, которой такъ жаждалъ Гончаровъ и которой не было въ дѣйствительности. Вотъ почему вмѣсто живого образа, вмѣсто картинъ, въ которыхъ обнаружились бы всѣ эти свойства Тушина, автору приходится довольствоваться перечисленіемъ его идеальныхъ качествъ. Впрочемъ, самъ Гончаровъ признается, что „трудно и просто нельзя рисовать съ жизни еще не сложившейся, гдѣ формы ея не устоялись, лица не наслоились въ типы".

Творчество Гончарова—отраженіе важной полосы въ исторіи русской общественной мысли. Оно отражаетъ сдвигъ этой мысли, вызванный выступленіемъ на историческую арену буржуазіи и стремленіемъ наиболѣе жизнеспособныхъ элементовъ дворянства пойти на выучку къ либеральнымъ и просвѣщеннымъ предпринимателямъ. Отсюда бо́льшая суровость къ Обломову, чѣмъ у Тургенева къ Рудину, отсюда больше любви къ Тушинымъ и Штольцамъ, чѣмъ тамъ къ Лежневымъ и Соломинымъ, и если что осталось неизмѣннымъ, то это одинаковая у обоихъ вражда къ Волоховымъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стр.

Предисловіе.

ОТДѢЛЪ V.

Чистая поэзія.—Тютчевъ.—Фетъ.—Майковъ.

I. Связь между общимъ настроеніемъ сороковыхъ годовъ и символической поэзіей. — Романтическій характеръ этой эпохи и Тютчевъ.—Біографія и личность Тютчева.—Политическія статьи и политическая поэзія.—Философская лирика Тютчева. 5

II. Тютчевъ и Фетъ.—Біографія и личность Фета.—Общій характеръ его поэзіи.—Аристократическая безпечность, преображеніе міра черезъ красоту.—Роль поэзіи.—Добро и зло.—Природа.—Слово и звукъ.—Заключеніе. 38

III. Майковъ среди представителей „чистой поэзіи".—Его біографія.—Отношеніе Майкова къ общественно-литературнымъ направленіямъ и къ политическимъ злобамъ дня.—Романтическій универсализмъ и объективность—главныя черты майковской поэзіи.—„Вѣчное".—Взглядъ на поэта и искусство.—„Три смерти", „Два міра" и другія поэмы. 66

ОТДѢЛЪ VI.

Выступленіе буржуазіи.—Гончаровъ.

I. Герои „дѣла".—Вліяніе начинающагося развитія промышленности.—Городъ.—Гончаровъ.—Его біографія и личность.—Его общественныя и эстетическія воззрѣнія.—Взглядъ на собственные романы.—„Обыкновенная исторія".—„Обломовъ".—„Обрывъ". 101

УКАЗАТЕЛЬ ГЛАВНЫХЪ ПОСОБІЙ.

Ѳ. Тютчевъ. Сочиненія и политическія статьи. СПБ. 1900 г.

И. С. Аксаковъ. Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ. „Русскій Архивъ", 1874, 10.—2-е изданіе. М. 1886 г.

Главныя статьи о Тютчевѣ, см. **Айхенвальдъ** („Силуэты русскихъ писателей"), **Л. Якубовичъ** („Очерки русской поэзіи"), **Горнфельдъ** („Ист. русск. лит." подъ ред. Овсянико-Куликовскаго, изд. „Міръ."), **Вл. Соловьевъ** („Собр. соч-ій"), а также въ общихъ обзорахъ Венгерова, Скабичевскаго и т. д.

А. Фетъ. Полное собраніе стихотвореній въ трехъ томахъ. Изд. Маркса. СПБ. 1900 г.

А. Фетъ. Ранніе годы моей жизни. М. 1893 г.

А. Фетъ. Мои воспоминанія 1848—1889. Въ двухъ частяхъ. М. 1890 г.

Главныя статьи. См. указ. выше сочиненія **Айхенвальдъ, Якубовичъ. Саводникъ** („Ист. русск. лит.", изд. „Міръ"), **Вл. Соловьевъ**, а также **Михайловскій** („Полн. собр. соч-ій"), **Л. Майковъ** („Историко-лит. очерки"), **В. Боткинъ** („Соч-ія", т. II.), **Ап. Григорьевъ** („Сочиненія"), и об. соч-ія.

А. Майковъ. Полное собраніе стихотвореній, въ четырехъ томахъ. Изд. Маркса. СПБ. 1901 г.

М. Л. Златковскій. А. Н. Майковъ. Біографическій очеркъ. Изд. 2-е. СПБ. 1900 г.

Главныя статьи и упоминанія. Айхенвальдъ („Силуэты"), **Семевскій** („Изъ исторіи обществ. идей въ Россіи въ

концѣ 40-хъ гг."), **Батюшковъ, Ѳ.** („Критическіе очерки и замѣтки"), **Мережковскій** („Вѣчные спутники"), **Ф. Зелинскій** (статья „Античный міръ въ поэзіи Майкова" въ книгѣ „Изъ жизни идей"), **Дивильковскій** („Ист. русск. лит.", изд. „Міръ").

И. Гончаровъ. Собраніе сочиненій въ 9 томахъ. Изд Глазунова. СПБ. 1896 г., также изд. Маркса въ 12 томахъ. СПБ. 1899 г.

И. Гончаровъ. „Воспоминанія" и „Лучше поздно, чѣмъ никогда" (въ „Собр. соч-ій").

Ляцкій. Гончаровъ. СПБ. 1904.

Главныя статьи. Овсянико-Куликовскій („Ист. русск. интелл."), **Айхенвальдъ** („Силуэты"), **Ивановъ-Разумникъ** („Ист. русск. общ. мысли"), **Добролюбовъ** („Что такое Обломовщина?"), **Писаревъ, Бѣлинскій** въ собр. соч., **Ляцкій** („Ист. русск. лит.", изд. „Міръ").

Книгоиздательство „ЗАРЯ“.

Москва, кн. маг. „Сотрудникъ провинціи“, уг. Тверского бул. и Мал. Бронной, 1. Телефонъ 27-96.

П. Коганъ.—Очерки по исторіи древнихъ литературъ. Т. I. *Греческая литература.* Изд. II. Ц. 1 р. 25 к.

Его же.—Очерки по исторіи западно-европейск. литературъ. Т. I. В. I. *Средніе вѣка. Данте. Эпоха Возрожденія. Сервантесъ. Шекспиръ. Ложно-классич. направл. и начало раціонализма. Мильтонъ. Локкъ. Корнель. Мольеръ. Просвѣтительн. и сентиментальн. направленіе. Нѣмецк. литература въ XVIII в. Лессингъ. Гете. Шиллеръ. Романтизмъ и поэзія „міровой скорби“. Новалисъ. Байронъ.* Изд. VI. Ц. 1 р. 50 к.

Его же.—Очерки по исторіи западно-европейск. литературъ. Т. III. В. I. *Соціальн. подкладка соврем. поэзіи. Максъ Штирнеръ. Ницше. Ибсенъ. Метерлинкъ. Шницлеръ. О. Уайльдъ.* Изд. II. Ц. 1 р. 25 к.

Его же.—Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Т. I. В. I. *Николаевская эпоха. Западныя вліянія: сенъ-симонизмъ и гегелійнство. Бѣлинскій. Три главныхъ направленія въ русской литературѣ 40-хъ гг.: офиціальн. народность, славянофильство и западничество. Булгаринъ. Хомяковъ. Кирѣевскіе. Аксаковъ. Чаадаевъ. Герценъ.* Изд. III. Ц. 1 р.

Его же.—Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Т. I. В. II. *Кающееся дворянство. Лишніе люди. И. С. Тургеневъ. Л. Н. Толстой. Д. В. Григоровичъ.* Изд. II. Ц. 1 р.

Его же.—Очерки по исторіи новѣйш. русской литературы. Т. III. Современники. В. I. *Куприн. Арцыбашевъ. Голоубъ. Юшкевичъ. Телешовъ и др.* Изд. II. Ц. 1 р.

Его же.—Т. III. Современники. В. II. *Л. Андреевъ. К. Бальмонтъ. В. Брюсовъ. И. Бунинъ. А. Блокъ и др.* Ц. 1 р.

Его же.—Т. III. Современники. В. III. Мистики и богоискатели. *Мережковскій. А. Бѣлый. В. Ивановъ.* Ц. 1 р.

П. Коганъ.—Бѣлинскій и его время (Къ 100-лѣтію со дня рожденія). Ц. 70 к.

Его же.—Бѣлинскій (Для народныхъ учителей и средней школы). Ц. 30 к.

Ю. Айхенвальдъ.—Отдѣльныя страницы. Сборники педагогич., философск. и литератури. статей. В. I и II. Ц. по 1 р. 25 к.

И. Я. Абрамовичъ.—Художники и мыслители. Сборн. философск., общественн. и литературныхъ статей. Ц. 1 р. 25 коп.

Его же.—Въ осеннихъ садахъ. Сборн. критич. статей о современн. литературѣ. Ц. 1 р.

Его же.—Сказка о голомъ королѣ. Леонидъ Андреевъ и „Анатэма". Постановка Моск. Художественнаго театра. Ц. 35 к.

Н. Валентиновъ.—Мы еще придемъ!.. О современной литературѣ. „Жизнь Человѣка" и „Царь-голодъ". Ц. 35 к.

Викторъ Стражевъ.—О Метерлинкѣ. Синей птицѣ и Вѣчномъ младенцѣ. Ц. 35 к.

Я. Данилинъ.—Санинъ въ свѣтѣ русской критики. Ц. 35 к.

Критическіе альманахи.—Кн. I. Статьи *Ю. Айхенвальда, И. Когана, И. Абрамовича, В. Фельдмана, Г. Брандеса, Е. Загорскаго, Вл. Высоцкаго, М. Горелика.* Ц. 1 р.

Кн. II. Статьи *Ю. Айхенвальда, И. Когана, Г. Брандеса, Г. Сенкевича, В. Фельдмана, С. Рамера, І. Шлаффа.* Ц. 1 р.

Литературные портреты.—Кн. Гамсунъ. М. Метерлинкъ. А. Стриндбергъ. Г. Ибсенъ. Фр. Ницше. Статьи *Г. Брандеса, И. Абрамовича и др.* Ц. 75 к.

Юбилейный Чеховскій сборникъ.—Статьи *И. Абрамовича, А. Волынскаго, М. Невѣдомскаго, В. Розанова и Л. Философова.* Ц. 1 р.

О критикѣ и критикахъ. Ч. I. Писатели о критикѣ. Ч. II. Критики о критикахъ. Ч. III. О театральной критикѣ. Статьи *А. Куприна, Е. Чирикова, О. Дымова, Ан. Ка-*

менскаго, С. Венгерова, К. Чуковскаго, К. Станиславскаго, Вл. И. Немировича-Данченко, А. И. Южина-Сумбатова и др. Ц. 75 к.

Критическая библіотека.

№ 1. **Ю. Айхенвальдъ.**—Валерій Брюсовъ. Съ портр. Ц. 20 к.

№ 2. **С. Рамеръ.**—Августъ Стриндбергъ (Патологическій очеркъ). Ц. 30 к.

№ 3. **Н. Я. Абрамовичъ.**—Кнутъ Гамсунъ. Ц. 20 к.

№ 4. **Н. Я. Абрамовичъ.**—Фридрихъ Ницше. Ц. 20 к.

№ 5. **Н. Минскій.**—Л. Толстой и реформація. II. Идеи „Саломеи". Ц. 20 к.

№ 6. **Зин. Венгерова.**—Анатоль Франсъ. Ц. 20 к.

№ 7. **Л. Козловскій.**—Вл. Короленко. Ц. 20 к.

№ 8. **Георгъ Брандесъ.**—Генрихъ Ибсенъ. Ц. 20 к.

№ 9. **Іосифъ Шлаффъ.**—Морисъ Метерлинкъ. Ц. 20 к.

К. Н. Рашевскій. Краткій курсъ ариѳметики для средн. учебн. заведеній, 3-е изд., исправленное. Ц. 30 к.

2-е изд. *допущено* М. Н. Пр. *какъ руководство* для средн. уч. заведеній.

Его же. Основанія аналитической геометріи. Учебникъ для дополнит. класса реальныхъ уч., составл. примѣнительно къ программѣ М. Н. Пр. Ц. 50 к.

3-е изд., исправленное. 2-е изд. *допущено* Уч. К. М. Н. Пр. въ качествѣ руководства для реальныхъ училищъ.

Его же. Элементарный курсъ алгебры Для ср.-уч. заведеній. Ц. 1 р. 25 к.